Выдавец:
ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць 1 раз у 2 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
NN 5–6 (42–43)

Галоўны рэдактар
Уладзімір Дзюба
Намеснік галоўнага рэдактара
Таццяна Мельнічук

Дызайн, вёрстка
Цімафей Нявінскі, Юлія Андрэева

Фота
Юрый Дзядзінкін
Уладзімір Дзюба
Архівы ГА «БАЖ»
www.charter97.org

Выданне зарэгістравана
ў Дзяржаўным камітэце
Рэспублікі Беларусь па друку,
рэгістрацыйны N 1553
ад 12.12.2000 г.

Падпісана да друку 25.11.2005 г.
Дата выхаду 30.11.2005 г.
Фармат 60x80/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк. 7,4.
Наклад 300 асобнікаў. Заказ N 227.
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
пл. Свабоды, 17-304.
Тэл/факс: (017) 223-63-66,
226-70-98
e-mail: abajur@tut.by,
baj@user.unibel.by
http://www.baj.unibel.by

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП N 02330/0056748 ад 22.01.04 г.
Адрас:
220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл: (017) 203-74-10, 203-53-41
8-029-623-74-10
office@medisont.com
www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку аўтары нясуць адказнасць за падбор і дакладнасць фактаў, прыведзеных у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэрыялы ў парадку абмеркавання, не падзяляючы пункту гледжання аўтараў.

Змест

Ирина Халип: Мы хотим сделать жизнь в Беларуси лучше 2

Светлана Калинкина: «Народная Воля» останется народным изданием 4

Павел Шарамет: Помніць — наш чалавечы і маральны абавязак 6

История одной газеты 8

Доступ к информации закрыт 11

Архіпелаг Беларусь. Корм для нашага «каня» 15

Пресса и оппозиция 20

Савик Шустер: Взаимодействуя с властью, не давать этой власти делать все, что ей вздумается . . . 22

Они не боятся! 25

Вераніка Чаркасава «Чырвоным па белым» 29

Когда общение в радость 33

Постановочный репортаж 36

Працэнтаманія 38

Внештатная ситуация 42

(Не) рыночная асимметрия 45

Парадоксы новейшей истории 48

Смерть великого лицедея 49

Памяці бязвінных ахвяр сталінскага тэрору 53

Инструкция для шибко грамотных 55

Дрэсіроўшчык 58

Magazine Issue Digest 61

Ирина Халип:

Мы хотим сделать жизнь в Беларуси лучше

Корреспондент «Новой газеты» в Беларуси, журналист «БДГ. Деловой газеты» Ирина Халип удостоена американским журналом «Тайм» звания «Герой Европы». Церемония награждения прошла в Лондоне 24 октября.

— Я безумно рада этому признанию по нескольким причинам. Во-первых, все те, кто пытается приблизить демократические перемены в Беларуси, часто сталкиваются с непониманием большинства. Нередко говорят: вам не сдвинуть эту глыбу, не избавиться от этого зла. Зачем тратить на это свою жизнь, молодость, силы?.. И вот это признание каких-то моих личных заслуг свидетельствует, что мы делаем свое дело не зря. За нашими усилиями внимательно следят, нас поддерживают, нам помогают — цивилизованный мир с нами, он тоже против авторитаризма в Беларуси.

Вторая причина, по которой я очень горда, — это то, что я оказалась в крайне замечательной компании. В номинации «Храброе сердце», в которой к званию «Героя Европы» представили меня, лауреатами также стали Флоранс Обена, французская журналистка из «Либерасьон», которая была похищена в Ираке, и машинист лондонского метро Джефф Портер, спасавший людей во время терактов 7 июля.

— *Часто можно слышать, что Европа и мир мало интересуются Беларусью — маленькая страна, не она определяет геополитику на континенте, белорусское население не проявляет активного стремления к демократическим переменам... О Беларуси в мире мало говорят, мало пишут...*

— Я думаю, что как раз-таки все меняется. За тем, что происходит в Беларуси, мир действительно достаточно сдержанно наблюдал в течение ряда лет. В какой-то момент, вероятно, могло показаться, что все это уже не исправить. Но события, которые происходят в нашей стране, репрессии, которые усиливаются, доказывают, что белорусская власть боится. И боится прежде всего внутреннего сопротивления. Режим, извините, плевать хотел на международную реакцию. Но международная реакция крайне важна для нас. Для гражданского общества, оппозиции, для всех, кто борется. Мы должны знать, что мы не одиноки и нас услышат.

С моей точки зрения, сейчас растет интерес к Беларуси. Тот же журнал «Тайм», который объявляет премии «Герой Европы», много лет вообще не писал о нашей стране. Но буквально две недели назад в «Тайм» вышла статья о белорусском проекте «Свободный театр».

— *Ирина, где ты сейчас работаешь — вернее, где удается работать?*

— Я по-прежнему заместитель главного редактора «Белорус-

ской деловой газеты». Сейчас в связи с запретом Лукашенко использовать в названиях независимых СМИ слова «белорусский» и «национальный» газета вынуждена была перерегистрироваться под названием «БДГ. Деловая газета». Нашей газете приходится печататься в Смоленске, в России. В Беларуси монополизированные государством типографии и службы распространения печати отказались работать с нами. БДГ пережила массу штрафов, угроз закрытия, судов. Вот и сейчас газете предъявлен иск на сумму более 23 тысяч долларов — за журналистское расследование Сергея Сацука, которое властям проще признать «не соответствующим действительности», чем согласиться с изложенными там фактами противоправных действий государственных служащих.

— *Удается ли тебе работать на родине в такой ситуации?*

— К сожалению, это очень больной для меня вопрос. На родине я, можно сказать, утратила трибуну, как и многие другие журналисты. Большая часть независимых газет закрыта, две-три оставшиеся на грани вымирания... Это, конечно, ужасно. Но российская «Новая газета» для меня — спасение и идеальный вариант, потому что там мои единомышленники, люди, которые прекрасно понимают белорусскую ситуацию. И, к счастью, благодаря интернету и прочим умным изобретениям человечества, слово не улетает, слово остается, оно доступно в разных концах и Беларуси, и мира.

— *И далее — совсем по новейшему варианту старой пословицы: «Слово не воробей, вылетит — поймают»... У тебя, насколько мне известно, неприятности из-за недавних публикаций в «Новой газете»?*

— Да, в «Новой газете» в августе появилась моя статья «Время выбрасывать грабли» с подзаголовком «Будет ли революция в Беларуси». Это был всего лишь мой авторский взгляд на происходящее и мой личный вывод, что, к сожалению, без революции в Беларуси не обойтись. Не потому, что белорусы так уж хотят помахать кулаками, а потому, что власть не дает возможности честного и открытого сражения на избирательных участках. Кстати, я сейчас во Франции, на сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы. И вчера присутствовала на заседании подкомитета ПАСЕ по Беларуси. На заседание приехала Ута Цапф, руководитель рабочей группы ОБСЕ по Беларуси. Она наблюдала за выборами в Беларуси в 2001 году, референдумом и выборами 2004 года. Ута Цапф сказала: «То, что я видела осенью 2004 года, было подлым враньем и мошенничеством»...

Белорусская прокуратура объявила мне за статью «Время выбрасывать грабли» официальное предупреждение. Прокуроры увидели в моей статье призывы к свержению конституционного строя.

— *Не опасно ли после этого работать и вообще жить в Беларуси?*

— Никогда в жизни я не хотела из Беларуси уехать. Моя мама, мой отец Владимир Халип (отец Ирины, известный в Беларуси кинорежиссер, вместе с Ириной был жестоко избит сотрудниками ОМОН 2 апреля 1997 г. во время работы по освещению акции протеста оппозиции Союзу Беларуси и России) живут в Минске. Я приеду в Минск в воскресенье, закончу журналистские дела во Франции — и домой. Мы, наверное, те «ненормальные», которые не хотят колесить по миру в поисках «хорошей» страны. Мы хотим сделать жизнь в этой стране лучше. Любому человеку опасно жить и работать в Беларуси — даже если это не политик, не журналист, не активист какой-то общественной организации. Я скажу так: наше государство психически нездорово. А с психически больными действительно опасно: агрессия может обрушиться на тебя не потому, что ты поднял руку и показал, что собираешься ударить, а просто потому, что ты мимо прошел... Так что опасно любому. Нам, демократическим журналистам, — больше, чем другим. И иногда мне кажется, что журналисты делают, может быть, даже больше, чем политики. Поэтому власти их преследуют и боятся.

Ирина Халип и известный испанский режиссер Педро Альмадовар

bbcrussian.com

Светлана Калинкина: «Народная Воля» останется народным изданием

Ситуация с негосударственными изданиями в Беларуси свидетельствует: власти уже не первый год ведут планомерную и непрыкрытую «зачистку» информационного поля. Активное обострение отмечается перед началом важных политических кампаний, будь то выборы в местные Советы, в парламент, а особенно накануне избрания руководителя государства.

Светлана Калинкина, шеф-редактор преследуемой нынешней осенью «Народной Воли», убеждена, что проблемы вокруг возглавляемого ею издания спровоцированы властью.

— Светлана, то, что происходит сегодня с «Народной Волей», — это единичный случай с отдельной газетой или же общая тенденция во взаимоотношениях белорусской власти с независимыми изданиями?

— Это общая тенденция. Весьма показательно, как Михаил Подгайный, бывший министр информации, нынче же — руководитель столичной службы распространения газет (ТРУП «Миноблсоюзпечать») объяснил нам, почему они расторгают договор с «Народной Волей». Начальник минских киосков, забыв, что на подобное имеет право только министр, обвинил газету в нарушении законодательства о СМИ. Незадолго до этого подразделения «Союзпечати» получили письмо из Министерства информации, и там был перечень «неблагонадежных» газет и формулировка: в связи с нарушением в средствах массовой информации законодательства о СМИ просим расторгнуть договоры с «Народной Волей», «Нашай Нівай» и так далее по списку. Перенесли на нас общую формулировку, не озаботившись даже анекдотичностью ситуации, в которой оказался долго разъяснявший журналистам законы экс-министр.

Так что без лишнего камуфляжа начинается наступление на последние оставшиеся независимые СМИ, и будет делаться все возможное, чтобы до президентских выборов такие газеты под любым предлогом прекратили свое существование. У «Белорусской деловой газеты» (после перерегистрации — «БДГ. Деловая газета») положение только внешне другое. Их просто начали душить исками и огромными штрафами. Причем «всплывают» статьи нескольколетней давности. И «вдруг» просыпаются бывшие омоновцы, оскорбленные за свою честь и достоинство, подают в суд некогда обиженные службисты... Только за последнее лето было три иска и три огромных штрафа, которые газета все равно не сможет выплатить и рано или поздно закроется по экономическим причинам.

У «Народной Воли» проблематичная ситуация с печатью и с распространением. Полная блокада. Что такое для ежедневной газеты — не продаваться? Или не печататься в Минске? Сейчас газета делается практически за сутки и уже на вторые, а то и третьи попадает к читателю. Реально мы не можем сообщить людям последние новости. Мы вынуждены это делать с опозданием. И нельзя гарантировать, что газете вообще не перекроют доступ к читателю. Уже сейчас киоски «Белпочты» нашу газету не продают, хотя никакие договоры не расторгнуты. Я думаю, планировалось, что и «Белпочта» разорвет договоры с нами, они просто ждали формального повода — например, чтобы газета не вышла, пропустила 1–2 номера. Но газета ни одного номера не пропустила. Было сделано невероятное — «Народная Воля» без сбоя поступила к подписчикам, поэтому формального повода у них сейчас нет.

Когда этот номер «А» готовился к печати, стало известно: почта не включила газеты «Народная Воля», «Солидарность», «Згода», «Товарищ» и ряд других в подписной каталог на 2006 год.

— Как Вы оцениваете ситуацию с независимой прессой в Беларуси вообще, почему оказывается такое давление со стороны властей?

— Дело в том, что в Беларуси, на мой взгляд, существует только одна сильная и структурированная оппозиция — это журналисты и СМИ. У политических партий и общественных организаций нет ни единства, ни аудитории, то есть возможности выхода к людям. Только у СМИ это есть, только СМИ между собой не конфликтуют и, в общем, выступают единым фронтом. И поэтому — не один год, а уже много лет — основной удар приходится именно по СМИ. Правозащитные организации и СМИ — вот кто наиболее раздражает власти.

— Как чувствует себя коллектив в такой ситуации? Сегодня «Народная Воля» есть, а завтра ее может уже и не быть.

— Коллектив чувствует себя нормально. Когда такие форс-мажорные обстоятельства впервые — это страшно. Может возникнуть растерянность и неопределенность. Но «Народная Воля» многое переживала — уже печаталась в Вильнюсе, полтора года не было распространения газеты (1996 год перед референдумом). Люди у нас уже проверенные, не один раз пережившие такие обстоятельства. Мы работаем даже в таких сложных условиях, делаем газету без каких-то особых внутренних проблем.

— Чего можно, на Ваш взгляд, ожидать в дальнейшем? Ведь приближается очень важная политическая кампания, а по «Народной Воле» уже нанесен ощутимый удар. И второй вопрос: ожидали ли Вы такой поддержки от читателей, политических и общественных деятелей, предпринимателей в тот момент, когда возникла необходимость срочно выплатить «компенсацию морального вреда» Сергею Гайдукевичу?

— Начну со второй части вопроса. Честно скажу, я не ожидала такой поддержки. Я всегда понимала, что есть такие люди, как пенсионеры — люди эмоциональные, сентиментальные, их легко «подвигнуть» на такие порывы. Но когда человек отдает последние деньги, когда он может даже не свети концы с концами до следующей пенсии, у него там максимум есть картошка, соленые огурцы и кусок сала — я такого не ожидала. Как не ожидала и того, что откликнутся люди вполне прагматичные — предприниматели, которые приносили деньги, притом достаточно крупные суммы. Некоторые даже брали деньги в долг под залог своего имущества. Все это действительно было неожиданно. И сейчас, после всего происшедшего, я скажу, что с нашим народом можно побеждать и нужно побеждать. Потому что наш народ и на подъем легок, и поступками велик. Что касается перспектив, то можно рассчитывать на все, но нужно исходить из худшего сценария. Худший сценарий — это когда в Беларуси останутся «квазинезависимые» СМИ. То есть формально они «негосударственные», как газета «Обозреватель», но реально они еще более государственные, чем «Советская Белоруссия». И поэтому я не вижу другого выхода, как создание массовой, с многомиллионными тиражами газеты, которая будет абсолютно бесплатно распространяться по всем регионам Беларуси.

— Насколько это возможно технически? Мы уже имеем печальный опыт бесплатно-листовочных проектов, особенно в канун важных политических кампаний.

— Технически это абсолютно возможно. Причем это надо делать таким образом, чтобы не подставлять людей, распространяющих независимую газету. Это издание нужно либо регистрировать в России, как «Новую...», либо с нашими друзьями — российскими журналистами — делать какой-то специальный белорусский выпуск, как «БДГ» это делала с «Новой газетой». То есть под маркой известной российской газеты издается спецвыпуск для Беларуси. Юридических оснований не впустить эту газету в страну, наказать тех, кто ее распространяет, нет. Белорусские власти должны аннулировать все союзные и таможенные договоренности, чтобы подвергнуть такой проект репрессиям. Другого выхода я не вижу, потому что много говорится о листовках, о подпольной газете, но мы, как мне кажется, должны заботиться о людях, дорожить каждым человеком. Листовки, подпольная газета могут быть в пиковых ситуациях, это каждый раз должно быть очень сильно мотивировано, потому что бывают публикации, которые в легальных, зарегистрированных СМИ невозможны. Например, материал о «президентском фонде». Всем понятно, что информация о нем абсолютно засекречена, что журналисты располагают обрывочными сведениями, заключениями, расчетами экономистов. Но доказательств — номеров счетов и т. д. — нет. Расследование, о котором говорили американцы и результаты которого уже должны были быть оглашены как минимум несколько месяцев назад, тоже, к сожалению, пока ничем не закончилось. Или, точнее, мы не знаем, чем оно закончилось. Я хочу сказать, что есть темы, сюжеты, которые в политических кампаниях имеют место, но они могут появиться только в подпольной прессе, в самиздате. Но это — разовые акции. А нашим людям сегодня нужен постоянный источник информации, и таким источником может быть только легальная пресса.

Беседовал Г. Кеснер

Павел Шарамет: «Помніць — наш

Цёплым, шчырым, вясёлым і, разам з тым, пранізліва журботным было святкаванне 10-годдзя ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў». Заключная яго частка прайшла на былой вайсковай базе — жывым помніку не такой ужо і далёкай дэмілітарызацыі. Аднак для незалежнай журналістыкі, якая пракладае шлях на постсавецкай прасторы, вайна яшчэ не скончылася.

Пра гэта казалі і нашы калегі з Літвы ды Расіі. Пра гэта апавядае і новая дакументальная кінастужка, якую прэзентаваў Леанід Міндлін.

Неўзабаве пачалося ўшанаванне сёлетніх лаўрэатаў прэміі

Дзмітрыя Завадскага «За мужнасць і прафесіяналізм». Нагадаем, што гэтая прэмія з'явілася па ініцыятыве журналістаў «Первого канала» (Расія), а ўручаў яе кіраўнік аддзела спецпраектаў Павел Шарамет.

Ён зазначыў, што гэтая прэмія трымаецца на памяці тых, хто некалі працаваў з Дзімам. І што выбар сёлетніх лаўрэатаў быў незвычайны, бо абраныя журналісты прадстаўляюць самыя розныя мас-медыя, часта апазіцыйныя як да маскоўскіх, так і да беларускіх уладаў. П. Шарамет падкрэсліў, што гэта сведчанне таго, што ўручэнне прэміі не палітычная акцыя, а чалавечы і маральны абавязак уганараваць журналістаў, якія сваімі ўчынкамі і штодзённай працай заслужылі павагу калег.

У вітанні генеральнага дырэктара «Первого канала» Канстанціна Эрнста адзначана: «Прэмія Д. Завадскага — пацверджанне Вашай бездакорнай рэпутацыі і прызнанне высокага прафесіяналізму».

Лаўрэатамі прэміі Д. Завадскага сталі карэспандэнтка REN-TV Алена Слаў і аператар гэтага тэлеканала Уладзімір Косцін, журналістка «Радыё «Свабода» Любоў Лунёва, рэдактар газеты «Glos znad Niemna» Анджэй Пісальнік і журналіст «БДГ. Деловая газета» Сяргей Сацук.

чалавечы і маральны абавязак»

Сяргей Сацук: «Мне б хацелася, каб надалей не знікалі і не гінулі журналісты. Каб такія прэміі засноўваліся ў гонар жывых журналістаў, якія заўсёды будуць побач з намі».

Алена Слаў: «Працаваць журналістам у Беларусі — справа нялёгкая, але, відаць, любімая. Гэта мая першая прафесійная прэмія. Я рада за сябе і за калегаў».

Анджэй Пісальнік: «Я вельмі ўзрушаны гэтай падзеяй. Тое, што якраз сёлета, калі між Польшчай і Расіяй вельмі халодныя стасункі і калі мне, паляку па нацыянальнасці, прадстаўніку польскамоўнага выдання ў Беларусі, уручаецца гэтая прэмія, сведчыць, што палітычныя недарэчнасці не перакладаюцца на карпаратыўную ацэнку нашых дзеянняў».

Любоў Лунёва: «Кожны год для нас — гэта выпрабаванні, перашкоды, кожны год з намі нешта здараецца. Але для мяне прэмія Д. Завадскага — гэта не толькі гонар. Мы сябравалі з ім з 1998 года. Я памятаю яго першы арышт, памятаю, як ён знік. І тую разгубленасць пасля, калі мы сядзелі на карпункце ОРТ і не ведалі, што рабіць, да каго звяртацца і каму тэлефанаваць.
Я часта ўзгадваю Дзіму, які бездакорна працаваў на розных акцыях. Я не памятаю, каб ён калі-небудзь павысіў свой голас, каб некага абразіў.
Лічу, што гэтая прэмія не мая асабістая, але ўсёй беларускай службы «Радыё «Свабода».

История одной газеты

Не дожив всего нескольких месяцев до своего 9-летия, независимое региональное издание «Новая газета Сморгони» кануло в лету. В январе 2005 года Министерство информации Республики Беларусь аннулировало свидетельство о регистрации «НгС», прекратив тем самым всякие попытки бороться за ее существование.

Алина СУРОВЕЦ

Однако до начала августа у нашей редакции еще была возможность продолжить диалог с читателем. По договоренности, вместо «НгС» мы издавали сморгонский выпуск «Местной газеты». Сегодня в Сморгони нет ни «Новой газеты Сморгони», ни «МГ». Информационное пространство более чем 60-тысячного региона «зачищено» от «вредных элементов». И вопрос читателей: «Это как же мы теперь без газеты жить будем?» — повисает в воздухе.

Временная, как мы надеялись, замена «Новой газеты Сморгони» другими изданиями была вынужденной мерой, но последние два года мы слишком часто прибегали к ней и, следовательно, все больше попадали в зависимость от внешних обстоятельств. В итоге более чем годовое сотрудничество издателя «НгС» Ромуальда Улана с издателем волковысской «Местной газеты» Андреем Шенторовичем закончилось, и сморгонский выпуск был закрыт по инициативе собственника «МГ».

Сегодня уже все прекрасно понимают, что власть прикончила «НгС» вовсе не из-за ее оппозиционности или одиозности публикуемых материалов. Это была успешная региональная газета, с немалым тиражом, интересным содержанием, хорошим дизайном. Здесь работал творческий коллектив, способный в невероятно сложных условиях создавать конкурентоспособный печатный продукт. Газету искренне любили сморгонцы, уважали умеющие думать руководители, боялись чиновники. «НгС» вызывала зависть у тех, кто не мог или не хотел сделать столь же популярной местную официальную районку.

Когда живешь в окружении завистливой стаи, в любой момент ждешь рокового «фас!». Но в глубине души все же надеешься: а вдруг тебя минет сия чаша. Не миновала! Кольцо личной ненависти вокруг «НгС» в последние годы неумолимо сжималось. Задетые нашими публикациями и «обиженные до глубины души», отдельные местные руководители, используя свое положение, влияние, административный ресурс, целенаправленно разоряли и уничтожали «непослушную» газету. Особо ретивые и нетерпеливые чины, предвкушая сладость мести, даже делились «тайнами» о своих подлостях. Другие хвастались тем, что каждый рабочий день начинают со звонков в самые высокие инстанции с жалобами и требованием немедлен-

Самые стойкие сотрудники редакции «НгС» (слева направо): Ирина Пермякова, Алина Суровец, Валентина Бужинская, Ольга Кунявская, Ромуальд Улан, Ирина Мишина, Елена Краснова

ной расправы с «мерзкой газетенкой». В истории уничтожения «Новой газеты Сморгони» были задействованы многие государственные инстанции, начиная с инспекции пожарного надзора и заканчивая Министерством информации РБ. По схеме, которая апробировалась в Сморгони, сегодня власть с присущей ей изощренностью расправляется с другими независимыми региональными газетами.

Гонения на нашу редакцию практически не прекращались на протяжении последних лет. Нас неоднократно выселяли из арендуемых помещений по надуманным и незначительным причинам. Например, кому-то вдруг потребовалось сделать ремонт в снятой редакцией комнате и увеличить штат собственных сотрудников — убирайтесь! В другом арендуемом нами помещении властям понадобилось срочно открыть детское кафе. Мы же не звери, все понимаем — и с лозунгами «Все лучшее — детям!» покинули насиженное место.

Прекратились мытарства редакции по чужим углам и, соответственно, гонения лишь тогда, когда издатель газеты Ромуальд Улан приобрел в собственность маленький деревянный домик по улице Танкистов, 8. Три небольшие комнатенки, которые показались нам настоящими хоромами, были немедленно приведены в божеский вид и «обмыты» по всем правилам новоселья.

В тот момент мы были уверены, что теперь-то нас никто и никогда не выселит из родного дома. Какими же наивными мы были... Еще трижды редакцию выбрасывали на улицу уже из собственного дома. Первый раз из-за огромного штрафа налоговой инспекции на имущество Р. Улана был наложен арест. Оборудование редакции описали, а нас всех «попросили» выйти вон. Обжалование действий налоговиков и разборки в суде снова вернули нас в родные стены.

Позже наступил очередной роковой момент — по мнению пожарного надзора, у нас оказалось «неправильное» печное отопление. Всей редакцией мы долго искали у печки второй дымоход, абсолютно не понимая, почему печка одна, а дымоходов должно быть два. Так и не нашли. Пришлось обратиться к специалистам, по их заключению все было правильно и соответствовало нормам. Но для пожарников — нет...

В декабре 2004 года очередное выселение постигло редакцию «НгС», а запретную печать на входную дверь поставил пожарный инспектор

Столь же безуспешно мы пытались найти в радиусе 500 км печника «с корочками», который, по мнению пожарников, «таковым должон быть». Не найдя такого специалиста с высшим «правильным» образованием, мы и по сей день остаемся в неведении относительно того, «как положено» и какой должна быть на самом деле печка.

А в один из декабрьских дней на наших окнах вдруг обнаружили «неправильные» решетки. Пройдясь по городу, мы увидели великое множество точно таких же решеток, но до них пожарникам дела не было. По их мнению, «самые неправильные» решетки находились именно на окнах редакции «Новой газеты Сморгони». И потому нас выгнали на мороз, а дверь опечатали. Пришлось снимать частную квартиру, почти подпольно верстать номера, тайными тропами везти газету в город и практически «из-под полы» продавать.

А вот история о том, как нас «кинула» почта. Собрав деньги на квартальную и полугодовую подписку более чем с 3 тысяч читателей «Новой газеты Сморгони» и получив авансом за доставку газеты почти половину вырученной суммы, в феврале 2003 года районное почтовое отделение в одностороннем порядке разорвало договор и самоустранилось от распространения газеты. Представляете, каков был удар?! Треть тиража издания, в том числе и в сельскую местность, нам пришлось доставлять своими силами. Подписчики ждали газету, за которую заплатили деньги. Их мало волновали наши отношения с почтой, которая, прикарманив деньги, не выпол-

нила своих обязательств. По большому счету, наших подписчиков просто обокрали.

Редакции пришлось срочно создавать собственную службу доставки. И когда коллеги из других регионов еще только вели разговоры о том, что надо бы организовать такую систему, «НгС» была вынуждена оперативно внедрять ее.

Было трудно, но выдержали. Разделили город на пять секторов, за каждым из которых закрепили своих почтальонов. В селах нашли ответственных людей, поручили им курьерскую доставку газеты прямо в дома наших читателей. Были проблемы, но служба заработала. У газеты появились помощники — общественные распространители. Благодаря им мы и подписку организовали, и газету читателям доставляли.

К слову, почта и по сей день считает, что поступила законно и ничего не нарушила. В разбирательствах по этому поводу участвовал даже областной чиновник, но и он не нашел в действиях почтовиков крамолы. Как говорится, Бог им судья...

Мне всегда нравилась способность нашего коллектива мужественно переносить все тяготы и лишения, связанные с преследованием газеты. Это какая-то феноменальная психологическая и физическая стойкость, присущая, образно говоря, разве что детской игрушке ваньке-встаньке. С полной уверенностью могу сказать, что за шестилетнюю свою работу в газете я не припомню случая, чтобы кто-то из сотрудников не явился на верстку очередного номера. Хотя работать приходилось в самых экстремальных условиях. Люди относились ко всем проблемам с легким чувством юмора. Часто смеялись над глупыми, безграмотными требованиями и необоснованными претензиями к газете, над стремлением отдельных чиновников выслужиться и продемонстрировать власти свою преданность.

Мои коллеги проявляли чудеса терпения и выдержки, добывая необходимую информацию.

Самые «неправильные» решетки оказались у «Новой газеты Сморгони», хотя напротив — такие же, но на здании сморгонского райвоенкомата

Ходили на официальные мероприятия, откуда чиновники нас просто выгоняли, посылая вдогонку проклятия. На общение с журналистами «Новой газеты Сморгони» налагались негласные запреты, много раз нам угрожали. Порой удивляюсь, как мы пережили все это, как выдержали...

Сегодня я горжусь тем, что работала с такими замечательными людьми, как Валентина Бужинская, Ромуальд Улан, Ирина Пермякова, Михаил Богуш, Ирина Лугина, Ольга Кунявская, Светлана Станкевич. С теми, кто поддерживал газету до самого последнего ее дня. Я искренне жалею о том, что у нас нет возможности вместе продолжить журналистское дело. Мы слаженно работали, не напрягая друг друга, оставаясь каждый самим собой. Вместе с тем мы умели находить компромиссные решения и объединяться ради общего дела. Спасибо вам за это, коллеги!

Конечно, обидно, что коллектив «Новой газеты Сморгони» сегодня не у дел. Журналисты, редакторы, дизайнеры, рекламные агенты, распространители, знающие свое дело и умеющие работать в любых условиях люди, вынуждены искать применение своим талантам в других сферах и на чужой стороне. В Сморгони существует негласный приказ: бывших сотрудников «НгС» на работу (даже самую непристижную) не брать.

В личном разговоре один из руководителей районного учреждения признался: «Вы, ребята, конечно же, молодцы! Грамотные, ответственные, самостоятельные. С вами работать — одно удовольствие. Но, простите меня за откровенность, вы меченые, и я, при всем своем уважении к вам, не могу вас взять на работу, потому как себе дороже. Одним словом — не велено, такие вот дела».

И все же мы чего-то стоим, если нас заманивают на работу в госструктуры, если в этом мире есть только одна причина, по которой работодатель может нам отказать, — принадлежность к редакции «Новой газеты Сморгони».

Все когда-нибудь кончается. Закончится и этот правовой беспредел, произвол власти, как и засилье фальшивой и во многом ущербной подцензурной государственной прессы. Я в это верю. Появятся новые, достойные своего читателя газеты — не где-то далеко, а в родной Беларуси. Они будут сражаться на информационном поле страны с открытым забралом и побеждать в честной конкурентной борьбе. Вот тогда-то, как поется в песне, мы еще повоюем!

Доступ к информации ЗАКРЫТ...

Свободный доступ к информации давно является краеугольным камнем как европейской, так и международной демократии в целом. В ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) записано: «Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободно получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ».

Михаил ПАСТУХОВ,
руководитель Центра правовой защиты СМИ при ОО «Белорусская ассоциация журналистов», доктор юридических наук, профессор

Европейскому подходу в указанной сфере вполне соответствует и конституционная норма о праве наших граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической и международной жизни, о состоянии окружающей среды (ст. 34 Конституции Республики Беларусь).

Ряд других законодательных актов, в том числе и действующий Закон о печати, повторяют и развивают это положение. Но весь парадокс заключается в том, что граждане Республики Беларусь в абсолютном большинстве случаев реализовать это право не могут.

Неравная схватка

Одна из причин такого явления кроется в закостенелой, сохранившейся с советских времен административно-командной системе управления обществом. В приснопамятные времена все вопросы о допуске граждан к той или иной информации (особенно к архивным материалам) решались не по закону, а с «дозволения» чиновников партийно-государственного аппарата. К сожалению, пережитки прошлого благополучно перекочевали в наше время, и устаревшие методы вовсю используются нынешней вертикалью власти.

Другая, более существенная причина состоит в том, что госчиновники не желают жить и трудиться по законам. Они для них просто «неудобны», поскольку требуют максимальной открытости действий государственного аппарата.

На этой почве назревает острый социальный конфликт: граждане требуют предоставить интересующие их сведения, а чиновники стоят неприступной стеной на охране имеющейся у них информации. Здесь особую остроту приобретают взаимоотношения чиновников с журналистами. Корреспондентам независимых СМИ отказывают в предоставлении даже самой обычной информации, например, об уровне рождаемости и смертности в районе, количестве детей в яслях и школах и т. д.

Это напоминает осажденную крепость. Чем настойчивее журналисты ее штурмуют, тем жестче ответные действия властей. Преследование наиболее активных искателей правды нередко заканчивается тюремными нарами.

Одновременно с усилением давления на независимые СМИ цинично пропагандируются идеи о развязывании кем-то «информационной войны», о необходимости укрепления информационной безопасности и нейтрализации «агитационных диверсий» против «стабильной и процветающей» Беларуси. По сути чиновники заняли «круговую оборону», вводя все новые ограничения на свободное получение и распространение информации. Пользуясь вседозволенностью, многие из них прикрывают свою бездеятель-

ность не только перед обществом, но и перед главой государства, которого боятся, как огня. Ведь известно, что президент читает независимую прессу и знает многих журналистов поименно.

Чиновник, помни: ты — слуга народа

Общественно значимая информация является собственностью всего общества, а не какого-либо государственного учреждения или отдельного чиновника. Сокрытие такого рода сведений следует расценивать как антиобщественное деяние.

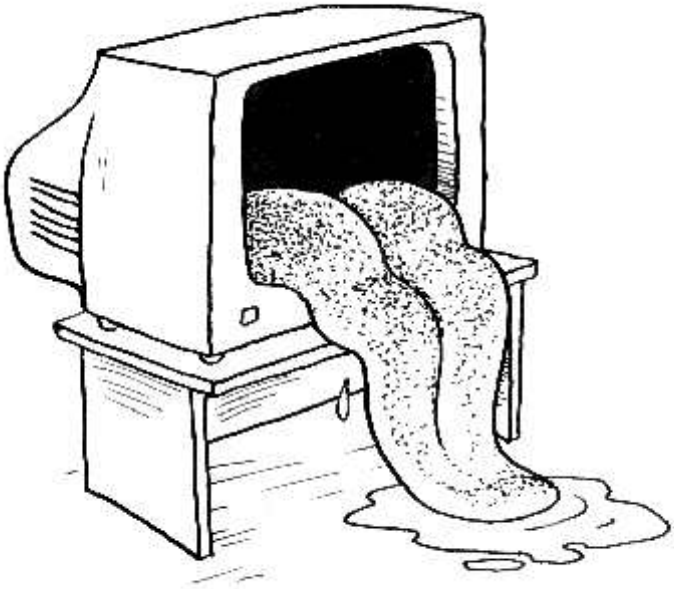
Законодательства почти всех европейских стран предусматривают обязанность органов власти и их служащих обеспечить гражданам доступ к интересующей их информации, в особенности если она представляет общественный интерес или касается личности самого гражданина.

В белорусском законодательстве тоже имеются подобные нормы. В соответствии с ч. 2 ст. 32 Закона «О печати и других средствах массовой информации» редакция имеет право запрашивать информацию о деятельности государственных органов, организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Запрос можно подавать как в устной, так и в письменной форме. Информацию обязаны предоставлять руководители указанных органов, организаций и объединений, их заместители, работники пресс-служб или другие уполномоченные на то лица в пределах их компетенции не позднее чем через десять дней после получения запроса.

А как быть в том случае, если чиновники игнорируют закон? Как их заставить уважать права журналистов и общества? Закон дает однозначный ответ: «Несвоевременное представление должностными лицами либо отказ в предоставлении средствам массовой информации по запросам достоверных сведений о деятельности государственных органов, организаций, общественных объединений, их должностных лиц, влечет предупреждение или наложение штрафа на должностных лиц в размере от 10 до 50 базовых величин» (ст. 172-1 Кодекса об административных правонарушениях).

Более того, Кодекс об административных правонарушениях предусматривает ответственность за ущемление свободы массовой информации. За это устанавливается ответственность в виде предупреждения или наложения штрафа: для граждан — в размере от 2 до 5 базовых величин, а для должностных лиц — в размере от 10 до 50 базовых величин.

В ст. 48 Закона «О печати и других средствах массовой информации» под ущемлением свободы массовой информации понимается препятствие в какой-либо форме со стороны граждан, должностных лиц государственных органов и организаций законной деятельности учредителей, редакций, издателей и распространителей продукции средства массовой информации, а также журналистов, в том числе: 1) через осуществление цензуры; 2) вмешательство в деятельность и нарушение профессиональной самостоятельности редакции; 3) незаконное приостановление или прекращение деятельности средства массовой информации; 4) незаконную конфискацию, а также уничтожение тиража или его части; 5) принуждение журналиста к распространению либо отказу от распространения информации; 6) установление ограничений на контакты с журналистом и передачу ему информации, за исключением сведений, составляющих государственную, коммерческую либо иную специально охраняемую законом тайну; 7) нарушение прав журналистов, установленных настоящим Законом.



Кстати, можно напомнить и об уголовной ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста, совершенное с применением насилия или угрозой его применения, уничтожением или повреждением имущества, ущемлением прав и законных интересов журналиста (ст. 198 УК). В качестве наказания за совершение этого преступления предусматривается штраф, или лишение права занимать определенные должности, или заниматься определенной деятельностью, или ограничение свободы на срок до 3 лет, или лишение свободы на тот же срок.

Тем не менее на протяжении более десятка лет мы наблюдаем ситуацию, когда десятки чиновников отказываются предоставлять информацию журналистам. Еще не было ни одного случая, чтобы кто-то из бюрократов понес наказание за свои незаконные действия.

Они «испугались»...

В юриспруденции есть такое понятие, как «неотвратимость наказания». Его смысл состоит в том, что каждый правонарушитель должен нести ответственность за содеянное. Там, где этот правовой принцип не действует, расцветает чиновничья вседозволенность, коррупция, протекционизм, массовое нарушение прав человека.

Белорусские чиновники не задумываясь нарушают законы, гарантирующие гражданам право на доступ к информации. Они уверены, что в сложившейся ситуации правоохранительные органы не будут привлекать их к ответственности. Круговая порука: как говорится, ворон ворону глаз не выклюет.

Однако безответственность чиновников — это палка о двух концах. В последнее время столоначальники настолько распоясались, игнорируя требования законов в сфере информационного обеспечения населения, что верховная власть посчитала необходимым их приструнить и тем самым успокоить «простых людей».

Именно этим можно объяснить появление в течение года двух нормативных актов главы государства: декрета N 2 от 14 января 2005 г. «О совершенствовании работы с населением» и указа N 423 от 13 сентября 2005 г. «О некоторых мерах по совершенствованию организации работы с гражданами в государственных органах, иных государственных организациях».

Категорический, а порой и довольно жесткий тон этих документов свидетельствует о том, что верховная власть серьезно обеспокоена организацией «работы с населением» и хочет добиться порядка в этой сфере.

В соответствии с пунктом первым декрета все государственные органы и иные организации, а также индивидуальные предприниматели обязаны завести специальную книгу, куда граждане могут вносить свои замечания и предложения. Руководители государственных учреждений должны лично контролировать работу по устранению отмеченных недостатков.

Понятно, что книга замечаний и предложений есть не что иное, как дополнительный источник информации для надзирающих органов. Другое дело — попадет ли на ее страницы нежелательная для чиновников негативная информация.

Президентский указ N 432 принят в целях «...пресечения проявлений бюрократизма и волокиты в деятельности государственных органов, иных государственных организаций, улучшения качества их работы с гражданами». В дополнение к действующим нормативным актам указ установил порядок рассмотрения письменных и зарегистрированных устных заявлений граждан, по которым требуется выдача справок либо иных документов, содержащих подтверждение фактов, имеющих юридическое значение, определил сроки выдачи и действия справок, а также размер оплаты, взимаемой за выдачу этих справок.

Заметим, что в соответствии с указом понятие «справка» следует толковать достаточно широко — как любой документ, выдаваемый чиновником по запросу гражданина (письменному или устному), содержащий

информацию о фактах, которые «имеют юридическое значение». Например, гражданин, проживающий на территории с повышенным уровнем радиации, может попросить соответствующее государственное учреждение предоставить ему сведения об уровне радиации в конкретном районе. Другой пример: редакцию газеты (журналиста) может заинтересовать вопрос о количестве браков, заключенных в определенный период времени, и количестве разводов, а также о наиболее характерных причинах расторжения браков. В соответствии с указом на эти запросы должен быть дан ответ в течение недели, если иной срок не установлен законодательными актами.

Существенным в указе является и тот факт, что за нарушение его требований на руководителей государственных органов, иных организаций налагается штраф в размере от 4 до 10 базовых величин. Право составлять протоколы и рассматривать дела о таких правонарушениях предоставляется уполномоченным должностным лицам органов Комитета государственного контроля.

«Леопольд, подлый трус, выходи»

Ближайшее время (указ вступает в силу с 1 января 2006 г.) покажет, испугаются ли чиновники «дополнительной ответственности», возлагаемой на них за игнорирование положений Конституции и законов о праве на доступ к информации.

Пока же журналистам надо воспользоваться положениями указа и попытаться наладить с властями предметный разговор по вопросам, которые интересуют как редакцию, так и читателей газеты. «Неразговорчивому» чиновнику следует напомнить о книге замечаний и предложений, где можно «излить душу», высказать свое мнение о нем. Хочется надеяться, что государственные мужи станут учтивее в отношениях с журналистами.

Во всяком случае, с изданием президентского указа N 432 от 13 сентября 2005 г. у пишущей братии появляются дополнительные средства воздействия на чиновников с целью получить необходимые сведения. А заодно и возможность апелляции при защите своего конституционного права на доступ к информации.

Хотя, по большому счету, решить проблему доступа населения к объективной информации вряд ли удастся. Потому что в нашей стране отсутствует надежный правовой механизм, гарантирующий беспрепятственное исполнение подобных нормативных актов. Пока же право граждан на получение информации остается красивой, но пустой декларацией.

Первый в мире закон о свободе прессы был принят в Швеции в 1776 г. Очередной закон о прессе приняли в 1812 г., а в 1994 году в Швеции был утвержден новый (базовый) закон. Закон о свободе слова, где закреплены права шведов добывать и получать информацию, в том числе и о деятельности государственных органов, был принят в 1991 г.

В этой связи отметим, что во многих европейских странах действуют специальные законы о свободе информации — например, в Норвегии (1970 г.), Австрии (1988 г.), Италии (1990 г.), Нидерландах (1991 г.), Бельгии (1994 г.), а также в Венгрии (1992 г.), Литве (1996 г.), Молдове (2000 г.).

В Российской Федерации подготовлено несколько законопроектов, а в ряде регионов (Москва, Калининградская обл.) такие законы уже имеются.

Без сомнения, раньше или позже, но этот путь предстоит пройти и Беларуси.

АРХІПЕЛАГ БЕЛАРУСЬ

Корм для нашага «каня»

Серыя гутарак журналіста Аляксандра КОКТЫША з вядомым дзеячам беларускага Адраджэння Валянцінам АКУДОВІЧАМ была ў свой час надрукаваная ў штотыднёвіку «Свободные новости» і мела дастаткова гучны розгалас. Самае цікавае, што абсалютная большасць высноў тых гутарак вельмі актуальная і цяпер, таму мы вырашылі надрукаваць гэтыя інтэрв'ю з пэўнымі праўкамі. Беларусь па-ранейшаму пакутліва шукае свой шлях, і дагэтуль нашы суайчыннікі не могуць вызначыцца, чаго яны жадаюць для сябе, сваіх дзяцей і ўнукаў.

У першай частцы гэтых матэрыялаў — рэтраспектыўны позірк на знакавы перыяд найноўшай гісторыі Беларусі: з 1989 да 1995 гадоў, калі мы мелі шанс усвядоміць сваё месца на гэтай зямлі.

— Валянцін, некаторыя, асабліва кплівыя «добразычліўцы» пасля выхаду ў свет шэрагу Вашых артыкулаў, прысвечаных аналізу таго сацыяльнага слою, які ў нас называецца «нацыянальна свядомыя», заўважылі: заімшэлы нацыяналіст Акудовіч вырашыў заняцца абсалютна кан'юнктурнымі рэчамі — крытыкай дзеянняў беларускай апазіцыі, асабліва яе нацыянал-дэмакратычнай часткі, і гэтым самым «зачысціць» месца для ўласнай палітычнай прасторы.

— Мне падаецца неабходным заўважыць, што я ніколі не імкнуўся быць палітыкам ці хаця б палітолагам, а тым болей — ідэолагам. Не адчуваю ў гэтым патрэбы і цяпер. Шэраг маіх публічных выступаў апошняга часу, дзе я спрабаваў разгарнуць крытычную аналітыку нацыянал-дэмакратычнага руху, звязаныя не з пераменай уласнай ролі, а з пачуццём трывогі за лёс, як мы прызвычаіліся казаць, нацыянальнай ідэі ў нашай краіне.

Хаця асабіста для мяне насамрэч істотнымі застаюцца мае ранейшыя пакліканні: літаратура, культуралогія ды філасофія. Больш за тое, з гадамі я пачынаю ўсё больш выразна ўсведамляць, што роля палітыкі ў жыцці сучаснага грамадства паталагічна гіпертрафаваная. Сёння палітыка нагадвае мне гофманаўскага курдупеля Цахеса, гэтага злоснага недамерка, які цёмнай варажбой пераконваў іншых у сваёй прыгажосці, велічы і магутнасці. Нейкім дзіўным чынам у нашага «паліткурдупеля» атрымалася замацавацца на авансцэне быцця, засланіўшы сабой усё тое сапраўды істотнае, з чаго быццё і складваецца: прыроду, сям'ю, вытворчую і эстэтычную дзейнасць, культуру, мысленне, веру і г. д. Сумна, але здаецца, гэтаму пакуль не даць рады, і таму мы зноў пра палітыку...

— На Ваш погляд, сілы, якія вызначалі ў Беларусі грамадскую думку на пачатку 90-х, думалі займацца палітыкай *прафесійна* **альбо сапраўды ўся іх дзейнасць была пабудаваная на прынцыпе: не**

Валянцін Акудовіч — філосаф, культуролаг, эсэіст. Нарадзіўся ў 1950 годзе. Працаваў токарам, слесарам, матарыстам-выпрабавальнікам, лодачнікам, інструктарам па турызме, выкладчыкам, рэдактарам. Майстар спорту па турызме. У 1980 годзе скончыў Літаратурны інстытут (Масква). Лаўрэат прэміі імя Алеся Адамовіча, шэрагу іншых літаратурных прэмій. Асобныя тэксты з кнігі «Мяне няма. Роздумы на руінах чалавека» друкаваліся ў ЗША, Сербіі, Македоніі, Польшчы, Украіне.

даганю дык хоць сагрэюся? Увогуле, ці задумваліся напачатку нацыянальна-дэмакратычныя сілы пра ўласны імідж, папулярнасць у масах і шляхі нарошчвання піяраўскага патэнцыялу?

— Калі павадка прарывае запруду і цябе падхоплівае шалёная плынь, то тут не да іміджу, не да выбару курсу, галоўнае — утрымацца на паверхні. Гэтак было і з нацыянал-дэмакратычным рухам. Зрэшты, так тады атрымлівалася, што плынь таго бурапеннага часу самахоць рабіла патрэбную нам справу, яна сама разбурыла Берлінскую сцяну, камуністычны блок, Савецкі Саюз... Дарэчы, менавіта ў эпохі тэктанічных ператрусаў найлепей бачная ўся пустата ды нікчэмнасць палітыкі і палітыкаў. Нічога яны (сёння зноў усемагутныя) не маглі тады зрабіць: ні стрымаць вялікага распаду, ні скіраваць яго ў патрэбнае ім рэчышча. І ўсё таму, што насамрэч умельства палітыка палягае не на стварэнні ці разбурэнні чагосьці, а на здольнасці ў патрэбны момант зафіксаваць за сабой, прыўлашчыць як сваё тое, што без яго выспела адбыцца ці здарыцца. Бадай, тут якраз да тэмы будзе згадаць, што бліскучае ўмельства прыўлашчвання чужога як свайго напрыканцы 80-х — у першай палове 90-х прадэманстраваў Зянон Пазьняк. Ён, ачолеўшы нацыянальна-дэмакратычны рух, які фармаваўся літаральна на маршы, на ўсе сто (ці мо і значна болей) адсоткаў скарыстаўся плёнам расійскай дэмакратычнай публіцыстыкі, прыбалтыйскіх народных франтоў, заходняй прапаганды і дыпламатыі, інтэлектуальным наробкам і палітычнай энергіяй уласнай дэмакратычнай і ліберальна настроенай інтэлігенцыі. Зянон Пазьняк гэткім адмысловым чынам выкруціў тагачасную палітычную сітуацыю на Беларусі, што кожны, хто прагнуў пераменаў, іншага ладу жыцця ці хаця б проста быў незадаволены тым, што мае, хоцькі-няхоцькі мусіў станавіцца пад бел-чырвона-белы сцяг. БНФ татальна завалодаў палітычнай ініцыятывай. Справа даходзіла да парадаксальнага. Над стотысячным натоўпам рабочых, якія колькі дзён запар прыходзілі на плошчу Незалежнасці з трывогі за развал Савецкага Саюза і «разгул» дэмакратыі, што пазбавілі іх звыклага ладу жыцця, луналі бел-чырвона-белыя сцягі...

Калі б слова «геній» можна было дастасоўваць да палітыка, то трэба было б прызнаць, што ў той час Зянон Пазьняк быў геніяльным палітыкам, паколькі скарыстаўся з сітуацыі значна больш, чым яна мела ў сваім патэнцыяле для нацыянальна-дэмакратычнага руху. Але адсюль, з гэтага квазіпоспеху, вынікалі і прычыны будучых праблемаў БНФ. Толькі яны палягалі не на тым, што «нацдэмы» не дбалі пра свой «імідж» і пра сваю стратэгію руху ў будучае, а на тым, што сама соцыякультурная сітуацыя Беларусі не мела ў сабе таго патэнцыялу, які гэты рух мог бы падтрымліваць у заяўленым напачатку маштабе.

— Няўжо Вы дагэтуль перакананыя ў геніяльнасці Зянона Станіслававіча? Ці не падаецца Вам, што калі паспрабаваць аб'ектыўна ацэньваць уклад гэтага палітыка ў справу нацыянальнага Адраджэння, то больш, напэўна, адшукаецца мінусаў, чым плюсоў? Чаго толькі вартая яго нядаўняя заява пра намер балатавацца кандыдатам у прэзідэнты ў наступным годзе, якая была зроблена амаль адразу пасля вылучэння адзінага кандыдата Аляксандра Мілінкевіча ад дэмакратычных сілаў на гэтых жа выбарах...

— У кожнага з нас, нацыянальна заангажаваных, быў свой «раман» з Пазьняком. Дарэчы, шмат у каго ён цягнецца і дагэтуль. Таму я тут не выключэнне (хаця асабіста мне не давялося быць нават ягоным знаёмцам). І, як у кожным рамане, у маім было ўсё: і першае захапленне, і сляпое каханне, і нянавісць, і здрада.

Першыя мітынгі ў Курапатах

Упершыню я пабачыў Пазьняка, калі ўскараскаўся на плечы майго сябра, выдатнага паэта Леаніда Дранько-Майсюка. Было тое ў 1988 годзе, на Дзяды, каля наўмысна зачыненай брамы на Маскоўскія могілкі. Шыхты міліцыянтаў і амапаўцаў з усіх бакоў сціскалі натоўп, каб людзі падушылі самі сябе. Было па-сапраўднаму страшна і карцела як-небудзь уцячы адсюль. Ад страху і нянавісці лямантавалі: Ван-дэ-я! Ван-дэ-я!.. І тут пачулася: цішэй, цішэй, Пазьняк гаворыць... Тады я і папрасіўся ў сябра залезці яму на плечы, каб пабачыць чалавека, які, толькі што вырваўшыся з міліцэйскага палону, не ўцёк дахаты, а добрахоць вярнуўся ў самую гушчыню небяспечных для яго падзеяў...

Потым, калі супраціў уладам выявіцца сістэмна і ўцякаць ад амапаўскіх дручкоў станецца гэтаксама звыкла, як хавацца ад дажджу, той уласны страх і тое захапленне мужнасцю іншага бу-

дуць падавацца трохі дзіўнаватымі... Але тое будзе потым.

Перамены ў маім стаўленні да Пазьняка на горшае выспявалі спакваля. Спачатку непрыемна ўразіла, што падчас сваіх публічных прамоваў ён зашмат «акцёрстваваў». (Пазьняк казаў праўду так, як быццам ён хлусіў, а Лукашэнка — наадварот.) Пазней пачалі засмучаць сваёй прымітыўнасцю і аднастайнасцю не вартыя палітыка нацыянальнага маштабу антыкамунізм і антырускасць. А яшчэ пазней сфармавалася разуменне, што узурпацыя Пазьняком (праз БНФ) нацыянальнай ідэі нясе пагрозу самой нацыянальнай ідэі, за што сведчыла хаця б тое, што «ў народзе» ўжо тады бел-чырвона-белы сцяг, Пагоню і нават саму беларускую мову пачалі называць «бэнээфаўскімі»...

У майго любімага барда Віктара Шалкевіча ёсць вядомая песня «Таварыш Сапега», у якой уладам трызніцца «злавешчая цень Пазьняка». Дык вось, аднойчы надышоў момант, калі я з усёй вастрынёй адчуў, што «злавесны цень Пазьняка» навіс не столькі над Лукашэнкам, колькі над усёй Беларуссю, і найперш — над Беларуссю нацыянальнай.

Але апошнім часам, калі ў палітычным жыцці роля Пазьняка зрабілася амаль незаўважнай, я зноў адчуў пэўны сантымент да яго. На фоне той палітычнай драбнаты, якая ўжо колькі год аперэтачна мітусіцца ля ўладнага Парнаса, нязграбна спрабуючы ўскараскацца на верхатуру, Пазьняк узгадваецца як сапраўды адзіная маштабная фігура, якой, на наш жаль ці на нашае шчасце, «не пашэнціла з народам». Мабыць, менавіта з гэтага сёй-той зноў пачынае спадзявацца на Пазьняка як верагоднага, пасля Лукашэнкі, прэзідэнта. З майго гледзішча — марна.

Пазьняк на Беларусі не пройдзе, бо для яго ўся небеларуская Беларусь як была, так і застаецца варожай краінай, якую яшчэ трэба заваяваць «агнём і мячом» — і гэтая варожая краіна ніколі не абярэ сабе ў начальнікі свайго ворага.

Магчыма, тут я падамся не карэктным, але, як з майго гледзішча, то Пазняку не варта зноў падавацца ў вялікія палітыкі, яму варта было б заставацца тым, кім ён ужо ёсць — адным з самых яркіх герояў Нацыянальнага Міфа.

Зянон Пазьняк у часы росквіту бел-чырвона-белага...

— Самыя заўзятыя героі сучасных беларускіх міфаў пакрысе ў грамадскай свядомасці, на вялікі жаль, пераўтварыліся ў фігуры фарсавыя, у дачыненні да якіх нават незалежныя аналітыкі канстатуюць: «Страшно далеки они от народа». Калі канкрэтна пачалася гэтая «далёкасць»?

— Напэўна, гэта пачалося адразу, але далёка не адразу было заўважана. Болей за тое, многія спрабуюць не заўважаць гэтага і сёння, калі ад нацыянальна-дэмакратычнага руху навідавоку засталіся толькі паасобныя ініцыятывы, да таго ж лакалізаваныя кожная сама ў сабе. А між тым я схільны лічыць, што сёння *рэальны* рэсурс у нацыянальна-дэмакратычнай ідэі нават большы, чым ён быў на пачатку 90-х. Проста, каб яго выявіць (і яму выявіцца), патрэбныя іншыя ад мітынговых формы палітычнай працы і, верагодна, ужо іншыя ад ранейшых палітыкі... Але «большы» не азначае вялікі. Бо хаця нацыянальна-дэмакратычная ідэя паклалася ў падмурак не аднаго дзяржаўна-нацыянальнага ўтварэння, аднак у тых умовах, што склаліся на Беларусі, яе вызнае за сваю адносна невялікая колькасць насельнікаў нашага краю. З яснага ўразумення гэтага сумнага факту і варта было б ладзіць сваю дзейнасць заангажаваным у гэтай ідэі палітыкам. Інакш яны атрымаюць той самы вынік, што займеў колішні БНФ, калі памкнуўся пераабуць усю краіну з савецкіх

кірзавых ботаў у адраджэнскія лапці.

— А можа, уся праблема ў тым, што ў свой час несістэмна і занадта дакучліва грамадству падаваліся нацыянальныя каштоўнасці?

— З майго гледзішча, у гэтым сэнсе было зроблена амаль усё, што можна было зрабіць, і зробленага было дастаткова, каб кожны, хто меў вушы, пачуў міф пра нацыянальную Беларусь як прыўкрасную і поўную цудоўных дзівосаў краіну. Яшчэ да набыцця незалежнасці нават бальшыня дзяржаўных СМІ (улучна з тэлебачаннем) з ахвотай і сімпатыяй падхапілася ўзнаўляць раней забароненыя для публічнай агалоскі падзеі, справы і постаці з неверагодна багатай гісторыі Беларусі. Што ўжо казаць пра незалежніцкія і дэмакратычныя газеты, часопісы, кнігі, партыі, рухі, якія, здаецца, толькі тым і займаліся, што без стомы гарталі старонкі мінулага, каб увідавочніць наяўнасць сапраўдных нацыянальных каштоўнасцяў і сярод іх як найвялікую — саму беларускую нацыю. Я не шмат перабольшу, калі скажу, што ў тую пару нашай сучаснасцю была нашая гісторыя. З гэтай апантанасці гісторыяй мы нават трохі пераблыталі эпохі, што мела сур'ёзныя наступствы. Да прыкладу, архаічная напрыканцы XX стагоддзя ідэя нацыянальнай дзяржавы ўяўлялася нам, зачараваным Вітаўтам, Сапегам ды Касцюшкам, цалкам рэальнай. Але зноў жа, зачараваных багацтвам і веліччу нацыянальнага дыскурсу было не так ужо і шмат. Бальшыня абыякавым вокам слізгала па нашых аргументах і фактах, шукаючы ў іншых месцах адказаў на нешта сваё, зусім іншае. Пэўна, тут да месца будзе грубаватая руская прымаўка: не ў каня корм.

— Можа, не тым кормам частавалі нашага «каня» — абываццеля? І ў гэтай сувязі непазбежна паўстае пытанне: ці быў шанец у нашай дэмакратычнай эліты перамагчы Лукашэнку ў 94-м годзе?

— Як гэта ні дзіўна, але і сёння раз-пораз выказваецца меркаванне, што перамога была б магчымай, каб... І далей пачынаюцца самыя розныя фантазіі: каб аб'ядналіся Пазьняк і Шушкевіч, каб лібералы і па-прарасійску настроеныя дэмакраты падтрымалі нацыянал-дэмакратаў, каб Пазьняк не напалохаў Маскву антырасійскімі, а айчыннага абываццеля — антыкамуністычнымі выступамі, каб... Як кажуць у нас на Свіслаччыне: каб ды кабы, дык на языку раслі б грыбы.

Якраз цяпер, з адлегласці часу, выразна бачна ўся аб'ектыўнасць перамогі Лукашэнкі. Дарэчы, тут, мусіць, да месца будзе прыгадаць адзін момант з таго часу, калі Лукашэнка і Пазьняк былі яшчэ разам у «дэмакратычнай» частцы Вярхоўнага Савета... Пры абмеркаванні нейкай праграмы, зачытатым, што ўсе астатнія абяцалі беларусам: мы дамо вам тое, чаго вы яшчэ ніколі не мелі, а Лукашэнка запэўніў: я вярну вам тое, што вы ўжо мелі раней.

Натуральна, абачлівыя да цацанак-абяцанак беларусы ўхапіліся за сініцу... Як сведчаць вынікі апошніх выбараў, яны і па сёння не шкадуюць аб гэтым.

— Фактычна гаворка зайшла пра такі соцыум, як «небеларуская» Беларусь, на якую катэгарычна не хацелі, дый не хочуць, звяртаць сваю ўвагу нашы вядучыя палітыкі, асабліва нацыянал-дэмакратычнай накіраванасці. Будзе дарэчы ўзгадаць толькі адно вядомае клішэ з вуснаў апошніх: «неразумны народ»!

най Пазьняком, Лукашэнка з трыбуны заявіў, што гэта выдатная праграма, але для яе патрэбны іншы, ад таго, што ёсць сёння на Беларусі, народ. Дык вось, усе ініцыятывы і праграмы тадышніх палітычна прасунутых (сацыял-дэмакратаў, лібералаў, нацыянал-дэмакратаў, «прагрэсіўных» камуністаў і г. д.) мелі за адрасата хутчэй іншапланецянаў, чым паспалітых беларусаў, якія ў сваёй пераважнай бальшыні не жадалі ніякіх радыкальных пераменаў, акрамя адной — памяняць гэты вэрхал і разрух на тыя стабільнасць і пэўнасць, што яны мелі раней.

Кардынальная розніца паміж Лукашэнкам і ўсімі астатнімі прасунутымі палітыкамі палягала ў

— Тут вы закранулі надзвычай істотную праблему, якая ў сваёй праясненасці, верагодна, магла б даць адказы на многія пытанні і палітыкаў, і сацыяльных дойлідаў, і філосафаў. Але пакуль яна сама стаіць перад намі татальным запытаннем, і таму я не хацеў бы спяшацца хоць з якімі высновамі. Між іншым, якраз паспешлівасць у ацэнцы «небеларускай» Беларусі як усяго толькі плёну расейскай каланізацыі, а не самастойнага (і палітычна, і метафізічна) суб'екта гэтай прасторы, каштавала нацыянал-дэмакратычнаму руху палітычнай кар'еры.

З гледзішча ідэолагаў гэтага руху, ніякай праблемы з «небеларускай» Беларуссю не было, акрамя праблемы палітычнай волі да

найхутчэйшай яе беларусізацыі. За спрошчанасць падыходу да неверагодна складанай праблемы вельмі хутка, як кажуць, і атрымалі: гэткая Беларусь за апошнія колькі гадоў здэнацыяналізавала амаль усё тое, што БНФ з хаўруснікамі ў свой час паспелі нацыяналізаваць. Дарэчы, гэта яшчэ таксама пытанне (і вельмі трывожнае для нас, «свядомых»): хто ў нашым нацыянальным доме сапраўдны гаспадар — «тутэйшыя» ці «беларусы»?..

Да слова, кожны, хто наважыцца аналізаваць феномен «тутэйшасці», мусіць найперш выкінуць з галавы міф пра «тутэйшага» як пра дурнога мужыка, які нават не здольны ідэнтыфікаваць сябе з нейкай універсаліяй. Сучасны «тутэйшы» мае вышэйшую адукацыю, калі вылазіць з інтэрнета, то гойсае па Еўропе, але па-ранейшаму не хоча вызнаваць сябе ні беларусам, ні рускім, ні палякам, ні грамадзянінам свету (я з Беларусі — кажа ён, і гэтага яму дастаткова, каб утульна пачувацца ў быцці).

Яшчэ адзін, па усіх параметрах тыповы прыклад «тутэйшага» — Аляксандр Лукашэнка. І якраз тое, што не беларусы Станіслаў Шушкевіч ці Зянон Пазьняк, а тутэйшы Аляксандр Лукашэнка быў абраны на прэзідэнта, шмат пра што кажа і адначасна змушае шмат пра што запытацца ў сябе ды іншых.

— Надзвычай цяжка тут прывесці дакладны падлік жыхароў разасобленых выспаў, так бы мовіць, «Нацыянальнага архіпелага» альбо Беларусі «беларускай». Але, пэўна ж, у нас на аднаго «свядомага» прыйдзецца па некалькі «тутэйшых», якім такі працэс, як нацыянальная самаідэнтыфікацыя, прабачце, да вядомага месца. Ці магчыма ў прынцыпе хоць збольшага змяніць гэтую прапорцыю ў бліжэйшай будучыні?

— Некалі я пісаў, што адно тэктанічным землятрусам пад сілу паяднаць разасобленыя выспы нацыянальнага архіпелагу ў мацярык... Дык вось, цяпер я ўжо не веру ў магчымасць падобнага ператрусу. Таму пафас маіх апошніх публіцыстычных выступаў палягае на зусім у гэтым сэнсе безнадзейнай тэзе: Беларусь ніколі не будзе спрэс беларускай. З чаго я і імкнуся, каб як мага хутчэй ды як мага болей людзей (перадусім — нацыянальна абраных) усвядоміла: досыць падманвацца самім гэтай аблуднай марай і падманваць ёю іншых. Але я б ужо, напэўна, маўчаў пра сваё скрушнае здумленне (навошта безнадзейна хвораму казаць пра немінучае?), каб не верыў, што, калі мы спынім распушаць свае сілы ў марным памкненні збеларусіць усю Беларусь, а сканцэнтруем супольны патэнцыял нашых партый, рухаў, таварыстваў і т. п. на тых асяродках, справах ды праектах, дзе беларускасць прысутнічае ў натуральных і жывых формах, то зачараваныя беларушчынай змогуць надалей утульна ды плённа ладзіць сваё быццё ў згодзе і побач з тутэйшымі, рускімі, палякамі ды ўсімі іншымі. Але падобнае ніколі не станецца верагодным, пакуль мы карэнным чынам не перайначым тыя ментальныя ўстаноўкі, што былі сфармаваныя цягам цэлай эпохі супраціву каланізацыі і русіфікацыі, якая трымалася на веры ў будучую магчымасць Беларусі як нацыянальна унітарнай дзяржавы...

Як бы я хацеў памыліцца, але баюся, што цяжар гэтай веры, калі мы не скінем яго з плеч, неўзабаве паставіць нас на калені.

Тады застанецца адно маліцца... За Беларусь.

P.S. Другая частка серыі гутарак, прысвечаная аналізу цяперашніх тэндэнцый развіцця нацыянальна-дэмакратычных партый і рухаў, іх памкненняў дасягнуць перамен на беларускім палітычным небасхіле, будзе надрукаваная ў наступным нумары «Абажура».

Пресса и оппозиция

В стране существуют независимая пресса и независимая оппозиция. Наличие этих двух сил в условиях авторитарного режима — реальное достояние гражданского общества и белорусского народа. Критика или размышления по поводу их взаимоотношений не должны восприниматься как подрыв этих сил. Критический анализ — это всего лишь инструмент преодоления трудностей и недопонимания.

Людмила ГРЯЗНОВА,
заместитель председателя Объединенной гражданской партии

Наверное, нет смысла говорить об отношении государственных СМИ к оппозиционным белорусским политикам. Всем хорошо известно, что комментаторы на белорусском телевидении не брезгуют самыми гнусными эпитетами, характеризуя деятельность лидеров демократических партий и общественных организаций. Ни о какой честности и адекватности не может быть и речи, когда журналисты из государственных хорошо оплачиваемых СМИ затрагивают тему оппозиции. Завидные заработки и тщательный кадровый отбор в телевизионных, радийных и газетных редакциях, имеющих дело с государственной пропагандой, превращают журналистов в специалистов совсем другой профессии. И разговор об этом выходит за пределы темы «Пресса и оппозиция».

Тем не менее в стране существуют независимая пресса и независимая оппозиция. Наличие этих двух сил в условиях авторитарного режима Лукашенко — реальное достояние гражданского общества и белорусского народа. Критика или размышления по поводу их взаимоотношений не должны восприниматься как подрыв этих сил. Критический анализ — это всего лишь инструмент преодоления трудностей и недопонимания.

Переход от советского, тоталитарного представления об отношениях СМИ и политики к демократическому, прозрачному отражению политического театра в зеркале прессы не осуществляется гладко и одномоментно. Требуются время, опыт преодоления трудностей, навык приобретения новых стандартов взаимодействия. В рамках этих отношений существует несколько тенденций. Одни журналисты, отстраняясь от собственных симпатий и антипатий, объективно отражают деятельность оппозиционных политиков. Другие, отдавая предпочтение тем или иным партиям или деятелям, по разным причинам не поднимаются до уровня беспристрастных летописцев.

Первая тенденция, преодолевая советские традиции, обусловливается рядом причин и зависит не только от личной позиции самого журналиста. Самым важным является стабильное и достаточное финансирование независимого издания — не из кармана политиков, партий или неправительственных организаций, а из кошельков читателей, подписчиков или из средств фондов, способствующих становлению демократии в стране. Журналист не должен размениваться по мелочам и продавать свою душу ради тех или иных политических актеров. Его заработок, определяемый редактором, обеспечивает беспристрастность автора и спасает от искушения получать гонорары от политиков. Другим условием объективности является конкуренция на медийном рынке, заставляющая создателей новостей и аналитики совершенствоваться в своем мастерстве, наиболее адекватно отражать театральное политическое действо и завоевывать зрительские симпатии.

К сожалению, у нас в стране ни одна оппозиционная газета не в состоянии выжить за счет подписчиков. Размещение рекламы, являющееся важной составной частью медиа-бизнеса в демократических государствах, здесь пресекается, и этот источник составляет мизерную часть в доходах наших демократических изданий. Деньги подписчиков также не покрывают затрат редакционных коллективов. А если учесть штрафы, налагаемые на наиболее известные негосударственные издания, то стабильным и достаточным финансированием не может похвастаться ни одно независимое печатное СМИ.

Редакторы газет не могут предложить своим журналистам достойной зарплаты. Официаль-

ные гонорары выглядят смешными не только на фоне доходов журналистов государственной прессы, но и по сравнению со средними заработками госслужащих. Нищенское финансирование независимых газет ведет к оскудению творческих коллективов либо вынуждает журналистов искать дополнительный приработок, в том числе за счет «заказных» материалов, поступаясь объективностью и своим честным именем.

Самих независимых газет с каждым годом становится все меньше и меньше в результате репрессий властей и отсутствия фондовой поддержки. Медийное поле сужается, конкуренция между изданиями ослабевает, задача завоевания симпатий читателей за счет непредвзятого журналистского освещения отходит на задний план. Если то или иное событие отражается единственной газетой, то она может интерпретировать его как угодно, не боясь быть уличенной во лжи или в подтасовках.

Субъективные склонности отдельных журналистов, те или иные пристрастия можно отнести к человеческому фактору, не поддающемуся внешнему влиянию. В любые времена находятся такие журналисты, которые ради собственной выгоды белое будут называть черным, и наоборот. В нашей ситуации, когда власть ведет не только открытую, но и скрытую репрессивную деятельность против оппозиции, под видом «оригинальных» летописцев работают представители и другой профессии. Их нетрудно выявить по деструктивным публикациям, провоцирующим раскол в оппозиционной среде и восхваляющим существующую власть как единственную конструктивную силу.

Неблагоприятное, из года в год ухудшающееся положение независимых СМИ негативно сказывается на отношении прессы к оппозиции, снижает показатели объективности и беспристрастности. С другой стороны, ситуация в самой оппозиции далека от стандартов демократических стран. И это также накладывает отпечаток на взаимоотношения оппозиционных политиков и независимых журналистов. Если в развитых демократических странах оппозиция имеет широкий и открытый доступ к аудитории, то здесь нет практически никакой трибуны — радио из-за рубежа, несколько газет и десяток сайтов. Конкуренция между оппозиционными политиками на таком «пятачке» невероятно велика. В результате несбалансированного спроса и предложения на этом медийном поле создаются параллельные рынки, где «продаются» уже квазиполитические продукты. И тогда при участии независимых журналистов возникают мифические национальные движения, мифические лидеры, мифическая народная поддержка дутых инициатив...

Несмотря на недостаток конкуренции среди независимых СМИ такая стратегия не дает долгосрочного эффекта и быстро дискредитирует себя. В малой стране «шила в мешке не утаишь», фальсификаторская деятельность не приносит стабильного дохода и не прибавляет чести и достоинства. Политики, не имеющие в активе реальных дел, сторонников и идей, понадеявшиеся на «раскрутку» своих имен только за счет прессы, через некоторое время сходят с политической сцены, уступая место другим — действующим актерам, способным увлечь зрителей и повлиять на общественное сознание.

Но какие бы ни возникали трудности в отношениях прессы и оппозиции, залогом чистоты и прозрачности связи этих двух сил является... нынешняя власть. Ради преодоления тупикового состояния, навязанного авторитарным режимом, ради возвращения страны на путь демократии все силы гражданского общества находят взаимопонимание. Ответственность за потерю независимости страны, чувство долга перед родными исчезнувших и погибших вносят в отношения прессы и оппозиции мощный элемент моральности, который не подчиняется никаким административным и рыночным законам. В этом также состоит специфика отношений белорусских СМИ и оппозиции.

Савик Шустер:

Взаимодействуя с властью, не давать этой власти делать все, что ей вздумается

Сплетни сопровождают запуск любого телевизионного проекта, тем более такого заметного, как «Свобода слова». По сплетням, запись «пилота» в Украине повергла Савика Шустера в состояние шока: он просто не ожидал такого выплеска эмоций в казалось бы набившей оскомину дискуссии о языковой ситуации в Украине.

Поэтому, думаю, что не из-за высокомерия или чванства, а именно из-за шока, усталости, желания спать и нежелания общаться (кстати, чтобы договориться по поводу беседы, нужно было перезвонить раз -надцать, прийти в назначенное время, часок подождать… — в общем, вся роскошь нечеловеческого общения со звездой в одном Шустере), но — в ответах Шустера на мои вопросы преобладали затяжные паузы… Ну что ж — у нас не только свобода слова, но и свобода пауз: из шустеровких пауз получилось вот такое вот интервью.

Кстати, по окончании беседы Савик попросил текст перед публикацией почитать. «Быстро прочитаете?» — «Конечно…» — сказал Савик тем же загадочным тоном, которым до этого отвечал по телефону: «Позвоните завтра, сегодня я очень занят…». Я пообещала отправить текст — и я его отправила. Все свои обещания я выполнила. Ответа от Савика я так и не получила.

— Какое соотношение для вас между свободой слова как философской категорией и свободой слова как телевизионным форматом, в котором вы работаете?

— Ну, я бы не говорил о свободе слова как о философской категории… Скорее — журналистской…

— То есть для вас это категория профессиональная, а не мировоззренческая?

— Да… К тому же, это просто красивое словосочетание. А вот если вы скажите по-английски Freedom of Speech — то это неплохо звучит, но это не то словосочетание, которое подходит к названию телепрограммы. Зато Face to Nation — прекрасное название для американского телевидения, а вот по-русски это звучит слишком помпезно. Так что название «Свобода слова» — это проблема красоты словосочетания. Называя так программу, я достаточно инстинктивно учитывал и свое прошлое на радио «Свобода», всякие мои репортажи из мест, где Советский Союз наводил порядок… Поэтому, когда это словосочетание родилось как название моей авторской программы, то я решил, что оно лично мне подходит…

— Почему?

— Потому что я много боролся за свободу слова… И в Советском Союзе… и в той же Италии, в конце-то концов… Борьба за свободу слова — это вообще часть моей биографии. Что же касается формата программы и моего журналистского понимания этой категории, то они совпадают. Вот вы спросили, насколько формат может отразить философскую составляющую — я отвечаю: этот формат может. Почему? Потому что он очень технологичен, потому что он реально показывает, как в прямом эфире меняется общественное мнение, насколько слово влиятельно и важно, как оно может повлиять не только на людей, которые эти слова слышат, но и обусловить реакцию политиков, которые эти слова произносят. Так что в этом смысле полный интерактив: человек выходит на суд общественности, и эта общественность его оценивает в прямом эфире, в реальном времени. В каком-то смысле это такой экзерсис прямой демократии, если хотите…

Вот есть мечтатели, которые говорят о том, что наступят времена, когда интернет будет в каждом доме — как вода, горячая и холодная, — и тогда можно будет осуществлять прямую демократию. Тогда народ сможет быстро принимать решения — например, по вводу войск или не вводу войск куда-нибудь… Но я-то думаю, что политики никогда этого не позволят… Они не отдадут народу такое решение… Тем не менее — я вам говорю — программа «Свобода слова» — это инструмент прямой демократии. Абсолютно прямой — и в этом смысле формат отражает название…

— Давайте уточним: проблемы свободы слова в обществе — это проблемы отсутствия интернета в каждом доме?

— Да нет же… Проблема намного более сложная… В конце концов, можно управлять страной путем референдума, но есть вопросы, которые на референдум не надо выносить. Например, если сегодня провести референдумы по всему миру по вопросу смертной казни, то смертная казнь будет введена даже в тех странах, где ее нет. Но смертная казнь — это из тех проблем, которые нельзя отдавать на суд всего общества. Это должен решать парламент — люди чуть более образованные, чуть более информи-

рованные, политически мыслящие… Это не проблема интернета, интернет — это я просто гиперболу вам привел… Но я говорю, что есть такая политическая утопия, что технология нам позволит жить в более открытом обществе… Технология… И это правда с точки зрения знаний и информации. Но я не думаю, что это правда с точки зрения правления.

Вот поэтому программа «Свобода слова» очень влиятельна, потому как она реально показывает слабые и сильные — но особенно слабые — стороны власти. И способность этой власти приводить аргументы в защиту тех или иных своих решений, и умение совладать с последствиями своих решений… То есть если вы решили ввести войска в Чечню — да? — вы решили начать там вторую войну, а потом вы получаете взрывы в метро — и любой гражданин понимает, что это взаимосвязанные события… И поэтому, когда взрывают бомбы в метро и когда гибнут люди, власть призывается к ответу — вот вы начали войну, а мы живем с последствиями ваших решений — а значит, если власть умеет совладать с последствиями собственных решений, если она умеет аргументировать… Вот, скажем, тому же Бушу задают вопрос: «Почему мы в Ираке?» Он аргументирует: «Мы отодвинули терроризм далеко от Соединенных Штатов»… Мол, он есть — терроризм, но в Ираке, его нет у нас…

— А когда падают башни в США…

— Тогда видна слабость этого аргумента. Но это ЕГО аргумент, который общество оценивает. У власти всегда должны быть аргументы на любые последствия своих решений.

— Как вы думаете, какие ответы в ближайшем будущем придется давать украинской власти, какие ей понадобятся аргументы?

— Я думаю, что в первую очередь экономические… В самую первую очередь… К примеру, бюджет очень социально ориентирован, большие социальные расходы — откуда будут браться деньги и каковы будут последствия этого бюджета для, скажем, роста цен, для стабильности гривны… Это первое… Второе — я думаю — это энергоносители — это проблемы газа и нефти…

— И взаимоотношений, соответственно, с…

— Россией? Да Боже упаси… С Россией не с Россией, с Ираном, с Туркменистаном… Я вообще не говорю о проблеме международных отношений. Я говорю о том, что вот наступает зима — как будет жить население в течение зимы… То есть я уверен, что главные ответы, которые украинской власти придется давать в самом ближайшем будущем — ответы из области экономики. Я в этом абсолютно не сомневаюсь.

— Вы говорили о технологии программы как о проявлении прямой демократии, но… Я читала интервью с Ириной Хакамадой, в котором она рассказывала о том, что в вашей программе хотела быть всегда исключительно четвертой, то есть тем героем выпуска, который говорит последним. И Хакамада, пока говорили ее оппоненты, все время отслеживала реакцию зала, а потом — уже в своем выступлении — акцентировала именно те тезисы, на которые была положительная реакция аудитории. Как вы относитесь к тому, что политики, приглашенные в студию, занимаются откровенным популизмом, и как вы как ведущий программы на это реагируете?

— Тут двоякий ответ. Я абсолютно нормально отношусь к политикам, которые манипулируют общественным мнением — такая у них работа.

— То есть работа — не правду говорить, а то, что хотят от них услышать?

— Что значит не правду?.. Их работа — давать нам обещания. А как же политики избираются? Они же должны как-то избраться, за них же должны проголосовать… Это — их работа. Я знаю, как Ирина делала, прекрасно знаю — и я… я восхищен тем, что она задавалась этим вопросом: следить за тем, как меняется общественное мнение. Потому что есть политики, которые считают, что они настолько харизматичны, их настолько любят, что им даже нет нужды следить за общественным мнением… Но есть еще и другая сторона дела — сама аудитория. Работая в России, мы не могли собрать аудиторию со всей страны — Россия огромная, а в Украине мы собираем аудиторию реально от Киева до окраин, и каждую пятницу привозим ее на программу со всех областей. Учтите, это 100 человек, часть из которых мы расселяем в гостиницы — в общем, мы и денег много в это вкладываем, и усилий много вкладываем, дабы у нас была аудитория, реально отражающая страну. Поэтому здесь политикам манипулировать будет гораздо сложнее…

— А прислушиваться к людям гораздо полезнее?

— Ну, я бы сказал, что да. Я бы вообще к народу прислушивался, будь я политиком…

— В таком случае, жаль, что вы не политик… А кстати, почему? Почему вы не политик?

— Да потому, что это другая профессия… Совсем другая…

— Другие амбиции?

— Причем здесь амбиции? Амбиций и здесь хватает…

— Но, согласитесь, одна амбиция лежит за процессом «я хочу творить-писать-создавать», и другая — «я хочу управлять»…

— Дело не в амбициях… Дело в сути профессии… Я бы обозначил свою профессию — журналистику — скорее не как «творить», а как «взаимодействуя с властью, не давать этой власти делать все, что ей вздумается». Ну, в общем, это задача, которую я считаю интересной. Для себя.

— Мне понятна ваша позиция по поводу взаимоотношений «журналист — власть». А по поводу отношений «журналист — владелец»… Скажите, как вы оцениваете тот факт, что вы работаете на канале, достаточно ангажированном интересами своего собственника? К примеру, в конфликте на НЗФ ICTV безоговорочно принял сторону владельца и освещал события в Никополе достаточно тенденциозно…

— Сложный вопрос… В идеале, я бы считал, что акционер от канала должен требовать прибыли, а не политической поддержки… С другой стороны, то, что ICTV показывал столько митингов на никопольском заводе — так их же никто больше не показывал…

— Только весь холдинг…

— Да, холдинг, но ведь другие-то не показывали… «5-й канал» ведь не показывал. («5-й канал» и «Евроньюс» также транслировали события в Никополе 1 сентября, хотя и в меньшем объеме. — «ТК») О чем это говорит? О том, что могут быть разные владельцы каналов, которые по-разному относятся к информации, но в среднем получается более-менее нормальная информационная картина.

— То есть, баланса мы добиваемся за счет баланса собственности на медиа и баланса политических предпочтений владельцев каналов?

— Раз мы живем в таком обществе — значит, мы так добиваемся баланса. Если я пойду в прошлое и вспомню момент политического — я подчеркиваю, политического — конфликта между Путиным и Гусинским… Как вы помните, канал НТВ поддержал Гусинского… Я в этом ничего страшного не вижу, потому что Гусинский платил зарплату, Гусинский давал свободу слова, Гусинский давал свободу творчества, Гусинский позволял каналу развиваться, и я считаю, что именно тогда НТВ произвел лучшие кадры тележурналистики… Люди защищали своего олигарха, потому что они защищали себя. И я могу предположить, что с точки зрения экономической люди на Никопольском заводе защищали Пинчука, потому что они защищали себя.

Чем все закончилось на НТВ? В итоге был перебор формами: показывать пустой стул в экране на всю страну — я считаю, не очень правильно… Слушайте, я вам говорю вещи, которых в Украине никто не знает: конфликт между НТВ и Кремлем был первым серьезным конфликтом в эпоху Путина и много что определил… Что касается меня, то у меня есть мои этические критерии, личные. И я их не переступаю. Я стараюсь делать объективную журналистику. «Свобода слова» — это такой формат, в котором должны быть представлены все стороны, и каждая сторона должна сказать то, что она думает. Я никогда не манипулирую программой. Это достаточно чистый продукт информационной интерактивной журналистики, и поэтому на меня обычно ни один из акционеров или владельцев — будь то «Газпром» или «Еврофинансы», будь то Борис Йордан или Николай Сенкевич, — никогда не оказывали давления. Я открыто говорю о том, что делаю журналистику так, как, считаю, она должна быть сделана — открыто, честно, объективно… По возможности… Не всегда все возможно…

— А почему невозможно?

— Ну… Иногда не приходят некоторые люди, которые бы могли сбалансировать программу, а приходят совсем другие люди, которые ее, наоборот, дисбалансируют. Ну, вы же понимаете… Программа — это живая ткань. Мы, наша команда, мы живем этим… Начинаем в понедельник и не заканчиваем в пятницу… И всяко бывает… И срывы бывают… Люди не приходят. Не хотят говорить. Или говорят не так, как… должны были бы говорить…

— Если говорить о гостях, где гости студии лучше формулируют свои мысли — в России или в Украине?

— В Англии.

— С чем это связано?

— С тем, что где-то парламентская демократия существует 400 лет, а где-то 4 года. Знаете, в тех странах, которые давно живут в демократии, там общественность уже очень хорошо отличает политическую риторику от реально предлагаемых программ. В этом смысле, я считаю, что в России реальные политики — это Явлинский и Чубайс, потому что они предлагают реальные политические решения, пусть абсолютно разные, но это решения… А у остальных слишком много демагогии. Так вот, в развитых демократических странах люди уже научились видеть сквозь демагогию — они от политики требуют конкретики. Если у них проблема безработицы, то они требуют реальных программ — КАК вы собираетесь найти эти рабочие места. И всякие такие посулы, что мы будем кого-то там сажать в тюрьмы — их уже не устраивают.

— А российские и украинские политики отличаются?

— Когда я ехал в Украину, мне много раз говорили, что мне придется понять специфику украинского общества, что оно другое…

— Другое ли?

— Я могу вам уже сказать, что оно другое… Оно эмоционально другое… По своему прошлому другое… По самолюбию другое… Просто другое.

— А, например, по самолюбию другое — это как?

— Здесь люди гораздо более самолюбивы… Но я вел к тому, что, с другой стороны, я вижу, что большинство законов в Украине, которые принимались за эти годы, полностью копируют законы российской Государственной Думы… И вот я спрашиваю: как можно мне говорить, что здесь народ другой, а законы переписывать ему с России? Например, зачем вводить 7-процентный барьер? Зачем здесь делать то же самое, что и в России? Если здесь народ другой, если он иначе организуется? Здесь не барьеры нужны, здесь, наоборот, надо развивать общественные институты, здесь нужно добиваться влиятельности этих институтов, в том числе и на политику страны, а не создавать два КПСС — одно провластное и одно оппозиционное…

— Вы говорите о реальной ситуации в украинском парламенте или это метафора?

— Ну, можем говорить и реально… Скажем, в России действует закон о том, что иностранцы, приезжающие на работу, должны пройти тест на СПИД, а это нарушение прав человека, всех конвенций… В Украине этого нет, и здесь это было бы невозможно, потому что здесь люди не позволили бы такого, я так думаю. Вот это вот не было взято с России, потому что вовремя вмешались общественные институты. Я каждый год получал в России разрешение на работу и каждый год сдавал тест на СПИД. В Украине мне этого делать не надо — и я очень рад.

— В начале нашего разговора вы сказали о том, что вы боролись за свободу слова…

— Послушайте, журналист всегда борется за свободу слова, потому что это его хлеб. Где нет свободы слова, там нет работы для журналиста, там есть работа для пропагандиста. Это другая профессия, и, соответственно, я, журналист, в такой ситуации остаюсь без работы, а так как я не хочу быть без работы, то я борюсь за свободу слова. Так что все сугубо профессионально.

Разговаривала Леся Ганжа,
«Телекритика», Украина

Они не боятся!

Приезд группы белорусских журналистов в Украину в начале сентября совпал с отставкой премьера Юлии Тимошенко и распадом избирательного блока-2006, который был создан к весенним выборам в парламент и мог бы сделать невозможным реванш политиков эпохи Кучмы. Противостояние президента и премьера, попавшей в опалу, тогда было жестким. Газеты, радио и телевидение на все лады вели «разбор полетов». Так теоретическая часть семинара в Черкассах «Роль и место средств массовой информации в развитии институтов демократического общества» на наших глазах воплощалась на практике.

Наталья МАКУШИНА

Белорусские флаги на киевском Майдане

Первый политический кризис после президентских выборов в Украине положил начало новой избирательной кампании — парламентской, уже обещающей стать скандальной и драматической. Экс-премьер грозила новым Майданом и коррупционными разоблачениями. Для этого Юлии Тимошенко было предоставлено полтора часа телевизионного эфира. Ее критикам также не отказывали в возможности выступить публично.

А мы, за 10 лет застоя отвыкшие от бурных дебатов в СМИ, поражались профессиональным возможностям наших украинских коллег. Братья по цеху пытались вернуть нас на грешную землю и рассказывали о своих бедах, по сути похожих на наши. Это проблемы с получением информации, несовершенство законодательства и низкая оплата нелегкого труда.

Мы говорили о том же. А еще — об удушении независимых изданий и невозможности регистрации новых, об арестах журналистов и штрафах, налагающихся на редакторов, о телевидении, обслуживающем власть. О массовом оболванивании граждан в информационном вакууме и о возрождении большевистских структур идеологических посредников между личностью и государством. Об исчезновении оппонентов власти и политических заключенных, томящихся на зонах. На нас, ненадолго вырвавшихся из режимной страны, смотрели с сочувствием и пониманием.

Стало ли больше свободы в Украине?

Идет ли Украина демократическим путем? Заметны ли изменения к лучшему после Майдана? Не нарушаются ли принципы демократии в стране?

Это — темы ежедневных опросов, которые проводятся на страницах украинских газет, на радио и телевидении. В Харькове, Днепропетровске, Донецке, Луганске и Николаеве журналисты расспрашивают сотни студентов, программистов, охранников, учителей — людей разных профессий и возрастов.

Ответы удивляют не только заданностью процентного соотношения: около 50% опрошенных говорят «да», столько же так же уверенно заявляют «нет». Поражает раскованность украинских граждан, их смелость, неделикатность в критике «оранжевой» власти. Они не боятся! Пожалуй, сегодня это главный итог Майдана. У телеэкранов Украины мы вспоминали своих соотечественников, которые шарахаются от камеры

и микрофона, как от автомата Калашникова.

Наши украинские коллеги удивлялись, почему мы постоянно спрашиваем, какие СМИ они представляют: частные или государственные. Не все ли равно? Еще и года не прошло после «оранжевых» событий, а они уже забыли, чем отличаются государственные и независимые СМИ в условиях несвободы. Сегодня в Украине нет такого принципиального деления. И все же «государственники» осторожничают, хотя цензуры нет. «Частников» же не устраивают, например, дотации в державные СМИ за их счет.

Особый интерес представляли для белорусских журналистов электронные СМИ Украины. Наш телезритель, измученный потоком лжи и ненависти, льющимся с белорусского экрана, просто не представляет, что телевидение может давать информацию о происходящем, а не раскрашенную лозунгами агитку. Хотя у нас, как и в Украине, Конституция гарантирует свободу мысли и слова, получение и распространение информации.

Алла Демченко — представитель Национального совета Украины по вопросам телевидения и радиовещания — рассказала нам о структуре ТРВ. В нее входят Национальная телекомпания, Национальная радиокомпания, 15 региональных национальных телекомпаний, вещающих по всей Украине, 25 областных телерадиокомпаний в каждом областном центре и около 500 **негосударственных** телерадиоорганизаций.

Управляет государственными телерадиокомпаниями Госкомитет по телерадиовещанию и радиовещанию. В него входят концерны радио и телевидения, которые технически обеспечивают подачу сигнала по всей Украине. Областные передающие центры есть и в каждой области.

«Доски гласности» на киевских улицах

Взаимодействием и регуляторной политикой занимается Национальный совет Украины по вопросам телевидения и радиовещания. Председателя совета назначает президент государства. Каждую неделю проходят заседания совета по лицензированию, конкурсам и нарушениям, на них рассматриваются различные заявки примерно сотни СМИ.

Согласно Закону о Национальном совете по вопросам радио и телевидения, в его состав входит 8 человек. Члены совета выбираются на пять лет. Из них 4 человека назначаются указом президента, еще 4 — решением Верховной рады Украины по предложению депутатских фракций при открытом голосовании большинством голосов поименно по каждой кандидатуре. Рассматриваются также кандидатуры, предложенные общественными организациями, действующими телерадиокомпаниями и союзами журналистов. В аппарате совета, включая региональных представителей, работает около 90 человек.

До декабря 1993 года в Украине не было ни Закона о телерадиовещании, ни Национального совета по вопросам ТРВ. Зато были управления цензуры при администрациях, занимавшиеся идеологическим направлением работы СМИ. Потом приняли Закон о телевидении и радиовещании, который регулировал работу электронных СМИ. До 1997 года Национальный совет по вопросам ТРВ фактически работал на временной основе. На областном уровне телерадиокомпаниям выдавались лицензии на вид информационной деятельности, которые позволяли им работать под контролем цензуры. В районных центрах при газетах работали редакции радио.

С конца 1994 года начался поэтапный переход всех работающих телерадиоорганизаций к юридической перерегистрации и получению разрешения на право использования канала вещания. С 1995 по 2000 годы стали массово развиваться негосударственные электронные СМИ. В Черкасской области сегодня зарегистрировано 59 электронных СМИ, но действуют 47, а лицензии получили только 35. В числе действующих — 21 редакция районного радиовещания, 6 редакций эфирного FM-вещания, 12 телерадиокомпаний и 8 компаний кабельных сетей.

Чтобы получить лицензию, телерадиоорганизация должна подготовить пакет документов на конкурс частот вещания. Поданные сведения изучаются и

выносятся на открытое заседание Национального совета по принятию решений. Информация по всем вопросам в совете полностью открыта. В конкурсе на получение лицензии может участвовать любая телерадиоорганизация, независимо от политической направленности. Но есть законодательные ограничения. Например, участие иностранного капитала — не более 30%. Религиозные конфессии не могут создавать СМИ, но имеют право быть соучредителями. Процесс продажи акций телеорганизации не контролируется, но при продаже компании лицензия не может передаваться автоматически. Новому владельцу придется получать ее заново.

В лицензии указываются юридический адрес ТРВ-организации, территория распространения информации, технические параметры, программная концепция, а также доля заявленной тематики в общем объеме вещания. За выявленные и зафиксированные нарушения лицензионной деятельности руководителю электронного СМИ выносятся поочередно два предупреждения, затем в силу вступают штрафные санкции по решению Национального совета. Потом дело может быть передано в суд. Лицензии можно лишиться только по решению суда.

За последние 6 лет в Черкассах по разным причинам сократилось количество местных радиовещателей. Из 11 станций в областном центре только 2 местные, остальные сетевые вещатели работают на всю Украину. Огромное количество частных FM-радиостанций имеют договоры с Би-би-си, радио «Свобода», «Голосом Америки», «Немецкой волной» и выпускают их информационные блоки с материалами по Украине. Перед «живым» выходом в эфир Черкасской FM-станции «Примо-радио», на который пригласили наших коллег из Белорусской ассоциации журналистов, в тот день выдавали новости Би-би-си.

Сообщение о простоте и скорости регистрации печатного издания в Украине нас просто развеселило. Гражданину Украины достаточно подать заявку от имени юридического или физического лица. Регистрационное свидетельство выдается в считанные дни.

Забавно, что то же самое декларирует и наш Закон о СМИ. Так что судите сами, больше ли стало свободы в Украине.

Деньги — информация — деньги

«Информация — это бизнес, новость должна продаваться», — считает издатель и главный редактор частной газеты «Вечерние Черкассы» Станислав Журило. На встрече с белорусскими журналистами в собственной редакции он изложил свои принципы организации работы периодического издания. Деньги, по его мнению, дают независимость и возможность развития предприятия. Неграмотный бизнес-план приведет к разорению и закрытию.

Издателем Станислав стал в 1991-м с помощью гранта. Но деньги быстро кончились, и его «Курьер Приднепровья» перестал существовать. Так Журило усвоил, что давалась лишь удочка, а рыбку надо было ловить самому.

Сегодня Станислав Журило — настоящий местный медиа-магнат, владелец издательского дома, нескольких газет и типографии. Его еженедельник «Вечерние Черкассы» работает на информационном рынке восемь лет.

А начиналось все в 1997-м с 12 тысяч экземпляров. Примерно на таких тиражах сегодня остановились не уничтоженные государством независимые общественно-политические издания Беларуси.

Нынешний тираж 28-полосной «Вечерки» Станислава Журило в 81 тысячу экземпляров в областном центре, где проживает около 300 тысяч жителей,– это солидно. Треть тиража расходится по подписке.

Станислав Журило напомнил, что становление «Вечерних Черкасс» пришлось на время «до Майдана». Тогда издателям независимой прессы в Украине было нелегко по причине извечной нелюбви власти к частным СМИ. Надеяться, что теперь станет легче, — глупо, рядом могут появиться конкуренты. А поэтому Станислав не позволяет себе расслабляться.

Журило твердо убежден, что независимые газеты должны продавать разностороннюю информацию, — ту, которую ждет читатель, а не только политическую. По его мнению, не всякий хороший журналист может стать хорошим издателем.

В «Вечерних Черкассах» общественно-политической тематике посвящены от 3 до 5 первых полос, дополнительные страницы прихватывают только на время громких кампаний. Все остальное в газете — жизнь с проблемами ЖКХ, изменчивостью моды, криминалом, гороскопами и полезными советами. Отдельными приложениями к газете выходят рекламный выпуск «Бизнес», «Женская газета», программа ТВ «Плюс телеэкран», а также вкладыши с местной информацией для разных районов области.

Отдел рекламы и маркетинга, где работают 30 человек, приносит до 55% дохода. Ограничений на публикацию рекламы нет. Газету делают 10 корреспондентов и пятеро работников собственного информационного агентства.

Закон сжатой пружины

Именно средства массовой информации Украины привели к революции в умах граждан. Самыми популярными накануне Майдана были газета «Украина молодая», 5-й канал телевидения и канал «Эра» — они здорово поработали на «оранжевые» перемены. Нам рассказывали, как осенью прошлого года украинцы сметали с прилавков оппозиционную прессу, а приходя на работу, первым делом включали телевизор, настроенный на 5-й канал, резавший правду-матку.

Зато власть перестаралась в своих идеологических экзерсисах: «темники» допекли всех.

«Из главного управления информационной политики администрации президента: «Вам будет направлена видеокассета с записью выступления в Верховном Совете Украины депутата «Х» про финансирование зарубежными фондами определенных политических сил в Украине». Такие депеши рассылались руководителям телерадиокомпаний.

Готовые материалы-«темники» создавались политруками для обязательного распространения во всех СМИ, в каждой области и районе. Все автобусы и поезда обязаны были развозить это добро по городам, а СМИ в соответствии с директивой — отчитываться перед Киевом в получении и выдавать в эфир не менее 3–4 раз в день!

Белорусским журналистам показали несколько частей из многосерийного «мыла», где актеры, изображавшие соседей, призывали друг друга не голосовать за негодного американского наймита Ющенко. Говорят, что пропагандистских агиток было изготовлено несколько сотен.

За выполнением распоряжений об обязательном показе подобных материалов был установлен двойной контроль: областная администрация, а также специальные домашние наблюдатели, которые за 200 долларов в месяц отслеживали программу вещания. В конце концов директор одной из студий заявил в прямом эфире, что эту «лабуду» он больше показывать не будет.

Так сработал закон сжатой пружины — и весть об этом разнеслась по всей Украине.

Кто ограничит «разгул демократии»?

А между тем, сегодня проблем у СМИ Украины предостаточно. В журналистской среде обсуждаются вопросы корпоративной солидарности и профессиональной этики. Этическое саморегулирование было в центре внимания сентябрьской конференции «Журналистская этика и редакционная политика», на которой присутствовали медиа-эксперты, ведущие журналисты страны, региональные репортеры, редакторы местных газет и медиа-юристы. Движение за этический контроль в Украине началось акцией «Чистый интернет», к которой присоединилось 7 интернет-изданий, а еще четыре десятка интернет-газет и информационных сайтов подали заявки на участие. Эксперты считают, что корпоративная мораль будет обязательной нормой только тогда, когда приверженность к ней станет знаком престижности профессии.

Медиа-специалисты со стажем отмечают на фоне полной свободы СМИ довольно зловещие симптомы. Недавно в Украине были приняты поправки к Закону о выборах народных депутатов, которые лишают журналиста права комментировать действия и программы политических сил, партий и отдельных политиков во время выборов. К комментариям могут быть отнесены мнения граждан, фото- и видеоматериалы. В преддверии мартовских выборов в Парламент авторские комментарии в СМИ будут возможны только после заключения договора с партией или предвыборным блоком (!). Оценивать нарушения будут избиркомы. Они же могут ликвидировать СМИ во внесудебном порядке. Вот так, приехали!

А потому 26 сентября Независимый союз журналистов Украины обратился в Конституционный суд с заявлением о нарушении статьи Конституции Украины «о праве на свободу слова и мысли, на свободное выражение взглядов и убеждений». В заявлении указывается, что новая редакция Закона о выборах и другие законодательные акты содержат нормы, ограничивающие права СМИ и их сотрудников в ходе избирательного процесса, что может быть использовано для закрытия неугодных средств массовой информации.

Как считают специалисты, основными проблемами, с которыми придется столкнуться СМИ Украины во время избирательной кампании, будут экономическое давление, несовершенное законодательство и препятствия со стороны местных властей. Знакомо? Выход видится в сплочении и журналистской солидарности, готовности дать отпор попыткам удушения независимости СМИ, а также в следовании единому стандарту освещения выборов. Так на оранжевое небо украинских медиа набежали черные тучи. И все же, при всех сложностях, люди, свободно дышащие после Майдана, никогда уже не позволят возродить диктаторский беспредел.

Встречи с украинскими собратьями по перу заставили пристальней вглядеться в чужую жизнь, которая только при первом сравнении кажется легкой. Но, как писал Высоцкий, коридоры кончаются стенкой, а тоннели выводят на свет.

Белорусские коридоры упираются в стену. В конце украинских тоннелей уже виден свет...

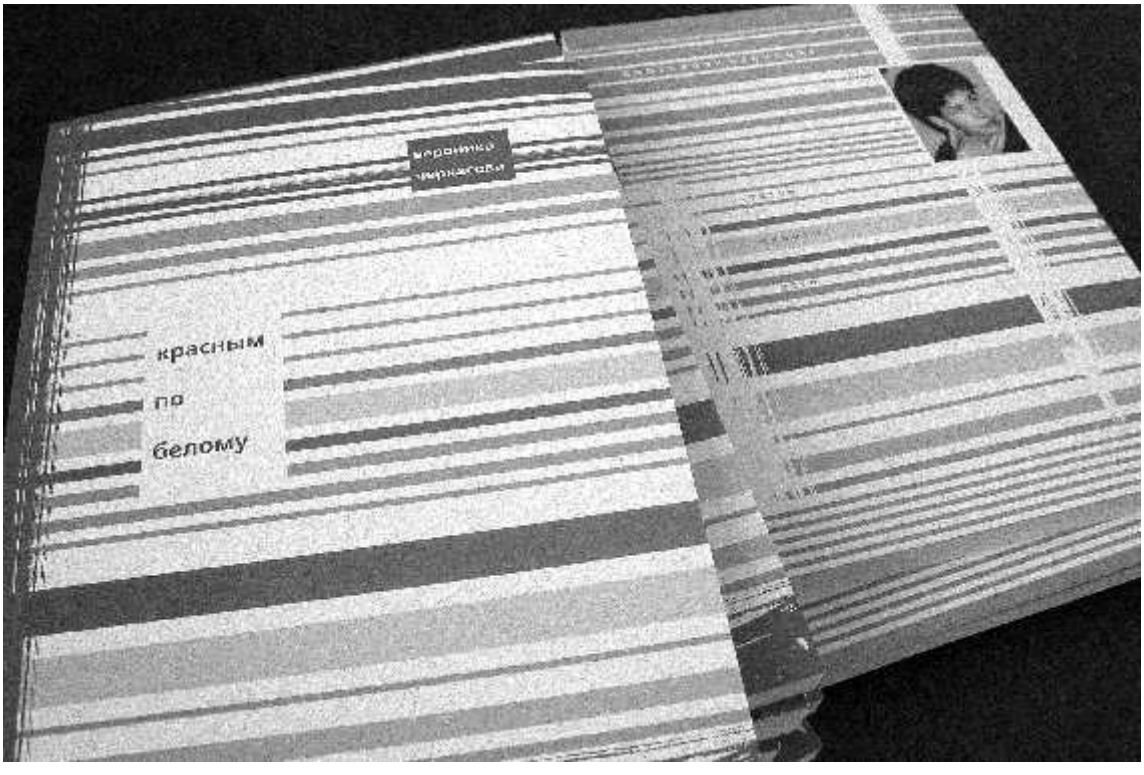
Вераніка Чаркасава «Чырвоным па белым»

У Дзень міжнароднай салідарнасці журналістаў у Мінску прайшла прэзентацыя зборніка лепшых матэрыялаў вядомай беларускай журналісткі Веранікі Чаркасавай, па-зверску забітай у сваёй кватэры 20 кастрычніка 2004 года. У кнігу «Красным по белому» (паводле назвы аднаго з артыкулаў Веранікі, змешчанага ў выданні) увайшло шмат цудоўных матэрыялаў Чаркасавай, напісаных за апошнія 12 гадоў, падчас працы ў розных дэмакратычных выданнях Беларусі. Укладальнікі кнігі, пераважна сябры ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў», шмат месяцаў абсалютна бескарысліва працавалі над выданнем. На прэзентацыі сабраліся блізкія і калегі Веранікі, тыя, хто паважаў яе як чалавека, сябра і прафесіянала. Прадстаўляем вашай увазе вытрымкі з іх выступаў.

Наталля Кулінка, укладальнік кнігі:

— Что такое эта книга для меня, как я ее воспринимаю, почему я среди составителей этой книги? Я работаю на факультете журналистики и всегда интересуюсь, как студенты оценивают мои курсы. Чаще всего приходится слышать такое замечание: вы, мол, даете нам только отрицательные примеры, как не нужно писать. Дайте нам образцы, хорошие тексты, чтобы на них равняться. Можно, конечно, посоветовать поучиться на очерках Аграновского, но... В 2003 году я познакомилась с Вероникой Черкасовой, мы пригласили ее в качестве эксперта участвовать в программе по женскому лидерству. И я поняла, что этот человек — моя удача и счастье, профессионал, которого я должна приглашать к себе на лекции, чтобы она дала хотя бы один мастер-класс каждому курсу. И осенью 2003 года Вероника пришла на факультет журналистики. Она так волновалась — журналист такого класса, такого уровня! Но ее

Гэтыя людзі склалі кнігу, а журналіст Генадзь Кеснер (злева) запісаў меркаванні ўкладальнікаў



мастер-класс прошел исключительно успешно, студенты были очень довольны. Вероника тогда, кроме прочего, рассказывала, что все лето 2003 года она провела, листая белорусские газеты, и это чтение вдохновило ее на описание белорусской современности — такой, какой она осталась на газетных страницах. Осенью 2004 года занятия по репортажной технике я проводила уже одна... И как образец текста, на который можно и нужно равняться, я читала студентам репортаж Вероники «Эта страна напротив», вошедший в сборник. Когда я заканчивала читать (а у меня было шесть групп), в аудитории повисало молчание. И никто не решался его прервать.

Вот эти две составляющие — написать историю современности и дать пример блестящей, мастерской журналистики, причем не только в отношении техники журналистского письма, но и гражданской позиции, — это вдохновляло меня, и эти цели я ставила перед собой, когда мы решали, какие тексты войдут в сборник. Эта книга — история современной Беларуси, Беларуси последней трети XX века, такой, какой ее увидела одна из лучших белорусских журналисток Вероника Черкасова. И это образец мастерской, блестящей журналистики.

Аляксандр Старыкевіч, рэдактар газеты «Салідарнасць»:

— Гэта сапраўды гісторыя, напісаная праз лёсы канкрэтных людзей. Тут і аналітычныя тэксты, і больш пазнавальныя. Вераніка была бліскучым журналістам. І з'яўленне гэтай кнігі ёсць сведчаннем таго, што Вераніка не проста была, але яна застаецца. Мне відавочна, што ўлады абсалютна не зацікаўленыя ў тым, каб знайсці і пакараць злачынцаў. І ў сённяшняй сітуацыі ў нас не так шмат магчымасцяў супрацьстаяць гэтаму. Выданне кнігі — гэта наш крок, які сведчыць: мы не забылі і ніколі не забудзем. Але будзе і наступны крок. Будуць знойдзеныя тыя, хто ўчыніў гэтае злачынства. Нават калі давядзецца шмат чакаць, апошняе слова ва ўсёй гэтай гісторыі, як мы і напісалі ў прадмове, застанецца за Веранікай.

Ілона Урбановіч-Саўка, укладальнік:

— Апошнім часам больш гаварылася пра трагічны лёс Веранікі, і вось за гэтай трагедыяй чалавека недзе ў цень хаваўся выдатны журналіст. Мы, складальнікі, усе былі асабіста знаёмыя з Веранікай. Нехта — усё жыццё, як Вольга Бабак, нехта — некалькі гадоў, але імкненне сабраць гэтыя тэксты ў адзіную кнігу — гэта наш абавязак нагадаць пра яе як пра добрага чалавека і пра вельмі таленавітага журналіста. Скласці гэтыя тэксты ў кнігу аказалася вельмі цяжкой працай, таму што там сабраныя тэксты за 12 гадоў, пачынаючы з 1992 года і да самых апошніх, якія друкаваліся ў газеце «Салідарнасць». Вераніка, як чалавек прафесійны, была надзвычай плённым журналістам, і мы пабачылі такую аграмадную колькасць тэкстаў, што выбраць з іх аказалася дастаткова складана, і, магчыма, нешта вартае з таго, што яна напісала, і не трапіла ў кнігу. Падчас працы мы адзначылі неверагоднае адчуванне Веранікай аўдыторыі, для якой яна пісала. Вядома, што яна стала журналістам яшчэ ў савецкія часы, але тэксты, якія ўвайшлі ў гэтую кнігу, не маюць на сабе ніякіх адзнакаў савецкай журналістыкі. Гэта таксама сведчыць аб тым, што Вераніка была сапраўдным журналістам-прафесіяналам.

Зміцер Саўка:

— Хто мае кніжку ў руках — проста паглядзіце змест. Самі назвы артыкулаў Веранікі — гэта ўжо пералік артыкулаў у энцыклапедыі сучаснасці. Рэдка якія бакі нашага жыцця не знайшлі адлюстравання ў гэтым далёка не поўным зборы. І можна было б даць адную падназву, акрамя «эсэ, артыкулы», — «энцыклапедыя сучаснасці».

Валянціна Кляніцкая, карэктар:

— Вообще, сомнений, участвовать в этом проекте или нет, у меня не было. Каждый день мы погружены в добывание денег, в выживание или приобретение дополнительного комфорта. Порой мы забываем о таких высоких, но дискредитированных за советские годы понятиях, как гражданский долг и гражданская позиция. Передо мной был пример Вероники Черкасовой, мой труд был очень скромен, потому что тексты мы оставили практически без изменений. Сама позиция Вероники и то, что она сделала, — это пример профессионализма в журналистике. И то, что нас, журналистов, убивают (а убивать журналистов из меркантильных соображений, с целью грабежа, я думаю, нет смысла), это — страшно. Мне хотелось бы, чтобы журналист всегда занимал гражданскую позицию, а звание журналиста не ассоциировалось с какими-то коммерческими делами. Поэтому сомнений, участвовать или не участвовать в этом волонтерском проекте, у меня не было. Я рада, что исполнила свой гражданский долг.

Вольга Бабак, укладальнік (стрыечная сястра Веранікі Чаркасавай):

— Я хацела б вельмі падзякаваць прафесіяналам, якія працавалі над гэтым праектам, гэта сапраўды вельмі прафесійныя людзі, рэдактары. Я спрабавала крыху адысці ў цень, абмежаваўшыся нейкімі тэхнічнымі момантамі, каб пазбегнуць нейкай неаб'ектыўнасці. Я проста хацела б падзякаваць за тое, што блізкі мне і шмат каму тут чалавек атрымаўся такі жывы ў гэтай кнізе.

Маці Веранікі Дзіяна Чаркасава

Дзіяна Чаркасава, маці Веранікі:

— Я, на жаль, не магу многа гаварыць. Я хачу падзякаваць, і нізкі паклон усім, хто прымаў удзел у складанні гэтай кніжкі. Я думаю, што Вераніка была б задаволеная.

Леанід Міндлін, тэлежурналіст:

— У каждой публикации в этой книге есть своя биография. Вспомним год 2003-й, это был тяжелый год для журналистики вообще и для журналистов в частности. Была закрыта «БДГ», перестала выходить «Салідарнасць», и Вероника осталась практически без работы. Я ей предложил: давай позвоним в журнал «Новое время», потому что я хорошо знал Вадима Дубнова, одного из руководителей. Это не была протекция, потому что я был уверен, что журнал заинтересуют эти публикации — «Человек в черном», «Охота на собкоров», то есть острая тема и великолепный текст, великолепная информационная начинка и великолепное осмысление происходящего. Она очень волновалась, и вдруг звонит и рассказывает, что в интернете появилась публикация. Я позвонил Вадиму Дубнову, он говорит: «Я тебя просто благодарю за этого журналиста». И, как он сказал, «больше нам здесь никто не нужен». Вот у каждой публикации существует такая биография. Такая маленькая частность, которая говорит и о времени, и об уровне журналистики.

Падчас прэзентацыі выдання

Маленькая деталь, свидетельствующая о ее профессиональном отношении к работе. Когда она писала «Человек в черном», мало того, что сама видела главного героя этой публикации, она еще отсмотрела на ОРТ весь видеоархив, а это десятки часов, связанных с персонажем этого материала. В результате публикация получилась очень точная и, на мой взгляд, просто уникальная. Потому что Веронике удалось воспринять такого рода человека через одежду, через манеру держаться, определить его имидж... Одежда о многом говорит. И Вероника очень точно по-женски и по-журналистски нашла эти детали.

Генадзь Бураўкін, паэт:

— Калі так па-зверску забіваюць такіх прыгожых і таленавітых людзей як Вераніка, то міжволі вырываецца і з вуснаў, і з глыбіні душы крык-пытанне: «За што?!» Я думаю, што кніжка, якую мы сёння маем магчымасць трымаць у руках, нейкім чынам адказвае на пытанне, за што яе забілі. У яе была пазіцыя, пазіцыя вельмі сумленная і абсалютна бескампрамісная па сваёй сутнасці, па форме. Ішлі гады, і тое, што яна таленавіты, бліскучы журналіст, было відавочна. І відавочна было тое, па якой дарозе яна ішла як журналіст. Спярша некага раздражняла, а потым пачала ўжо і палохаць.

Ідучы сюды, я прагартаў гэтую кніжку. На 80 адсоткаў гэта ўсё мне знаёма. Я чытаў яе артыкулы, бо Вераніка была для мяне тым чалавекам, з якім хацелася раіцца, якога хацелася слухаць. Самае цікавае, на чым я сябе злавіў, — гэта тое, што практычна ўсе гэтыя матэрыялы гучаць і для сённяшняга дня. Яны абсалютна актуальныя. Калі я прачытаў артыкул пра тое, што ніколі так шмат не хлусяць, як перад выбарамі, у мяне было адчуванне, што гэта нібы сёння надрукавана. Тады, калі пісала гэта Вераніка, такога патоку і такой нізасці хлусні, якую мы бачым сёння, яшчэ не было.

Калі мы не можам пакуль адказаць на пытанне, за што яе забілі, не ведаем юрыдычныя ды іншыя тонкасці, то тое, за што мы яе любілі і любім, за што будзем помніць, мы ведаем. І гэтая кніжка таму сведчанне.

Жанна Літвіна, старшыня ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»:

— Відаць, сімвалічна, што кніга Веранікі Чаркасавай ідзе да чытача ў дзень, калі журналісты ўсяго свету адзначаюць дзень міжнароднай салідарнасці. Я думаю, што гэтая кніга — таксама сімвал салідарнасці журналістаў, і дазволю сабе нагадаць, што гэты дзень быў зацверджаны 67 гадоў таму. Менавіта 8 верасня ад рук фашыстаў загінуў Юліус Фучык, якому належаць вядомыя словы «Людзі, будзьце пільныя!». Сёння прафесія журналіста ў Беларусі таксама ў небяспецы. У небяспецы людзі, якія сумленна займаюцца выкананнем сваіх прафесійных абавязкаў і сваёй прафесійнай дзейнасцю. Нам сапраўды нічога не застаецца, як увесь час дэманстраваць салідарнасць, дэманстраваць еднасць. Дэманстраваць тое, што мы памятаем сваіх калег, якія так трагічна сыходзяць з жыцця. Мы нічога не забываем, усё помнім, і мы разам.

Падрыхтаваў Г. Кеснер

Когда общение в радость...

В начале ноября группа белорусских журналистов посетила Вильнюс, где в рамках проекта FOJO прошел семинар на тему «Журналистские расследования». Эта проблема актуальна для независимых масс-медиа хотя бы потому, что каждодневный поиск информации в нынешней ситуации по сути превращается в своеобразное мини-расследование. Найти госчиновника, получить у него комментарий — на это уходит не один час, а зачастую и не один день. А для полноценного журналистского расследования вообще требуется уйма времени.

Алесь СИВЫЙ

Европейская журналистика уже давно не мыслит себя без актуальных расследований, затрагивающих важные общественные проблемы. И жанр этот насколько опасен, настолько и интересен для читателей. Именно журналистские расследования поднимают рейтинг издания, его авторитет.

У нас же, как известно, государственные газеты выписывают по разнорядке. В госучреждения, фирмы или более-менее состоятельные колхозы приходят сотрудники таких СМИ и говорят: «Выпишите, пожалуйста, такое-то количество экземпляров нашей газеты. Я ответственный за ваш район, и подписка здесь должна вырасти на столько-то». Это реальный пример из последней подписной кампании, который, разумеется, был бы абсолютно непонятен в Западной Европе, где главный критерий — конкуренция. Кто предложит лучшую печатную продукцию? Чья информация оперативнее, а материалы более актуальные? Чьи расследования самые смелые и интересные?

— Я около восьми месяцев проводил расследование о том, как жены высокопоставленных чиновников нашего главного оборонного ведомства в личных целях использовали служебные лимузины, а также номинально числились на работе в оборонном учреждении. Они получали зарплату, но никакой работой, естественно, не занимались, — рассказывал заведующий отделом журналистских расследований шведской газеты «Svenska Dagbladet» Бьерн Хайгстадт. — В результате я опубликовал цикл статей об этом. Главнокомандующий вынужден был признать правоту журналистов и подал в отставку.

Впрочем, белорусские журналисты тут же показали, что они тоже не лыком шиты, и экспромтом предложили такие темы для расследований, что шведские коллеги только поаплодировали.

На семинаре не было конкурентов. Здесь были люди, которые охотно делились опытом, общались и спорили. В общении — знания. В спорах, как известно, рождается истина. Которую белорусским независимым СМИ приходится искать и отстаивать каждый день.

Арне КЕНИШ, председатель Европейской федерации журналистов «Люди ждут правды!»

«О времена, о нравы!» Классик был прав. Действительно, времена меняются, как и требования к журналистике. Безусловно, невозможно проводить параллели, скажем, между работой немецких и белорусских журналистов, так же, как нельзя сравнивать и жизнь в Германии и Беларуси. Но все же поговорим об общих тенденциях.

Например, в какую сторону движется европейская журналистика. Мой собеседник — председатель Европейской федерации журналистов Арне КЕНИШ.

— К сожалению, должен сказать, что европейская журналистика меняется в худшую сторону, потому что коммерческие интересы играют все более важную роль. Работодатели сдаются под этим давлением и постепенно оставляют завоеванные позиции. Когда ритм работы в редакциях становится более жестким, сохранить высокое качество очень сложно. Мы также наблюдаем, что во многих европейских странах издатели предпочитают принимать журналистов не на постоянную работу, а по договору. Люди осознают, что они всего лишь временщики, и это также сказывается на качестве. Очень большая проблема в том, что сегодня журналисты мигрируют из редакции в редакцию. Естественно, у них и зарплата меньше, и степень социальной защищенности — тоже.

Арне Кениш убежден: нужно искать конкретные варианты

— *Но журналистика становится более лояльной или более жесткой, злой?*

— Мне трудно говорить об этом, но, повторюсь, условия труда всегда диктуют качество журналистской продукции. Журналисту, который не уверен в завтрашнем дне, сложнее сохранять объективность по отношению к системе. К тому же, сегодня многие корреспонденты не имеют образования, и, наверное, им сложно соответствовать современным критериям.

— *А в каких европейских странах журналисты более всего социально защищены?*

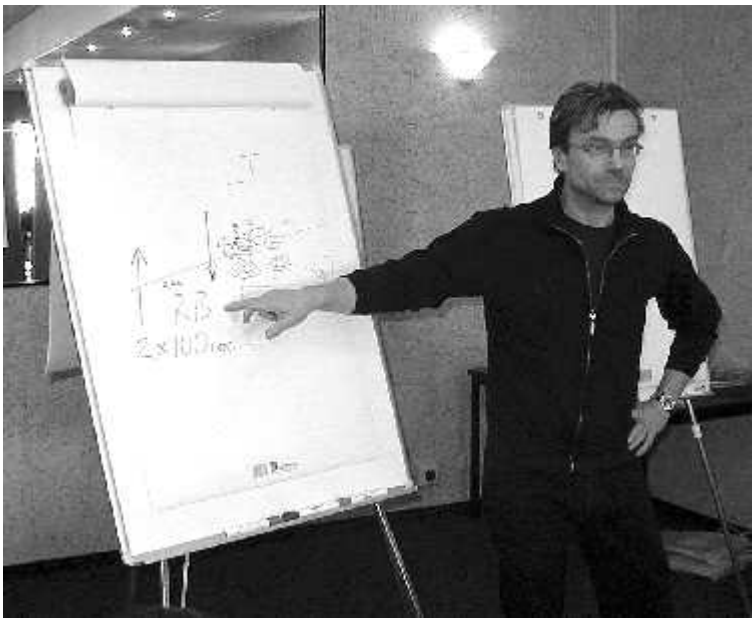
— В скандинавских, в Германии... Но опять-таки, это касается тех, кто работает в штате редакции. В Германии, например, по статистике каждый второй журналист — временщик. Но, вообще-то, я должен сказать, что каких-то особых законов по социальной защите журналистов нет. Речь идет о тех законах, которые распространяются на всех людей, имеющих постоянную работу.

— *Беларусь, наверное, вообще особый случай?..*

— У меня, к сожалению, нет достаточной информации о Беларуси, но я слышал, что независимым журналистам работать крайне сложно, доступ к документам ограничен. И уровень зарплаты у них низкий.

— *А какой сегодня средний уровень зарплаты журналистов в европейских странах?*

— Мы не проводили сравнительного анализа, потому что зарплата в разных странах труд-



Бьерн Хайгстадт делится опытом

но сопоставима. Кроме того, здесь нужно говорить о покупательской способности человека. К тому же в разных странах система оплаты труда может отличаться. В Германии, например, есть тринадцатая зарплата, а в Швеции — нет. В Швеции, кстати, среднестатистическая зарплата журналиста составляет где-то 30 тысяч крон в месяц, это около 3800 долларов без уплаты налогов. Но, повторюсь, это средний показатель. И, опять-таки, разница между зарплатой столичных и региональных журналистов довольно приличная.

— *Господин Кениш, а каким Вы видите развитие европейской журналистики в ближайшее время?*

— Я думаю, что журналисты разных европейских стран будут более тесно сотрудничать между собой. Издательские холдинги расширяются, открываются их представительства в разных странах Восточной и Центральной Европы. Хотя с Россией сотрудничества, думаю, не получится. Это объясняется тем (и это говорят многие российские журналисты), что свобода слова в России вновь теряет свои позиции.

Белорусским коллегам, да и не только им, я хочу дать один совет — пишите настолько правдиво, насколько это возможно. И добивайтесь как можно большего доверия читателей. Люди ждут от журналистов в первую очередь правды. Сегодня, без сомнения, белорусским журналистам нужна поддержка, например, в форме образовательных проектов. Кроме того, Международная Федерация журналистов изучила ситуацию в отношении белорусских СМИ и журналистов. И, насколько я понимаю, это было сделано для того, чтобы можно было найти конкретные варианты помощи и сотрудничества.

Постановочный репортаж

Обучая молодых коллег журналистскому ремеслу, я обязательно рассказываю о методе «постановочного репортажа». Чаще всего его используют для реконструкции событий. И пример телепроекта «Служба 911» — самый яркий и доходчивый. Во имя предупреждения опасности, во имя приобретения опыта действий в экстремальной ситуации, во имя СПАСЕНИЯ репортер идет на «подставу» — просит героев повторить пережитое, отобразить эмоции, разыграть ситуацию как можно ближе к реальности.

Татьяна МЕЛЬНИЧУК

Постановочные репортажи белорусского телевидения в дни работы Конгресса демократических сил — профанация метода и полная «подстава» ремесла, даже если иметь в виду, что вовсе не к журналистике имеют отношение режиссеры этого действа.

За сутки до Конгресса на пресс-конференции разразился скандал: съемочной группе БТ не хотели давать аккредитацию. Организаторы демократического форума разрешили наблюдать за дискуссией репортерам ОНТ и СТВ, но «тенденциозных» БТшников в зале и кулуарах Конгресса не желал видеть абсолютно никто. «Все равно измажут грязью, переврут, оболгут» — так звучали аргументы.

«Используя служебное положение», я пошла переубеждать организаторов. И они «переубедились» — не потому, что знают меня как вице-председателя БАЖ, а потому, что множество других репортеров и демократов сказали то же: наши принципы важнее фальсификаций. С лозунгом «Против цензуры!» и отстаивая свободу слова, не душат критиков и оппонентов — даже если те ну совсем не правы и не совсем «чистоплотны».

В деревне моей бабушки, когда перебранка между соседками перерастала в грандиозный скандал, обязательно находился кто-то, произносивший спокойно и внятно: «Праска, вытри ноги от г..на!» Старое, известное в этих краях присловье отрезвляло конфликтующих: действительно, ведь не столь важно количество дурного, разметанное вокруг, — важно, чтобы «Праска»-спорщица смогла от него отряхнуться.

Итак, организаторы «вытерли ноги» и соблюли принципы — и отличная от коллег дамочка из БТ на следующий день возмущалась недостаточной оснащенностью конгрессовского пресс-центра.

Поясню для коллег, не работавших в те дни во Дворце культуры минского автозавода: администрация здания, выделенного властями для проведения Конгресса, не позволила демократам пользоваться интернетом — выходы на городские телефонные линии были заблокированы. Это действительно неудобно для репортеров: информацию в агентства и на сайты приходилось диктовать по мобильникам, хотя быстрее и точнее (в смысле написания названий или фамилий) — отправлять по «электронке».

«Репортерше» из БТ, впрочем, вряд ли стоило ворчать — из обилия событий и мнений на ее канале воспользовались лишь телематериалом, отснятым до начала Конгресса. На этих кадрах люди в костюмах героев мультфильмов на подходе к зданию, где проводился Конгресс, объясняли зрителю, что «Европа, в которую зовет демократическая оппозиция, признает любовь мужчины к мужчине и женщины к женщине».

И все споры о судьбах Родины, по версии БТ, свелись к вопросу: легализируют ли однополые браки в случае демократических перемен в Беларуси?

Вопрос как вопрс, не такие бывают. Но любопытно бы узнать еще, будет ли когда-нибудь в этой стране защищена частная собственность. Будет ли суд, одинаково справедливый к несдержанному ОМОНовцу и побитому им демонстранту? Или пресса, контролирующая действия власти, а не подконтрольная ей?

Много чего хотелось бы узнать, заглянув в будущее. Каждому — о своем. Не зря же считают: у кого что болит — тот о том и говорит... «Заболело» у БТ и агентства «Интерфакс» на весьма деликатную тему. И не разговор вышел — извращение.

Сразу после выхода в эфир БТ-шного репортажа руководитель Белорусской лиги сексуального равноправия Эдвард Тарлецкий заявил: «Незарегистрированная Министерством юстиции и пока единственная гей-организация «Белорусская лига сексуального равноправия» не имеет никакого отношения к проведению акции клоунов у минского Дворца культуры МАЗ. Вопрос об организаторах и участниках данного мероприятия следует направить белорусским властям и непосредственно Белорусскому телевидению и агентству «Интерфакс», которое первым распространило информацию о «специфическом» внимании сексуальных меньшинств к демократическому форуму».

Можно, конечно, предположить, что у организованных в

«лигу» и предпринимавших неоднократные попытки легализоваться в Минюсте активистов появились неорганизованные конкуренты. Вышли, так сказать, заявить о себе в судьбоносный час, раз «организованные» молчат. Но видел ли кто в последние лет пять-шесть на государственных телеканалах хотя бы минутные интервью с представителями не признанных властью движений? С «зубрами», например? Или незарегистрированными «зелеными»?

Желтоватые «чебурашки», претендовавшие у ДК МАЗ на «голубых» и «розовых», явно грешили. И, кажется, нарвались: на форумах самых разных сайтов гуляют призывы-предложения проверить «чебурашек» на соответствие заявленному статусу...

Впрочем, Бог с ней, с ориентацией. Поговорим об ориентировках.

— На протяжении недели, предшествовавшей Конгрессу, ко мне неоднократно обращались представители Первого национального канала Белорусского телевидения с просьбой дать интервью о жизни геев в Беларуси, о том, как я лично отношусь к легализации однополых браков, — рассказывает Эдвард Тарлецкий. — В течение дня накануне Конгресса корреспондентка агентства «Интерфакс» обращалась ко мне, а также к другим активистам нашей организации, с вопросом, поддержат ли геи единого кандидата в президенты Беларуси, если тот заявит о поддержке прав сексуальных меньшинств и однополых браков в Беларуси. Лидеры Белорусской лиги сексуального равноправия так же, как и я, отказались отвечать на этот странный вопрос, тем более накануне проведения Конгресса.

Тарлецкого со товарищи насторожили как минимум два факта: во-первых, кто-то вспомнил, что гомосексуальную тематику использовал режим Милошевича в борьбе с оппозицией, а во-вторых, за интервью, как говорит Эдвард, «обещали баснословный по белорусским меркам гонорар».

Вряд ли кто-то не знает, что лидер незарегистрированной лиги сексуального равноправия — журналист. Хороший журналист, утверждаю я, профессионал. Давешние радиорепортажи и недавние интернет-публикации Тарлецкого сделаны мастерски.

У журналиста Тарлецкого было искушение громко подменить вторую древнейшую профессию первой: за день до президентских выборов 2001 года возглавляемая им лига была единственным из движений, сумевших организовать в центре Минска уличное шествие. Говорят, что оппоненты президента вполне всерьез предлагали Тарлецкому разместить под радужными знаменами транспарант «Мы — за батьку!». Электорат, конечно, был бы в шоке! Подобный «черный пиар» даже за несколько часов до голосования мог пронзить и потрясти всю страну!

Сексменьшинства не допустили «чернухи» под своими радугами. А Тарлецкий публично отшутился: «Я не занимаюсь плагиатом!» Лозунг «Я за батьку!» в той кампании использовался БРСМ.

По отношению к Конгрессу демократических сил тот пиаровский ход попытались повторить с точностью до наоборот, поменяв адресата. И «журналисты», принципиально отличные от журналиста Тарлецкого, напряглись опустить нашу профессию до грязи.

...Репортерша из БТ выглядела как-то странно. Наряд, уместный на пикнике в загородном коттедже, не вписывался в формат деловых встреч, а тем более массовых общественно-политических форумов. Мне сказали, что она «из кулька» — но такое произведение не делает чести Университету культуры. Может быть, ее готовили как режиссера самодеятельного театра — но пьеска, разыгранная «чебурашками», не тянет даже на «зачет». На помещенном здесь фото видна натужность актеров и неоправданный восторг несостоявшегося режиссера.

Я оставляю только это фото — без имен, без фамилий.

Своим начинающим коллегам, обучая их ремеслу, я обязательно говорю: жизнь длиннее, чем... любовь. Любовь — это им понятней, в семнадцать или двадцать два... Жизнь длиннее привязанностей, президентских сроков, длиннее контрактов с определенным издателем или каналом. Жизнь, в конце концов, назовет ваше настоящее имя и даст единственно верную оценку вашим делам и произведениям — ни добавить — ни отнять.

Но если жизнь только на взлете — не стоит рубить обвинениями, гасить формулировками. Кто знает, как обернется. Не согрешивши — не покаешься, говорят люди праведные. Я обычно твержу своим студентам: лучше, конечно, не ошибаться и не «влипать», но если уж вышло — время рассудит. Нужно признавать свои ошибки. Журналистский клан умен и милостив: не просто простит, но выдаст оправдание с обоснованием...

У девчушки в огромных очках — жизнь впереди. Жизнь без БТ, без осуждения «кулька»! Или вдруг случится, что мягкие белые сапожки станут тяжкой кирзой? Мы все — маститые и неумехи — заложники ожидания: как слово наше отзовется?

Дай нам Бог, впрочем, — всем написавшим и пишущим, отснявшим и снимающим, — чтобы наши заказчики, работодатели, политики и те, кто монополизировал право вершить политику, уразумели наконец: во второй древнейшей, в отличие от первой, работают головой, а не иным местом...

А «репортеры» второго республиканского телеканала — ОНТ — и вовсе не отяготили себя разработкой сюжета. Их «козырный» репортаж — банка (пакет) сметаны, запущенная в известнейшего политика Станислава Шушкевича. «Сметаноносец» выскочил к группе участников Конгресса откуда-то из-под телевизионного микроавтобуса. А съемочная группа ОНТ, отсняв бросок, рванула с места происшествия и больше на Конгрессе не появлялась.

Стоит ли говорить, что комментарии, звучавшие в минуты демонстрации «сметанных» кадров, не имели ничего общего с требованиями жанра? Не всякий ведь набор фраз — комментарий, не всякая самодеятельная постановка — репортаж.

Працэнтаманія

Па вялікім рахунку, кожная спроба загнаць мастацтва ў табліцы статыстыкі, вызначыць ягоны ўзровень з дапамогай працэнтных паказчыкаў загадзя безнадзейная. Гэта толькі за савецкім часам валавыя паказчыкі стваралі неверагодную карціну росквіту тагачасных культуры і мастацтва, а квадратныя метры — інтэлектуальную каштоўнасць габелена стагоддзя. Здавалася б, гэтая бухгалтэрыя засталася ў мінулым. Тым не менш Беларусь вось ужо амаль год жыве пад знакам 75-працэнтнага клопату пра развіццё айчыннай папулярнай музыкі ў эфіры.

Дзмітрый ПАДБЯРЭЗСКІ

І праблема гэтых працэнтаў зусім не такая простая, як можа падацца на першы погляд, бо выклікала гарачую дыскусію як у асяродку стваральнікаў і выканаўцаў, так і ў прэсе. Пры гэтым пытанне набыло нават палітычнае гучанне, калі першая асоба дзяржавы паскардзілася, што Пугачова, маўляў, з кожнага праса гучыць. І тады адважнае беларускае чыноўніцтва закасала рукавы...

Што было?

Да 2005 года сітуацыя ў айчынным радыёэфіры была сапраўды амаль анекдатычная: гучала што заўгодна, акрамя беларускай музыкі, якая, калі звяртацца да любімых працэнтных паказчыкаў, займала ў праграмах зусім мала месца. Галоўнай прычынай такога грэблівага стаўлення да айчыннай музыкі кіраўніцтва радыёстанцый называла тое, што беларускіх выканаўцаў, за выключэннем якіх пяці-сямі імёнаў ды назваў, слухачы проста не ведаюць. З іншага боку, выканаўцаў не ведаюць, бо іх не прапагандуюць. Калі адсутнічае прамоцыя, гэта адбіваецца і на тыражах выдадзеных запісаў, і на наведванні канцэртаў. А немагчымасць зарабіць на зробленым, у сваю чаргу, адмоўна ўплывае на тыя ж колькасныя паказчыкі — новыя песні, дыскі, канцэрты. І ў выніку даваць у эфір амаль няма чаго, а тое, што ёсць, слухачы і рэкламадаўцы, мякка кажучы, сустракаюць насцярожана.

Пытанне на «засыпку»: дзе тое звяно ў намаляваным коле, якое мусіць зрабіцца «слабым»? На маё перакананне — эфір. І толькі ён!

Нехта дакладна заўважыў, што Віктар Цой быў апошняй савецкай зоркай папулярнай музыкі, якая ўзышла без дапамогі радыё і тэлебачання. З таго часу сталася законам: зорак робяць найперш радыё і тэлебачанне. Цяпер яшчэ — і інтэрнет. І калі беларускія FM-станцыі не папулярызуюць айчынных выканаўцаў, значыць, зоркам запаліцца няма як. Няхай у большасці сваёй гэтыя зоркі і вельмі ўмоўныя...

Адгаворкі былі класічныя: пад беларускую музыку рэклама не пойдзе. Сцвярджаючы гэта, амбіцыйная, але зялёная эфірная моладзь, якая шчасліва абышлася нават мінімальным досведам уласна радыйнай працы і ўзброілася ўніверсальнай адмазкай пад назвай «фармат», па-першае, проста не ведала беларускай музыкі; па-другое, забылася на тое, што было раней. Працаваць па даўно вядомых стандартах, канешне ж, куды прасцей, чым прыдумаць нешта арыгінальнае. Але ж быў досвед Радыё 101,2, якое будавала эфірную палітыку найперш на айчыннай музыцы. І тое, што за вельмі малы час гэтае радыё зрабілася камерцыйна паспяховым, сведчыць якраз пра творчы і якасны пошук яго супрацоўнікаў.

Дарэчы, нешта падобнае і прыкладна ў гэты ж час здарылася і ў Чэхіі, дзе радыёэфір быў таксама перапоўнены замежнай прадукцыяй. Але як толькі адна са станцый паставіла на «сваіх», слухачоў у яе хутка дадалося. І ўся справа неўзабаве зрушылася: даваць у эфір найперш сваіх зрабілася прэстыжным. У такой сітуацыі

камерцыйныя станцыі часта выдаткоўваюць уласныя сродкі на тое, каб забяспечыць арыгінальны эфір.

Што ёсць

Прымаючы рашэнне аб адміністрацыйным лімітаванні радыёэфіру, беларускія чыноўнікі не былі арыгінальнымі. Падобныя нормы дзейнічаюць шмат у якіх краінах. Класічны прыклад — Францыя, якая гэткімі абмежаваннямі абараняе традыцыі нацыянальнай культуры, найперш у галінах кіно і музыкі. Пры гэтым варта адзначыць, што французскія радыёжурналісты, у адрозненне ад беларускіх, заўсёды паважалі айчынных выканаўцаў. Таму вялікай «ломкі» пры ўвядзенні лімітаў у Францыі не было. Як і ў большасці іншых краін, таму што, па-першае, ніхто не дадумаўся на працягу менш чым года давесці аб'ёмы гучання ад амаль нулявой адзнакі аж да 75%; па-другое, узровень развіцця музычнай інфраструктуры, музычнага рынку наогул быў у гэтых краінах непараўнальна вышэйшы. У нас жа вырашылі, як заўсёды, пабегчы наперадзе цягніка.

Было поўнае ўражанне, што чыноўнікі Мінінфармацыі абсалютна не ведаюць стан рэчаў менавіта ў той самай інфраструктуры. Яны нават прыблізна не ўяўлялі, колькі людзей у Беларусі займаюцца напісаннем і аранжаваннем музыкі, колькі ёсць студый гуказапісу, колькі існуе выдавецкіх фірм, згодных рызыкаваць грашыма, выпускаючы запісы «нераскручаных» выканаўцаў. Не ведалі яны, нарэшце, колькі маецца ахвочых слухаць гэтую прадукцыю.

А калі ўлічыць, што ва ўсім свеце музычны шоў-бізнес з'яўляецца выключна прыватнай ініцыятывай, яны нават не падумалі, хто ж у Беларусі здольны ўкласці ў гэты бізнес уласныя (і немалыя, адзначу!) сродкі. І атрымалася, што сама дзяржава задэкларавала стварэнне нейкіх прадзюсерскіх цэнтраў па выпечцы зорак, хоць у іншай сітуацыі магла спакойна задаволіцца атрыманнем дывідэнтаў у выглядзе падаткаў...

Карацей, рынак як след не прааналізавалі, спадзеючыся выключна на адміністрацыйны рэсурс. І нават спусцілі зверху планы, колькі ў сярэднім цягам месяца павінна стварацца новых песень. І — пайшло-паехала!

Радыёстанцыі напачатку загналі беларускіх выканаўцаў у своеасаблівыя рэзервацыі, аддаючы ім дзеля справаздачы і выканання паказчыкаў выключна начны час, калі радыё мала хто слухае, а рэклама наогул не гучыць. Крыху пазней міністр інфармацыі заявіў, што асабіста праглядае трэк-лісты радыёстанцый. Далей пачалі з'яўляцца дзівосныя спісы, у якіх выканаўцы дзяліліся на людзей розных гатункаў: цалкам сваіх, крыху не сваіх і наогул чужых, але такіх, якія ўсё ж маюць нейкае дачыненне да Беларусі. Пра інфармаванасць аўтараў гэтых спісаў сведчыў хоць бы такі факт: Аляксей Шадзько з групай «Сестра» значыўся сярод тых, хто не

пражывае стала ў Беларусі. А беларусамі былі вызначаны расейскія выканаўцы, якія на свае беларускія карані амаль забыліся.

Аднак пасля папярэджанняў, вынесеных некалькім радыёстанцыям за невыкананне планавых паказчыкаў, беларускія выканаўцы ўсё ж пачалі з'яўляцца і ў дзённым эфіры. Што толькі не гучала з прыёмнікаў! У эфір пайшлі архіўныя запісы, пазначаныя мінімальнай мастацкай вартасцю, якія і за савецкім часам да эфіру амаль не дапускаліся, пайшла музыка, якая раней сама па сабе проста, без усялякіх фарматаў, трапіць у ратацыю аніяк не магла. Як вынік, практычна ўсе радыёстанцыі зрабіліся неверагодна падобнымі адна на адну, аўдыторыя іх рэзка скарацілася, а некаторыя станцыі наогул змушаныя былі карэнным чынам мяняць рэпертуарную палітыку. Так, мінскае радыё «РОКС» страціла ўсю сваю спрадвечную рокавую стылістыку, а «Мелодии века» пачала забіваць эфір ужо не музыкай, а часцяком сумнеўнымі творамі расейскіх гумарыстаў.

З іншага боку, эфір пачаў папаўняцца скараспелымі падробкамі пад расейскую папулярную музыку. Гэтая «асятрына другой свежасці» канчаткова дабіла аўдыторыю. А выйгралі ад усяго гэтага найперш гандляры дыскамі, попыт на якія, асабліва з рэпертуарам класікі заходняй рок-музыкі, значна павялічыўся. І калі гадоў пяць таму многія, ідучы па вуліцы, слухалі менавіта радыё, дык цяпер такіх мазахістаў амаль не сустрэнеш.

Пазітыўнае з таго хіба тое, што з айчыннымі выканаўцамі супрацоўнікі радыёстанцый пачалі размаўляць больш лагодна. Хоць пры гэтым у эфір праходзіць часам такое!.. Хіба можна называць музыкай нават запісанае фальшыва, зробленае цалкам стандартна і выключна з дапамогай камп'ютэрных праграм, без «жывых» музыкантаў, з тэкстамі такімі, што ў дачыненні да іх самому хочацца закрычаць: «Не фармат!»?

Але гэта ўжо Міністэрства інфармацыі аніяк не хвалюе. Галоўнае — працэнт! І каб толькі не Пугачова з кожнага праса. Пры гэтым пачуць якую новую песню на беларускай мове практычна немагчыма. Клопат пра развіццё мастацтва айчыннай папулярнай музыкі чыноўнікі разглядаюць таксама своеасабліва, бо неяк не здагадаліся лімітаваць працэнт твораў на мове карэннага насельніцтва. І ў выніку выйграе хто заўгодна, апрача нацыянальнай культуры.

Ведаю, што многія выканаўцы самі не надта радуюцца такой вось нечаканай папулярнасці. Таму што разумеюць: калі па ўсіх каналах увесь час гучыць адна і тая ж песня, у слухачоў гэта нічога, акрамя прыліву нянавісці адразу да ўсіх — ад выканаўцы да Мінінфармацыі і ў цэлым да айчыннай музычнай культуры — выклікаць не можа.

Дзеля чаго?

Сапраўды, калі задацца пытаннем, дзеля чаго варта было рабіць гэткую рэвалюцыю, можна прыйсці да цікавых высноў. Ну так, канешне ж, найперш — абарона айчыннай музычнай прасторы. Што маем тут? Агульная якасць музыкі ў лепшым выпадку засталася на тым жа вартым жалю ўзроўні, хіба што на месца расейскай халтуры прыйшла халтура айчынная. У сэнсе разнастайнасці стылёвая радыёпрастора прыкметна звузілася, хоць колькасць наваяўленых зорак эстрады цягам года прыкметна павялічылася. Спяваць пачалі спартоўцы, бізнесмены і ўсе, каму закарціць. Асаблівага таленту, наяўнасці голасу не патрабуецца — камп'ютэр дапаможа. Але ж адначасова і аўтарытэт тых зорак аніяк не расце...

Другое — гэта пытанне фінансавае. За пракрутку музыкі ў эфіры яе стваральнікі атрымліваюць аўтарскія адлічэнні. Дык вось, ад пачатку года заходнія (і ўсходнія таксама!) выканаўцы пачалі атрымліваць з Беларусі значна менш. То бок грошы, якія раней плылі за межы, зараз застаюцца ў краіне. Справа, бясспрэчна, добрая. Грошы няхай і не вельмі вялікія, але, як той казаў, на чарку са шкваркай ці нават на фуршэт для прэсы можна наскрэбці. А часам і заплаціць за новую песню ці аранжаванне. Ды варта ўлічваць псіхалогію маладых зорак, якія, адчуўшы смак першых заробкаў, імкнуцца запісваць яшчэ і яшчэ, літаральна выхопліваючы з-пад рук аўтараў музыкі чарговы «шэдэўр». І ў выніку аднолькавыя грошы атрымліваюць, скажам, Някляеў ці Дранько-Майсюк і аўтар такога вось тэксту: «Самое сладкое место на теле будем искать с тобой в нашей постели». І ніхто на радыёстанцыях не наважваецца сказаць, што гэта — пошласць. Працэнт важнейшы. А з прычыны таго, што адміністрацыйны рэсурс — рэч у Беларусі больш чым рэальная, творы адных аўтараў сталі гучаць часцей за творы іншых. (Калі нехта выключае такую сітуацыю, значыць, у сваіх уяўленнях пра чыстае і шчырае сяброўства ён застаўся ў часах юнацкага захаплення творамі Рэмарка.) Так што цалкам верагодна, што норма ў 75% была проста прадыктавана цэхавымі інтарэсамі пэўных асоб найперш з Саюза кампазітараў, чые творы ў «дапрацэнтны» час у эфіры абміналіся...

Што да трэк-лістоў, якія нібыта праглядае інфармаванае начальства, дык тут сваё выйсце. Ну скажыце, хто замінае замест, скажам, прозвішча Элтана Джона напісаць Ігар Лучанок? Ну няўжо чыноўнікі міністэрства цэлыя суткі слухаюць эфір? А папера — стрывае. Таму ў справаздачах — поўны ажур. Працэнт на ўзроўні. Заданне выканана.

На чым сэрца супакоіцца?

Перш чым у краіне ўсталюецца нармальная музычная інфраструктура, здольная задаволіць спушчаны з міністэрскіх высотаў працэнт, праміне не адзін год. Таму ў бліжэйшы час нічога асабліва радаснага ў беларускім радыёэфіры чакаць не даводзіцца. Хоць пэўныя сюрпрызы ўжо ёсць. Так, напрыклад, нечакана на агульным аднастайна-шэра-прымітыўным фоне (у сэнсе музыкі) даволі прыстойна пачаў выглядаць дзяржаўны радыёканал «Культура». Хоць — чаму «нечакана»? Там усё ж працуюць прафесійныя, не збэшчаныя FM-фарматам і культурныя, зрэшты, людзі. Вось чаму на «Культуры» захаваліся годныя аўтарскія праграмы, гучыць такая музыка, якой на іншых FM-станцыях днём з агнём не адшукаць.

Гаворачы пра 75%, не варта пакідаць па-за ўвагай і такі цалкам спецыфічна беларускі нюанс, як наяўнасць выканаўцаў афіцыйна прылашчаных і неафіцыйна непажаданых. Гісторыя з нейкім таямнічым спісам забароненых — гэта наогул дзікасць і, канешне ж, тэма для асобнай гаворкі. Скажу толькі, што ў спісе гэтым, якога ніхто ў вочы не бачыў, але які рэальна працуе праз тэлефон, апынуліся збольшага якраз тыя выканаўцы, якія раней і гучалі ў эфіры часцей за іншых. Значыць, адлучыўшы іх ад эфіру, пакаралі ў тым ліку і рублём. Дык хто тады растлумачыць, калі гэтыя вельмі інфармаваныя чыноўнікі хлусяць: ці тады, калі кідаюць лозунгі аб абароне культурнае прасторы, ці тады, калі даюць тэлефонныя ўказанні адлучыць ад эфіру найперш беларускамоўных спевакоў?

Пытанне, канешне ж, у прастору. Рытарычнае і па сутнасці сваёй недарэчнае...

Праўда, як зноў жа паказала практыка, усё ў рэшце рэшт залежыць ад канкрэтных людзей. Напрыклад, на радыё «Мінск» гучаць творы такіх выканаўцаў, за якіх супрацоўнікі дзяржаўнага радыё ў лепшым выпадку пішуць тлумачальныя, у горшым — шукаюць новае месца працы. «Аўтарадыё» актыўна раціруе тую музыку, якую і блізка не пабачыш на БТ-1. Тэлеканал «АНТ» дае месца ў сваіх праграмах групе «Крама», чые канцэрты неаднаразова забараняліся. Радыё «Мінск» дапусціла да эфіру Алега Хаменку ў якасці вядучага — а для яго разам з групай «Палац» закрытыя ўсе сцэны краіны, хоць яшчэ зусім нядаўна «Палац» прадстаўляў нас свету, напрыклад, на днях культуры Беларусі ў Нямеччыне. Логікі ва ўсім гэтым, безумоўна, надзвычай мала, а таму чалавек старонні зломіць галаву, спрабуючы ва ўсім гэтым адшукаць хоць нейкі сэнс.

Калі рэгламентацыя будуецца згодна з прынцыпам «крок улева, крок управа — і перадатчык адключаецца», не трэба чакаць плёну. Яго ў такой сітуацыі ў прынцыпе быць не можа.

У часы фашысцкай Германіі быў выдадзены афіцыйны дакумент, які рэгламентаваў выкананне джазавай музыкі. Напрыклад, на кантрабасе забаранялася іграць піцыката — толькі смыкам. Згадваліся ў тым дакуменце і сякія-такія працэнты. Вельмі шкада, што ў Мінінфармацыі пра гэты дакумент, напэўна, ніхто не ведае. Але ж гісторыя неаднойчы сведчыла, што ўсё новае трэба шукаць у мінулым...

А таму не варта нашаму цягніку апантана ляцець наперад. Маюцца больш спрытныя... «Нас не дагоняць»!

Внештатная ситуация

Стоит ли возиться с «вольными» авторами?

Марина ЗАГОРСКАЯ

Внештатные авторы, конечно, отнимают много сил, времени и нервов, часто не оправдывая ожиданий. Однако они же снабжают издания самыми свежими идеями и темами, расширяют географию публикаций. В моей практике были случаи, когда именно приходящие авторы спасали ситуацию...

Принимать в расчет внештатных авторов или делать основную ставку на опыт и мастерство собственных сотрудников — этот вопрос теперь в каждой редакции решают по-своему. Даже в государственных изданиях уже отказались от практики введения для корреспондентов жестких норм по обработке авторских строк, написанных доярками или сантехниками.

Впрочем, еще ни одному средству массовой информации не удавалось полностью изолироваться от назойливых посетителей, которые жаждут во что бы то ни стало увидеть свой шедевр на газетной полосе. То ли политическая погода в стране этому способствует, то ли геомагнитная обстановка, но тех, кто полагает, что журналистика — это не профессия, а состояние души, год от года становится все больше. Одними движет желание заработать, другие хотят прославиться, третьи — донести свою точку зрения до широких масс или набраться профессионального опыта.

Главным редактором газеты я стала в двадцать лет, не успев еще закончить факультет журналистики. Это была многотиражка «Беларускі універсітэт» со штатом в три человека. Не так уж и мало для еженедельной газеты. Не так уж и много, если принять во внимание громадье планов, которые теснились у меня в голове при небогатом редакторском опыте.

Но главное я знала — создам такую газету, чтобы учредителю (ректорату) не пришлось за нее краснеть, а студентам было что почитать. В офисе я дневала и ночевала. Инкогнито ходила по факультетам и подслушивала, что говорят о «БУ». Устраивала допрос с пристрастием каждому, кто заглядывал в редакцию. И однажды нарвалась на откровенность. «Газета ничего, но сразу видно, что пишет ее один человек — редактор», — сказали мне. Тогда, внимательно перечитав все номера подряд, я провела две акции: поместила в газете объявление о том, что к сотрудничеству приглашаются внештатные авторы из числа студентов, и прошлась по кафедрам в поисках научных и преподавательских кадров, которые согласились бы участвовать в работе редакции.

Внештатники-студенты помогли мне насытить газету свежими идеями, оперативной и яркой информацией, специалисты — восполнить отсутствие собственного жизненного опыта. Из тогдашних студентов-внештатников выросли такие известные журналисты, как Сергей Гриц, Александр Коктыш, Сергей Шапран, Ольга Улевич...

Через несколько лет в газете «Имя» я вновь оказалась один на один с проблемой насыщения эксклюзивными материалами целых четырех оперативных полос. И только «штыки», как окрестили в редакции группу внештат-

ников-репортеров, помогли мне выстоять под натиском информации и не надорваться.

Но как не проглядеть этих по-настоящему ценных авторов в толпе, штурмующей редакции? Как склонить к сотрудничеству знаменитость, не угодить в сети графомана и приручить парня талантливого, но необязательного?

Всех внештатных авторов я бы разделила на несколько категорий. К каждой из них требуется свой подход.

Графоман со стажем

Внешний вид. В гардеробе нередко присутствует деталь, которая бросается в глаза своей несуразностью — соломенная шляпа к деловому костюму или украшения из кружев, бисера, тесьмы, примостившиеся в самом неподходящем месте. В руках — портфель (авоська, пакет, папка), доверху набитый исписанными мелким почерком бумагами и пожелтевшими публикациями прежних лет.

Манера поведения. Говорит длинными цветистыми фразами, за которыми, однако, слабо угадывается смысл. С жаром обсуждает любую тему. Манерничает. Часто ссылается на авторитеты и подчеркивает свою близость к ним. Не может удержаться от искушения зачитать «всего один» абзац своего гениального творения и тут же начинает агитировать вас ознакомиться со всеми текстами из портфеля и высказать свое мнение, которое крайне важно, потому что именно ваше творчество для него — пример для подражания. При этом нередко может перепутать не только ваше имя, но и название издания. Не слышит конкретных вопросов и не реагирует на возражения. Не заводит первым разговор об оплате — графоману важно любой ценой проникнуть на страницы газеты

Как с ним поступить? Для издания, которое ощущает постоянный дефицит материалов и не особо заботится об их качестве, такой автор — просто находка. Он может писать много и на любую тему. Но если вам дороги собственное время и честь издания, хорошенько подумайте, так ли уж прекрасен этот кадр, чтобы проводить долгие часы, пытаясь разобраться, что он хотел сказать на двадцати страницах своего текста. Графоману лучше отказать сразу. И навсегда. Опубликовав ради приличия хотя бы один его материал, вы рискуете надолго связать с ним свою судьбу. Произнеся отказ невнятно, обрекаете себя, по крайней мере, еще на один визит графомана.

Практикант

Внешний вид. Джинсы и свитер (или трикотажная водолазка). Материал достает из рюкзачка, но чаще приходит в редакцию за темой: «Дайте мне написать хоть что-нибудь».

Манера поведения. Возможны варианты. Иногда смущается до заикания, боясь, что его засмеют и не оценят. Случается, ведет себя вызывающе, чтобы скрыть собственное волнение. Готов браться за любую тему и бежать на задание прямо сейчас, но не всегда представляет себе, что из этого получится.

Как с ним поступить? Вообще-то практикант — это не внештатный автор, он еще только учится. Но при огромном желании с его стороны и определенных усилиях, приложенных редакцией, он способен вырасти в постоянного сотрудника. Хотя может спасовать на первом же задании или в скором времени увлечься чем-нибудь другим, например, виндсерфингом. Вот почему не стоит сразу поручать ему подготовку серьезного, а тем более «горящего» материала, лучше проверить на деле. Остановитесь на том задании, которое ему больше по душе. Для начала четко оговорите тему (можно даже составить вместе подробный план), возможные контакты, объем и сроки сдачи.

Практиканты, как правило, люди необязательные. Лучше через некоторое время перезвонить, чтобы уточнить, как продвигается работа, поинтересоваться, не нужна ли помощь, напомнить о приближающихся сроках сдачи материала, который нередко требует хорошей редакторской правки и перепроверки не только названий и фамилий, но и достоверности фактов.

Но с перспективным практикантом стоит повозиться. Очень скоро он отплатит редакции креативными идеями, свежим взглядом и готовностью без устали ездить в командировки, расширяя географию публикаций. Именно практиканты быстро загораются рискованными идеями. Главное — не фыркнуть в ответ на высказанную дерзкую мысль, а попытаться найти в ней здравый смысл.

Постоянный автор

Внешний вид. Ничем не отличается от сотрудников редакции.

Манера поведения. Свой человек в коллективе, хорошо знает правила игры и никогда не качает права там, где этого делать не следует. Всегда готов подстраховать в трудную минуту и поделиться информацией, если сам не успевает подготовить материал.

Как с ним поступить? Вести себя так, как и с остальными сотрудниками редакции, только с большей теплотой и вниманием. Не забывайте: постоянный автор не получает зарплату, а работает при этом на все сто. Ему можно доверять ответственные задания и «горящие» темы, не боясь проколов. Единственный недостаток — постоянный автор настолько вжился в роль члена редакции, что уже смотрит на мир глазами журналиста.

Неравнодушный

Внешний вид. Как правило, одет просто, но аккуратно. Хотя может быть и в брюках из черной кожи с многочисленными клепками. Чаще всего — из интеллигентов, но вообще-то неравнодушных можно встретить в любых слоях нашего общества.

Манера поведения. Иногда излишне горячится, потому что пришел с темой, которая затрагивает лично его или близких ему людей. Почти всегда приносит не только идею, но и готовый материал, а то и подкрепляющие факты документы.

Как с ним поступить? Внимательно выслушать, даже если

окажется, что на страницах издания уже не раз появлялись публикации на эту же тему. Иногда неравнодушный как человек заинтересованный проводит собственное расследование, копая глубже и находя те детали, которые ускользают от «замыленного» глаза журналиста. К тому же такого автора редко волнует размер гонорара.

Не всегда у неравнодушного безукоризненный стиль, его фактура обязательно требует проверки, но именно он обычно задает очевидные вопросы, которые раньше почему-то никому не приходили в голову. Однако не рассчитывайте на долговременное сотрудничество. После 2–3 публикаций неравнодушный обычно исчезает на долгий срок, пока у него вновь не появится необходимость поделиться с читателями своей точкой зрения.

Специалист

Внешний вид. Ему к лицу и деловой костюм, и джинсы от Армани с клубным пиджаком, и обыкновенные брюки из тонкой шерсти в паре с водолазкой.

Манера поведения. Знает себе цену, отличается собранностью, любит задавать конкретные вопросы и заранее расставлять все точки над «i». Прежде чем согласиться на сотрудничество, обычно уточняет, что он будет с этого иметь.

Как с ним поступить? Обычно такие люди по редакциям не ходят. Их целенаправленно ищут журналисты. Иногда случайно встречают на конференциях, посвященных каким-нибудь синхрофазотронам или птичьему гриппу.

Ценность специалиста в том, что он знает вопрос гораздо лучше, чем самый добросовестный журналист, владеет информацией из первых рук, способен разглядеть подноготную, проследить тенденции, никогда не подведет со сроками и всегда сам выверит все упомянутые факты. Привлечение специалистов экономит рабочее время сотрудников, свидетельствует о серьезности издания. Но работа с такими авторами нередко требует от редакторов железного терпения — специалисты без боя не соглашаются заменить термины на общедоступные формулировки, придирчиво вычитывают свой материал перед подписанием номера в печать, отметают игривые и скандальные заголовки.

Человек с именем

Внешний вид. Это его мало заботит. Он уже имеет настолько прочную репутацию, что его давно встречают не по одежке, а по уму. Издания даже готовы вступать в борьбу за право заполучить его.

Манера поведения. Может долго не поддаваться на уговоры, ссылаясь на то, что занят по горло. На самом деле зачастую просто жеманится, выторговывая достойную оплату не столько за свой труд, сколько за свое имя.

Как с ним поступить? Человек с именем — конечно же, «звезда». Заполучить такого — дело чести. Так что позвольте ему покапризничать, но до разумных пределов, и постарайтесь заранее четко оговорить все условия. «Звезды» иногда имеют привычку упускать из виду важные мелочи, зато их присутствие на газетных полосах способствует увеличению тиража. Но не рассчитывайте, что они будут спасать ситуацию, прикрывая собой «дыры» на полосе. Лучший вариант сотрудничества с именитым человеком — авторская колонка или рубрика. Это и «звезду» дисциплинирует, и читательский интерес поддерживает.

Опытный редактор всегда радушно встречает внештатников и даже приманивает их, призывая своих сотрудников тоже формировать собственный круг авторов.

Во-первых, это дополнительные «ноги», «уши» и «глаза», что позволяет изданию всегда быть в курсе событий. Во-вторых, это дает возможность штатным сотрудникам периодически забывать о текучке и заниматься детальной проработкой «гвоздевых» тем. В-третьих, присутствие приходящих авторов способствует развитию здоровой конкуренции среди сотрудников редакции. В-четвертых, привлекая внештатников, редакция экономит фонд заработной платы.

И стоит ли после этого нервно подсчитывать минуты, затраченные на беседы с внештатными авторами и обработку их материалов? Во всяком случае, даже те редкие редакторы, которые на дух не переносят посторонних на полосах собственного издания, не отрицают, что из внештатников получаются вполне пристойные информаторы.

(НЕ) РЫНОЧНАЯ АСИММЕТРИЯ

Йонас ЛАУРИНАВИЧЮС,
Вильнюс

Четвертая национальная выставка «БеларусьЭКСПО-2005» в Литве, прошедшая с 5 по 8 октября и задуманная как демонстрация экспортных возможностей Беларуси, вновь отразила и особенности развития хозяйства двух соседних стран, и весьма различные их подходы к решению даже однотипных проблем. Такое впечатление, что мы являемся очевидцами соревнования разных экономических систем, и этот подтекст придал экспозиции дополнительный интерес и интригу.

Литовская общенациональная пресса о выставке практически умолчала. За исключением, может быть, пикантностей: премьер Литвы А. Бразаускас принял в подарок телевизор на жидких кристаллах от Минского АО «Горизонт», и это было подано под лозунгом лоббирования товаров Беларуси на литовском рынке. Поэтому весь риск оценок приходится брать на себя.

Соперники и партнеры

Благодаря сходству природных ландшафтов и климата, Беларусь и Литва объективно оказываются в общей «нише» по целому ряду **традиционных** отраслей экономики, использующих **местные ресурсы**: это прежде всего сельское и лесное хозяйство (в перспективе — и экологическое земледелие), деревообработка, легкая и пищевая индустрия, а также в значительной мере промышленность строительных материалов, туризм (в том числе и сельский) и даже транспорт. Все это делает нас естественными конкурентами на рынках Запада и Востока.

Как стать в таких условиях взаимно интересными друг другу?

Чтобы расширить возможности обмена, каждая страна заинтересована в наиболее **комплексном** развитии (диверсификации) своего хозяйства. Формально диверсификация осуществлялась уже в СССР, но подаренная национальным окраинам «социалистическая индустриализация» имела иные задачи: помимо традиционного социального заигрывания с массами, это, прежде всего, — заполнение ниш **российского** спроса и дальновидные «**интеграционные**» цели, ибо такая промышленность работала преимущественно на союзного потребителя, на привозном сырье и почти всегда — с использованием импортированной рабочей силы. Все это сделало ее орудием и придатком «большого Центра», и стоило по приказу оттуда разорвать эти связи, как сразу же обнажилась реальная несостоятельность постсоветской тяжелой индустрии, например, в странах Балтии.

Кстати, не беспроблемной выглядит и ситуация в белорусской промышленности, в частности, в автомобиле- и тракторостроении, ибо эта техника, по свидетельству специалистов, конкурентоспособна лишь в странах третьего мира и в СНГ, а на рынках Запада, даже с учетом преференций ЕС, отвечает пока только требованиям дешевизны. Однако значение этого фактора снижается ввиду возрастающего технического отставания. Для его ликвидации нужны зарубежные инвестиции и международная кооперация. Потребность в этом отчасти декларируется и на выставках «БеларусьЭКСПО», проводимых Беларусью через год попеременно в Литве и в Латвии.

Скорее всего, именно недостаточная взаимная диверсифицированность экономик **объективно** обусловила многолетний

застой в литовско-белорусской торговле. Хотя, согласно данным посольства РБ в Литве, товарооборот между двумя странами в прошлом году достиг номинально рекордной отметки в 720 млн. долларов, однако за последние шесть лет, с учетом 30%-ной инфляции американской валюты, он практически не растет.

Есть на то и ряд **субъективных** причин — начиная с многократного сокращения несколько лет назад поставок литовской электроэнергии в Беларусь ввиду неплатежеспособности партнера и кончая, что греха таить, соображениями внеэкономической конъюнктуры. Чиновник в Министерстве транспорта Беларуси мне как-то проговорился, что выбор маршрутов транзита диктуется степенью устремленности соседей в трансатлантические структуры.

Теперь, когда все государства западнее Беларуси вступили в ЕС и НАТО, этот аргумент может утратить актуальность. По достоинству оценено, например, что на самом коротком маршруте с Востока на запад: Москва — Минск — Вильнюс — Клайпеда — Копенгаген — Лондон именно Беларусь и Литва представляют собой единый отрезок транспортного коридора. И что такая общая «ниша» не противоречит взаимным интересам. Сегодня до четверти обрабатываемых в незамерзающем морском порту Клайпеды грузов (около 5 млн. тонн в год) — это белорусские калийные удобрения и продукты нефтехимии.

Количество и качество

Судя по номенклатуре представленных на «БеларусьЭКСПО-2005» товаров и услуг, наши страны взаимно интересны прежде всего в тех секторах, которыми их экономики различаются и как бы дополняют друг друга. На выставке нынешнего года отсутствовали экспоненты от легкой промышленности, зато были представлены около 130 предприятий тяжелой индустрии, нефтехимии и деревообработки, а также учрежде-

ния прикладной академической и вузовской науки. Кроме того, свои возможности рекламировали полиграфисты и впервые — туристические фирмы Беларуси.

Беларусь на рынке Литвы реализует свыше 400 наименований своей продукции, заслуженно гордится положительным сальдо в двусторонней торговле (около 200 млн. долларов) и не делает секрета, что соседние страны для нее — это трамплин на рынки Запада.

Стратегия при этом используется разнообразная. Минский автозавод, например, учредил в Вильнюсе дочернее предприятие «МАЗ-Балтия». В этом году тут уже собрано 130 автомобилей, оснащенных германским двигателем MAN, а значит, соответствующих экологическим требованиям ЕС. В то же время, в странах СНГ, по свидетельству моих собеседников, стандарт «Евро-3» еще не востребован. В дальнейшем выпуск вильнюсских МАЗов как минимум удвоится. С учетом того, что собственная ежегодная потребность Литвы в грузовиках такого класса оценивается в 50–70 единиц, можно ожидать расширения их экспорта в Европу. Первые автомобили уже проданы в Чехию и Словакию.

Иной стратегии придерживается Минский тракторный завод. Он ограничился в Литве услугами дилеров, которые обеспечивают реализацию продукции предприятия на рынке Балтии, а в дни выставки получен первый запрос о продаже 20 тракторов уже и в Испанию. Узнав об этом, представитель «Белинтерэкспо» Ю. Лосицкий был в восторге — и от производителей, и от посреднических возможностей Литвы как члена Евросоюза.

Литовцы сдержаннее оценивают баланс взаимной торговли. Обращают внимание на значительную долю в белорусском экспорте натуральных продуктов — калийных солей, необработанной древесины и, наконец, российской нефти, которая поступает через Беларусь транзитом. На взаимный баланс повлияло и упомянутое уже сокращение поставок электроэнергии, и массовая переориентация (до 80%) литовского экспорта на платежеспособные рынки ЕС. Но главный аргумент в том, что в обеих странах работают более 500 предприятий с их совместным капиталом. Литовские фирмы в Беларуси, так же, как и белорусские в Литве, используют различные современные стратегии предпринимательства. Фирма «Трайдянис» из Алитуса свое оборудование для экологического очищения сточных вод продвигает через сеть распространителей — как и МТЗ. А предприятия легкой промышленности Литвы в поисках более дешевой рабочей силы переносят производство в Беларусь — подобно тому, как это делает в Литве Минский автомобильный завод. Нечто новое — экспорт Литвой современных технологий, например, комплекса нового оборудования для объединения «Мостовдрев».

Процесс, таким образом, двусторонний, и весьма характер-

ным представляется разделение труда: там, где белорусы имеют технологический приоритет, на долю литовских партнеров выпадает участие в кооперации, менеджмент и продвижение продукции на европейский рынок. И наоборот, дилерская сеть в Беларуси позволяет реализовывать западные технологии, внедряемые предприятиями Литвы.

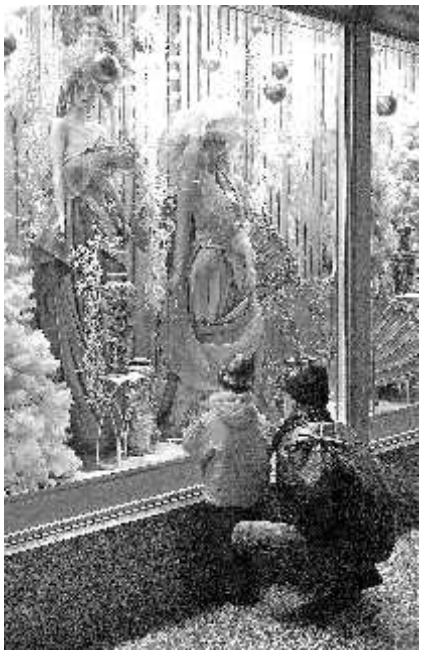
Похоже, мы присутствуем при закладке декларированного еще идеологами перестройки «экономического моста» между Западом и Востоком. Но эта натуральная, общая для обеих стран «ниша» может успешно действовать лишь при условии взаимного осознания полноценности такого сотрудничества.

Общее и особенное

Несмотря на очевидное сходство **алгоритмов** продвижения на соседние рынки, в **руководстве** этим процессом обе страны демонстрируют асимметричный подход: того, что Литва делает приватной инициативой, Беларусь добивается сверхусилиями административного аппарата. Характерная деталь: белорусские участники экспозиции — это, без исключения, предприятия **государственного** капитала, а ее литовские посетители — преимущественно **частные** лица и организации. Тем не менее объем заключенных тут сделок, по оценке самих белорусов, их вполне удовлетворяет.

Таким образом, в **реальном** плане экономическая асимметрия проблем для сотрудничества пока вроде бы не создает. Ибо достаточно качественная и относительно дешевая продукция Беларуси удовлетворяет бизнесменов Литвы, покупательная способность которых, в свою очередь, у партнеров сомнений не вызывает. Сложнее с **ментальностью**, которая пронизывает всю линию поведения, порой воинственно выплескиваясь в публичных реляциях белорусских функционеров. Цитата: «От того, насколько мы будем агрессивны в продвижении своей продукции, насколько иногда злы или недовольны тем, что у нас не получается ее реализовать, насколько мы будем рады видеть успехи в этом направлении, — в конечном счете будет зависеть наше благополучие».

Послушаешь и вспомнишь классика: «Политика — это концентрированная экономика». Интересно, какую «агрессивность» позволительно проявить, скажем, литовским предпринимателям на белорусском рынке, если один из них без суда и следствия провел там недавно два



года за решеткой? Об этом широко в свое время писала пресса Литвы.

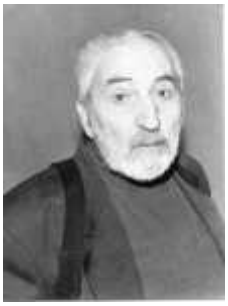
Общее впечатление от многочисленных высказываний официальных белорусских лиц такое, что промышленная выставка приехала в Вильнюс «завоевывать» здешний рынок — и не меньше. Такое впечатление, что из учебника по менеджменту взято то, что показалось актуальным (выручка), и опущено все, что «от лукавого» (хороший тон). Скажем, в служебном порыве многократно, торжественно и почтительно упоминается имя посетившего экспозицию премьера Беларуси С. Сидорского и, вопреки доброму дипломатическому тону, словно бы мимоходом (если произносится вообще) — главы литовского правительства. В речах нет-нет да и пробивались не изжитый с прежних времен синдром «более старшего брата» и слабая соотнесенность в номенклатурном сознании реалий СНГ и Евросоюза, апология «могучей промышленности Беларуси» и сквозящее в оценках пренебрежение к партнеру, якобы не имеющему таковой.

На вопрос о том, насколько верна прежняя шкала количественных оценок, ведь, согласно данным Евростата, Литва начиная с 1999 года имеет больший валовой внутренний продукт (ВВП), чем Беларусь, — один высокий белорусский дипломат ответил обезоруживающе просто: «Я в это не верю». А потом как бы между прочим заговорил об исключительно высоких темпах роста белорусской экономики — по 10–12% в последние годы.

Поскольку эта тема выходит за рамки проблематики собственно «БеларусьЭКСПО», развивать ее нет смысла. Хотя соответствующие факты широко известны и европейцам (о том, что как раз по динамике экономического роста Литва — лидер ЕС: 9,7% — в 2003 г., 6,6% — в 2004 г.), и самим белорусам (по словам вице-председателя Конфедерации промышленников В. Шашкова, ежемесячный финансовый оборот вильнюсского супермаркета «Акрополис», где работают всего несколько сот человек, не уступает объемам МТЗ с многотысячным персоналом, а по срокам отдачи значительно его опережает. Между прочим, супермаркетов в Литве — уже десятки). Вспоминаю, что еще несколько лет назад замминистра экономики Беларуси вслух удивлялся, что, оказывается, ВВП может производиться в больших количествах не только в так называемом «реальном секторе», но и в сфере обращения.

Впрочем, похоже, что терминологию рыночной экономики белорусские функционеры понемногу все же осиливают. В этом году, говоря о структуре белорусского экспорта, не забыли упомянуть, наряду с товарами, еще и услуги.

Парадоксы новейшей истории

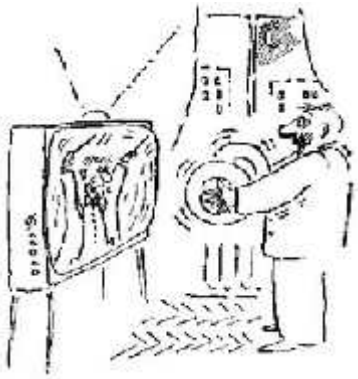


Алексей СИМОНОВ,
президент российского
Фонда защиты гласности

В городе Пестово Новгородской губернии местная администрация уволила редактора районной газеты за то, что в его издании была поругана священная для общественности города (или, по крайней мере, для самой администрации Пестова) память об Иосифе Виссарионовиче Сталине.
В преддверии различного ранга выборов редакторов в России увольняют столь часто, что это не заслуживало бы отдельного упоминания, если б не было столь знаковым: возвращение сталинского гимна стране, красного знамени — армии, памятника Дзержинскому — Москве.

Что должен предпринять глава района, когда на его глазах подчиненный ему редактор нахально нарушает логику процесса восстановления национальных святынь, подкрепленную недвусмысленными свидетельствами государственной воли? Уволить! Так и было сделано. Но, вполне в духе лукавых формулировок этой государственной воли, в приказе об увольнении вместо любезного административно-патриотическому сердцу определения «За Родину! За Сталина!» нетерпимость к инакомыслию выражена по-современному: «Уволить за нарушение этических норм журналистики». Словно хвалить Сталина — уже норма (по крайней мере, в Пестове), а ругать — извините-подвиньтесь — нарушение оной.

Ну и Бог бы с ней, с этой пестовской инициативой — история единичная, редкая пока, экзотическая даже, но у меня не выходит из головы, что она как-то связана с полемикой, развернувшейся на страницах и экранах в связи с заявлением Елены Георгиевны Боннэр о том, что в наступившие времена ее совсем не согревает горячий энтузиазм руководителей города и страны по увековечению памяти ее покойного мужа, Сахарова Андрея Дмитриевича, путем отыскания наконец места и установления на оном памятника, подобающего историческому значению Сахарова для новой России. Уже только ленивый не объяснил зарвавшейся вдове с помощью брезгливо-иронических ламентаций, латинских изречений или библейских цитат, что негоже ей приватизировать правду о выдающемся муже... разрушать крепнущее единство между... посягать на историческую память о... и вообще, мешать нам раз и навсегда покончить с нашим диссидентским прошлым, установив ему достойный монумент.



Между тем, мне, лично знающему Елену Георгиевну еще с ее «досахаровских» времен, представляется очевидной связь ее отрицательного отношения к увековечению «гражданского подвига мужа» и «пестовских» мотивов новейшего времени. Не против того, где и какой памятник поставят, а против того, кто и когда будет его устанавливать и открывать, возражает Елена Георгиевна Боннэр. Ей нестерпимо думать, что речи при открытии будут произносить те, кто вернул стране советский гимн или выступил с инициативой восстановить на Лубянке художественный дзержинский ансамбль. И страшно вообразить, что на это государственное торжество станут свозить массовку на служебных автобусах, как не так давно — к американскому посольству.

Не знаю, каким представляют себе этот памятник энтузиасты его водружения и на каком лобном месте Москвы предполагают его поставить. Не знаю — воображение не срабатывает. А вот фигуру Сахарова вообразить очень даже могу: например, возле дверей суда в Перми, где слушается дело о разглашении журналистами гостайны, сфабрикованное тамошними чекистами, или в том же Пестове — защищающим право журналистов думать и говорить о Сталине без оглядки на властную вертикаль районного масштаба.

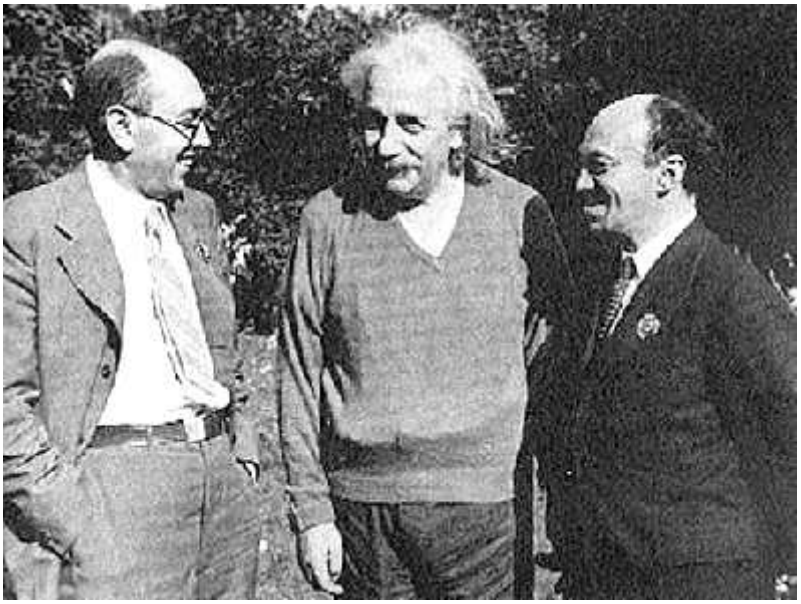
Это ж сколько Сахаровых опять нужно стране?! Одним памятником точно не обойдешься. Тем более неизвестно, что на нем написать. Честнее всего было бы, наверное: «Спасибо Вам, что Вас с нами уже нет». Жить-то опять становится совестно.

Очень хотел бы ошибиться, но неуклонность государственной воли по увековечению памяти Сахарова и раздражение околовластных прихлебателей позицией Боннэр отдает грядущими выборами, политическими технологиями и еще исконно российской привычкой ставить историю в позу, удобную для употребления.

СМЕРТЬ ВЕЛИКОГО ЛИЦЕДЕЯ

Игорь КУЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук

13 января 1948 года в Минске был убит Соломон Михоэлс — руководитель Государственного еврейского театра, народный артист СССР. Обстоятельства его смерти теперь известны, хотя официального расследования до сих пор не было и имена убийц не названы.



И. Фефер, А. Эйнштейн и С. Михоэлс

Начало

В маленьких городах и местечках на западе и юге России жили кровельщики и портные, сапожники и стеклодувы, другие ремесленники. В большинстве своем это были евреи, и жить им разрешалось за так называемой чертой оседлости. Мрачная тень средневекового гетто оставляла неизгладимый след в их жизненной философии и образе существования в Российской империи.

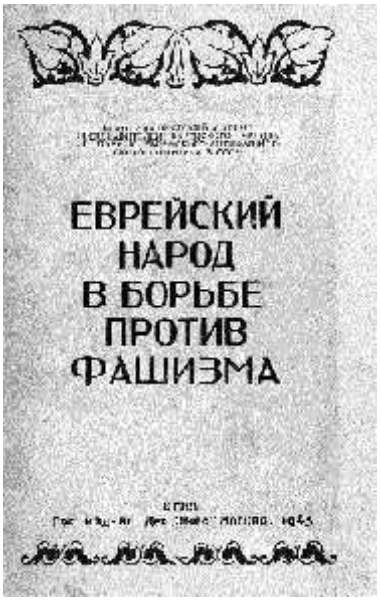
Шлема Вовси родился 16 марта 1890 г. в Двинске в семье мелкого и скоро разорившегося лесопромышленника. Интерес к театру у будущего артиста Соломона Михоэлса возник еще в детские годы. В 1905 г. он поступил в реальное училище в Риге и, будучи учеником 3-го класса, впервые увидел профессиональный театр — и русский, и еврейский. Ему мешало не отсутствие способностей и знаний: путь наверх пресекала пресловутая «процентная норма» для евреев, установленная царскими хранителями культуры. Только в 1915 г. Михоэлса приняли на юридический факультет Петроградского университета.

Но он не стал юристом. Неизвестно, как сложилась бы его судьба, если бы в 1919 г. в холодном Петрограде он не узнал, что молодой режиссер А. Грановский задумал создать первую еврейскую театральную студию. Вскоре Шлема Вовси стал ее учеником. В 1921 г. петроградцы объединились с москвичами, и в Москве открылся камерный еврейский театр. Стены здания расписал будущая мировая знаменитость М. Шагал.

В 1927 г. Михоэлса ждал триумфальный успех в спектакле «Путешествие Вениамина III». Спустя два года он стал художественным руководителем Государственного еврейского театра.

1934 г. был особенным в творчестве Михоэлса-режиссера и актера. Он начал работать над «Королем Лиром». Этому предшествовали смерть первой жены, другие тяжелые жизненные обстоятельства.

1941 г. застал Михоэлса в Москве. Он был убежденным антифашистом и ненавидел гитлеровцев так, как мог их ненавидеть руководитель советского театра и интеллигент. Именно поэтому Михоэлс возглавил Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), созданный в феврале 1942 г. ЕАК содействовал упрочению союза между СССР и США против гитлеровской Германии. В 1943 г. Сталин послал С. Михоэлса и поэта И. Фефера в США, Канаду, Великобританию и Мексику. 48 тысяч человек в США пришли на стадион Пола Граунд слушать Михоэлса. Шквал рукоплесканий завершал каждое его выступление. Роль С. Михоэлса в росте симпатий к сражавшейся против Гитлера Советской Армии неоценима.



В Америке Михоэлс встречался с Альбертом Эйнштейном, Теодором Драйзером, Эптоном Синклером, Полем Робсоном, Чарли Чаплиным. И если в США нашлись деньги и корабельные команды, чтобы отправлять караваны судов с техникой и продовольствием в Мурманск и Архангельск по ленд-лизу, то в этом была немалая заслуга как С. Михоэлса, так и всего ЕАК.

Михоэлс, однако, сознавал, что после победы он уже не будет нужен Сталину, так как «вождь всех народов» кардинально менял советскую национальную политику. Тучи сгущались над головой артиста. Уже готовились увольнения журналистов и редакторов, театральных деятелей, врачей, инженеров — евреев по национальности. Было ясно, что Михоэлс, советский режиссер и антифашист, носящий на груди орден Ленина, никогда бы с этим не смирился.

12 октября 1946 г. Министерство госбезопасности СССР направило в ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР записку «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». Вскоре отдел внешней политики ЦК ВКП (б) организовал проверку деятельности ЕАК. В заключении об итогах проверки говорилось о том, что члены ЕАК, забывая о классовом подходе, осуществляют международные контакты с буржуазными деятелями и организациями на националистической основе, а рассказывая в буржуазных изданиях о жизни советских евреев, преувеличивают их вклад в достижения СССР, что следует расценивать как проявление национализма.

Подчеркивалось, что комитет развертывает свою деятельность внутри страны, присваивает себе функции главного уполномоченного по делам еврейского населения и посредника между этим населением и партийно-советскими органами.

В заключение делался вывод о том, что деятельность комитета вышла за пределы его компетенции и поэтому является политически вредной и нетерпимой. В связи с этим было внесено предложение о ликвидации ЕАК. Записка аналогичного содержания была направлена М. А. Сусловым 26 ноября 1946 г. И. В. Сталину.

26 марта 1948 г. МГБ СССР послало в ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР еще одну записку «О Еврейском антифашистском комитете», в которой указывалось, что руководители ЕАК являются активными националистами и ведут антисоветскую работу, особенно активизировавшуюся после поездки

Соломон Михоэлс

С. М. Михоэлса и И. С. Фефера в 1943 г. в США, где они вошли в контакт с лицами, якобы связанными с американской разведкой.

20 ноября 1948 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление, в котором говорилось:

«Утвердить следующее решение Бюро Совета Министров СССР:

Бюро Совета Министров ССР поручает Министерству государственной безопасности СССР немедля распустить «Еврейский антифашистский комитет», так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки.

В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать. Пока никого не арестовывать».

Установлено, что прямую ответственность за незаконные репрессии лиц, привлеченных по «делу Еврейского атифашистского комитета», несет Г. М. Маленков, который имел непосредственное отношение к следствию и судебному разбирательству. 13 января 1949 г. он вызвал к себе С. А. Лозовского и в процессе длительной беседы, на которой присутствовал председатель КПК при ЦК ВКП (б) М. Ф. Шкирятов, требовал от С. А. Лозовского признания в преступной деятельности. В этих целях Г. М. Маленковым было использовано направленное И. В. Сталину 5 лет назад (15 февраля 1944 г.) письмо за подписью И. С. Фефера (члена ЕАК), отредактированное С. А. Лозовским, с предложением о создании на территории Крыма Еврейской социалистической республики...

Как это было

Тайну гибели Михоэлса раскрыл Берия, назначенный после смерти Сталина министром внутренних дел СССР. Берия решил стать новым мессией в области культуры и объявить себя организатором еврейского театра. Именно организатором!.. На это он решился, вступив в должность... министра внутренних дел СССР.

Когда на допросе 10 июля 1953 г. его спросили, какое отношение он имел к восстановлению (!) еврейского театра и изданию еврейской газеты, он ответил, что в организации театра и издании газеты «мы по линии МВД были заинтересованы... мое отношение к этим вопросам было с позиции освещения настроений интеллигенции».

При этом, как бы в оправдание, уточнил, что готовил в свя-

зи с этим соответствующую информацию в ЦК партии.

Обстоятельства убийства уместились в небольшую записку (от 2 апреля 1953 г.) в Президиум ЦК КПСС. Берия счел выигрышным для себя прекратить наиболее одиозные дела МГБ в последние годы жизни Сталина. К тому же по делу о ЕАК была арестована и осуждена к ссылке жена Молотова Полина Жемчужина, так что у Берии появился еще один шанс удружить Молотову реабилитацией его жены.

В ходе проверки «дела врачей», писал Берия, выяснились подробности убийства Михоэлса. Сталин, оказывается, считал Михоэлса руководителем «антисоветской еврейской националистической организации», но МГБ не располагало конкретными данными о его «антисоветской» или «шпионской» деятельности, хотя много лет Михоэлс находился под агентурным наблюдением.

Берия сообщал, что по делу об этом убийстве был допрошен бывший министр госбезопасности Абакумов, арестованный еще в 1951 г., затребованы объяснения от Огольцова, Цанавы и других участников операции. Со слов Абакумова, Сталин еще в 1948 г. дал ему задание срочно организовать ликвидацию Михоэлса силами МГБ. Когда стало известно, что Михоэлс находится в Минске, Сталин решил расправиться с ним, инсценировав несчастный случай. Абакумов рассказал, что операция была поручена зам. министру ГБ С. Огольцову, министру ГБ Белоруссии Л. Цанаве и начальнику отдела 2-го Главного управления МГБ Ф. Шубнякову.

Как объяснял Огольцов, рассматривалось несколько вариантов ликвидации Михоэлса. От автомобильной катастрофы отказались, так как в ней могли пострадать задействованные сотрудники МГБ. Решили инсценировать автомобильный наезд на глухой улице, хотя и в этом случае в целях глубокой конспирации приходилось жертвовать агентом ГБ Голубовым, сопровождавшим Михоэлса в Минске.

Подробности осуществления этой акции — в объяснениях, которые дал Цанава: «Примерно в 10 часов вечера Михоэлса с Голубовым завезли во двор

дачи (речь идет о даче Цанавы на окраине Минска). Они немедленно с машины были сняты и раздавлены грузовой автомашиной. Примерно в 12 часов ночи, когда по Минску движение публики сокращается, трупы Михоэлса и Голубова были погружены на грузовую машину, отвезены и брошены на одну из улиц города (речь идет об улице Белорусской напротив стадиона «Динамо»). Утром они были обнаружены рабочими, которые об этом сообщили в милицию».

Сталин распорядился наградить убийц, и те действительно получили боевые ордена. 30 апреля 1948 г. Абакумов направил Сталину список чекистов с просьбой о награждении: орденами Красного Знамени — генерал-лейтенанта Огольцова С. И. и генерал-лейтенанта Цанаву Л. Ф.; орденами Отечественной войны 1-й степени — старшего лейтенанта Круглова Б. А. и полковника Шубнякова Ф. Г.; орденами Красной Звезды — майора Косырева А. Х. и майора Повзуна Н. Ф.

Сталин принял решение не сразу, но в конце концов подписал бумагу, и имена «героев» попали в два указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении — от 28 и 29 октября 1948 г.

Президиум ЦК КПСС рассмотрел записку Берии и постановил: Цанаву и Огольцова арестовать, а ордена у награжденных отобрать, что и было сделано. Однако после ареста Берии в июне 1953 г. Президиум ЦК КПСС принял решение об освобождении Огольцова. Цанава же остался в тюрьме, но уже как участник «банды Берии». 5 августа он отправил слезное письмо Ворошилову с просьбой об освобождении. В письме Цанава отрицает свою причастность к убийству Михоэлса: «К убийству этих людей я отношения не имею. Всю операцию проводили Абакумов и Огольцов. Абакумов руководил из Москвы, Огольцов на месте, в Минске, с большой группой полковников и подполковников, приехавших из Москвы, МГБ СССР провели всю операцию. Я же не виноват, что ввиду стечения обстоятельств операция была проведена в Минске, где я тогда был, к несчастью, министром госбезопасности». Реакции на письмо Цанавы не последовало, и он умер в тюрьме в 1955 г.

Цанава не мог не знать, что 5 января 1948 г. на заседании Комитета по Сталинским премиям было объявлено, что Михоэлс должен ехать в Минск. Как члену комитета ему было поручено ознакомиться с представленными на соискание этой премии спектаклями минских театров — «Константин

Надпись гласит: «Страна, где антисемитизм является преступлением»

Заслонов» в театре имени Янки Купалы и «Алеся» в Большом государственном театре оперы и балета БССР.

Любопытные детали об убийстве Михоэлса сообщил в своей книге ныне покойный Павел Судоплатов. Он утверждал, что непосредственным исполнителем был полковник Лебедев. Он писал также, что Михоэлсу и Голубову сначала сделали инъекцию яда, а затем уже их переехала машина. Аналогичным способом были совершены и другие убийства под руководством того же Судоплатова, например, инженера Самета в июне 1946 г. в Ульяновске. Его вывезли за город, сделали укол яда, переехали грузовиком и оставили лежать на шоссе. В этом деле участвовали полковник Лебедев и старший лейтенант Круглов — те же, кто убивал позже Михоэлса.

Убийство Михоэлса стало сигналом для разгрома Еврейского антифашистского комитета. Его активисты не поверили официальной версии о несчастном случае. На похоронах Михоэлса Полина Жемчужина, обращаясь к новому руководителю Еврейского театра Зускину, спросила: «Вы думаете, что здесь было — несчастный случай или преступление?» Услыхав же от него изложение официальной версии, заметила: «Нет, это не так, тут все далеко не так гладко, как кажется».

После этого разговора распространились слухи о насильственной смерти Михоэлса. Об этом доложили Сталину, и в январе 1949 г. Жемчужина была арестована. Антисемитская кампания набирала обороты. Основную ставку в процессе против ЕАК Сталин сделал на 2-е Главное управление МГБ, которое тогда возглавлял генерал-майор Е. Питовранов. Следствие по делу Михоэлса не обошло Питовранова стороной. Сталин решил, что МГБ слабо борется с «еврейскими националистами», и в октябре 1951 г. были арестованы некоторые руководители госбезопасности, в том числе и Питовранов. 23 апреля 1952 г. он обратился из заключения с письмом к вождю.

В письме был ряд предложений о том, как перестроить работу МГБ, в частности, и по этому интересующему Сталина вопросу: «Все, что делалось по борьбе против еврейских националистов, которые представляют сейчас не меньшую, если не большую опасность, чем немецкая колония в СССР перед войной с Германией, сводилось к спорадическим усилиям против одиночек и локальных групп.

Для того, чтобы эту борьбу сделать успешной, следовало бы МГБ СССР смело применить тот метод, о котором вы упомянули, принимая нас, работников МГБ, летом 1951 года, а именно: создать в Москве, Ленинграде, Украине (особенно в Одессе, Львове, Черновцах), в Белоруссии, Узбекистане, Молдавии, Литве и Латвии националистические группы из чекистской агентуры, легендируя в ряде случаев связь этих групп с зарубежными сионистскими кругами. Если не допускать шаблона и не спешить с арестами, то через эти группы можно основательно выявить еврейских националистов и в нужный момент нанести по ним удар».

Питовранов попал в «десятку», показав, что только Сталин и может научить чекистов уму-разуму, к тому же он продемонстрировал свою верность партии и служебное рвение. В конце 1952 г. по распоряжению Сталина он был освобожден из тюрьмы, назначен на руководящий пост в МГБ и принят «самим». В отличие от многих коллег, Питовранов не пострадал и в хрущевскую «оттепель».

В то время было решено поставить крест на деле об убийстве Михоэлса и никого из рядовых исполнителей не наказывать. Питовранов, в частности, дослужился в КГБ до генерал-лейтенанта.

В свое время Гитлер заочно приговорил С. Михоэлса к смертной казни. Но получилось, что привел этот приговор в исполнение Сталин. Акция по убийству главы ЕАК, народного артиста СССР Соломона Михоэлса, готовившаяся долго и тайно, многим непосвященным показалась ошеломляюще неожиданной. Она-то и послужила сигналом к тому, чтобы представить всех евреев, проживающих на территории Советского Союза, новой «пятой колонной», «агентурой мирового империализма».

Очень хотелось бы понять, почему до сих пор документы по делу об убийстве Михоэлса сохраняют гриф гостайны. Может быть, еще живы люди, которым можно предъявить счет? Однако их причастность к этому убийству или участие в нем без спрятанных в архивах документов не доказать.

ПАМЯЦІ БЯЗВІННЫХ АХВЯР СТАЛІНСКАГА ТЭРОРУ

Тамара СЯРГЕЙ

На працягу апошніх гадоў прадстаўнікі беларускай грамадскасці, якія апякуюцца захаваннем Курапат і ўшанаваннем памяці ахвяр палітычных рэпрэсій 1930–1940-х гадоў, адкрылі ва ўрочышчы некалькі мемарыяльных знакаў. Зазвычай іх адкрыццё адбываецца напярэдадні Дня памяці ахвяр палітычных рэпрэсій і Дня памяці продкаў.

Некалькі знакаў былі адкрыты ў Курапатах 29 кастрычніка мінулага года. Першы з іх уяўляе сабой стэлу з чырвона-шэрага граніту з выявамі магендавіда (зоркі, або шчыта, Давіда), які азначае жаночы і мужчынскі пачатак, а таксама іудзейскага семісвечніка меноры. Яна сімвалізуе святло, веру і надзею, якія на працягу чатырох тысяч гадоў пакутаў вялі габрэйскі народ да мары аб справядлівасці паміж людзьмі і нацыямі. На стэле надпіс: «Нашым адзінаверцам-іудзеям, братам па Кнізе — хрысціянам і мусульманам — ахвярам сталінізму ад беларускіх габрэяў», — які паўтараецца на мове ідыш.

У стварэнні знака бралі ўдзел прадстаўнікі беларускай інтэлігенцыі — кінарэжысёр Юрый Хашчавацкі, мастак-рэстаўратар Аляксандр Астравух, грамадска-палітычны дзеяч і гісторык Алег Трусаў, журналіст Марат Гаравы, а таксама старажылы Мінска розных нацыянальнасцей.

Гэта яны прапанавалі вырабіць знак з гранітнай пліты, што захавалася ад п'едэстала помніка Іосіфу Сталіну, які да 1962 года высіўся на плошчы імя Сталіна (цяперашняя Кастрычнікая) у Мінску. Спонсарам праекта выступіў чалавек, які пажадаў застацца ананімным.

На думку Юрыя Хашчавацкага, гісторыя камяня з пастамента помніка Сталіну — гэта наглядны ўрок для ўсіх дыктатараў, якія пры жыцці імкнуцца ўвекавечыць сваю памяць.

Другі знак быў устаноўлены на месцы расстрэлу органамі НКУС БССР 74-х чалавек вясной-летам 1940 года. Дзякуючы

захаваным квітанцыям на канфіскаваныя грошы ў вязняў Гродзенскай турмы з многіх тысяч ахвяр, забітых у Курапатах, ў 1998 годзе ўдалося вызначыць імёны толькі двух — Мойшы Крамера і Мардэхая Шулькеса.

Удзельнікі цырымоніі ўшанавалі хвілінай маўчання памяць бязвінных ахвяр, запалілі свечкі, усклалі да знакаў каменьчыкі і кветкі

Даследчык гісторыі палітычных рэпрэсій Ігар Кузняцоў адзначыў, што дагэтуль у Беларусі няма ніводнага помніка ахвярам сталінскага тэрору, устаноўленага дзяржавай. «А на закладным камяні ў Курапатах летам гэтага года наогул знікла дошка 15-гадовай даўніны з абяцаннем дзяржавы збудаваць ва ўрочышчы помнік ахвярам палітычных рэпрэсій 1937–1941 гадоў». Гісторык лічыць, што цяперашняя дзяржава, якая з'яўляецца правапераемніцай БССР, не пакаялася за злачынствы сваіх папярэднікаў супраць уласнага народа, таму гэта павінна зрабіць грамадскасць.

Вось чаму сёлета быў абвешчаны адкрыты грамадскі конкурс па стварэнні тэксту для мемарыяльнага знака ахвярам палітычных рэпрэсій XX стагоддзя ў Беларусі. Конкурс ініцыяваны Беларускім грамадскім аб'яднаннем ахвяр палітычных рэпрэсій 1920–1980-х гадоў, грамадскімі аб'яднаннямі «Дыярыуш» і «Беларускай асацыяцыяй ахвяр палітычных рэпрэсій», міжнародным ГА «Беларуская перспектыва» і міжнародным гісторыка-асветніцкім, дабрачынным і праваабарончым аб'яднаннем «Мемарыял».

Тэкст павінен быў утрымліваць не больш за 170 знакаў. У палажэнні аб конкурсе адзначалася, што ў 1993 годзе ўрочышча Курапаты, размешчанае на паўночна-ўсходняй ускраіне Мінска, было ўнесена ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцяў Беларусі як месца знішчэння ахвяраў палітычных рэпрэсій 30–40-х гадоў XX стагоддзя. «Аднак кіраўніцтва краіны, — гаварылася ў палажэнні, — не выканала пастанову Савета міністраў БССР ад 18 студзеня 1989 года «Аб уве-

кавечанні памяці ахвяр масавых рэпрэсій у лясным масіве Курапаты». Таму прадстаўнікі беларускай грамадскасці, занепакоеныя лёсам нацыянальнага некропаля ў Курапатах, «плануюць устанавіць ва ўрочышчы памятны знак ахвярам палітычных рэпрэсій савецкай улады. Знак павінен не толькі нагадваць аб бязвінна загубленых жыццях, але і асуджаць палітыку генацыду таталітарнага рэжыму».

На думку арганізатараў конкурсу, дзяржава дэманструе поўную абыякавасць да сітуацыі ў Курапатах, аб чым сведчыць знікненне з закладнога каменя памятнай дошкі. Прычым гэты акт вандалізму, паводле інфармацыі чыноўнікаў Міністэрства культуры, расследавалі работнікі пракуратуры, аднак аб выніках расследавання грамадскасці нічога не вядома. Апроч таго, з боку ўладаў не прагучала ніякіх запэўніванняў, што дошка будзе адноўлена.

У чэрвені журы конкурсу падвяло вынікі і зацвердзіла рашэнне аб'яднаць тэксты мінчан Уладзіслава Жыгалкі і Тамары Сяргей, а таксама прапанову Ігара Кузняцова аднавіць дошку з закладнога каменя, якая бясследна знікла ў чэрвені 2004 года.

І вось 29 кастрычніка гэтага года ў Курапатах адкрылі мемарыяльны знак, зроблены на сродкі грамадскасці паводле праекта беларускага скульптара Алеся Шатэрніка. На валуне, што месціцца ва ўрочышчы на ўзгорку, ён усталяваў сілумінавую пліту з барэльефам нябеснай заступніцы Беларусі Ефрасінні Полацкай і двума надпісамі: «Ахвярам сталінскага рэжыму» і «У гэтым лясным масіве ў адпаведнасці з пастановай Савета міністраў Беларускай ССР ад 18 студзеня 1989 г. будзе пабудаваны помнік ахвярам рэпрэсій 1937–1941». Акрамя таго, на пастаменце з чырвонага граніту побач з валуном замацавалі чорную мармуровую дошку з надпісам: «Калі ты маеш Бога ў сэрцы, то не дапусціш новых Курапатаў».

У цырымоніі ўдзельнічалі прэтэндэнт на пасаду прэзідэнта ад дэмакратычных сіл Аляксандр Мілінкевіч, старшыня Партыі БНФ Вінцук Вячорка, амбасадары краін Еўразвязу і ЗША. Яны разам з прадстаўнікамі грамадскасці ўсклалі вянкі, кветкі і запалілі свечкі ля новага знака, Крыжа пакутаў і лаўкі Клінтана. Па просьбе дыпламатаў экскурсію для іх правёў Ігар Кузняцоў, які распавёў пра народную мемарыялізацыю ўрочышча.

Пасол Францыі Стэфан Шмялеўскі ад імя дыпламатаў краін ЕС выказаў удзячнасць прадстаўнікам беларускай грамадскасці, якія даглядаюць Курапаты. Паводле яго слоў, такая дзейнасць грамадзян мае еўрапейскае і сусветнае значэнне.

Пасол ЗША Джордж Крол адзначыў: «Бязвінныя ахвяры, пахаваныя ва ўрочышчы, заклікаюць нацыі свету зрабіць усё дзеля таго, каб падобныя злачынствы ніколі і нідзе не паўтарыліся».

«Важна, каб памяць пра трагедыю Курапат стала здабыткам многіх людзей, бо без памяці няма будучыні, — сказаў Аляксандр Мілінкевіч. — Калі я працаваў у Гародні, то шукаў месцы расстрэлаў ахвяр сталінізму, таму што яны пэўна існуюць. Былі і сведкі гэтых падзей. Цяпер ніхто гэтым у Гародні не займаецца, бо ў сённяшніх варунках гэта проста немагчыма».

Напярэдадні адкрыцця памятных знакаў ва ўрочышчы адбылася талака. Для прадстаўнікоў грамадскасці прыемнай нечаканасцю было тое, што ўпершыню разам з імі працавалі рабочыя мясцовага лясгаса, супрацоўнікі міліцыі і салдаты тэрміновай службы.

Инструкция для шибко грамотных

Терпение лопнуло! В принципе, оно давно уже надрывалось, когда мегапрофессиональные, с благородной сединой, уважаемые мною журналисты предлагали записать на матрицу информацию с помощью CD-ROM, пересылали фото в Word'е или по 4 Мб, абзацы ставили пробелами, тыкали по клавиатуре двумя пальцами, нервничали по поводу ICQ...

Людмила ШЕСТАК

О, компьютер!.. Мы, молодые, знакомы с ним если не с пеленок, то с первых дискотек. Нам было несложно его раскусить и к нему привыкнуть. Но что с того? Если журналист — профессионал, то непорядок, когда он не в ногу со временем (XXI век, ага?), и тем более — не в ногу с технологиями, независимо от возраста и места работы. Носить такому журналисту звание технического мутанта и слышать в свой адрес насмешки, а то и благой мат.

Однако я не собираюсь пускать злые пузыри. А попробую указать на типичные ошибки в пользовании компьютерными программами и подскажу некоторые маневры, о которых вы, вероятно, еще не знаете.

Итак, начнем с начала, то есть со Слова. В нашем варианте — с текстового редактора **Microsoft Word.**

Представимся

Word придумали в компании «Microsoft», которую, в свою очередь, придумал Билл Гейтс. И хоть компьютерщики не очень любят Билли, но из-за отсутствия толковой альтернативы пользуются его продуктами повсеместно. В Word'е предпочитают набирать и обрабатывать тексты в Европе, Америке и на Луне, если там все же сидит поэт с лэптопом.

Word устанавливается на компьютер вместе с пакетом программ Microsoft Office, куда входят еще такие популярные штучки как Outlook (работа с электронной почтой), Excel (цифры, таблицы), PowerPoint (презентации), Access (базы данных) и др.

Весь этот набор стоит больше 300 долларов. Поэтому на Западе можно встретить людей, пользующихся бесплатными аналогами (если говорить о текстовых редакторах, то это Writer из Open Office, NotePad, WinPad, EditPad и т. д.).

В нашем случае все проще — у нас продукт бесплатно-нелицензионный, нам от этого неплохо, и Биллу Гейтсу до Беларуси дела пока тоже нет (хотя за Украиной и Россией уже начали наблюдать).

Идентифицируем

Файлы Word'а можно узнать по расширению **.doc**. Этот опознавательный знак присутствует в «хвостике» названия файла: *news.doc*. Конечно, .doc — не единственный формат, поддерживаемый Word'ом, — **.rtf, .txt** откроются, как родные**.**

Для корректной работы редактора необходимо, открыв файл, первым делом написать «Здравствуй, Ворд», указать Ф. И. О... Ладно, шучу-шучу. Содержание текста — ваше личное дело, вы вольны творить и экспериментировать. Моя задача — подсказать, как избавиться от технических «блох», которые частенько прыгают по журналистским материалам.

Только один пробел

Форматировать текст, безусловно, можно и одним пробелом. Так же, как можно добираться в редакцию, прыгая на одной ноге. Но если во втором случае вы тратите только свое время, то в первом — еще и время верстальщика, которому все лишние пробелы придется удалять вручную.

Чтобы сделать абзацный отступ, поместить слово в центре страницы или справа, ни в коем случае не штампуйте пробелы. Для этого существуют специальные команды: в меню **Формат/Абзац/Выравнивание** по центру и т. д. Или, чтобы долго не копаться в закладках меню, — выделяете текст и нажимаете кнопку с необходимым выравниванием на панели инструментов *(см. рис. 1)*.

Абзацный отступ выставляется там же: **Формат/Абзац/Отступ** или с помощью передвижения маркера (верхнего) на линейке на нужное расстояние. Если у вас нет линейки по краям листа — попросите Word ее показать: в меню **Вид/Линейка.**

Определить, насколько добросовестно вы отнеслись к борьбе с лишними пробелами, элементарно — достаточно перейти в режим «показывать непечатаемые знаки»: нажать на панели инструментов кнопку ¶. Пробел символизирует знак •.

••••••••••••Вот••••такого••быть••не•••должно.•••••••¶

Должно•быть•вот•так.¶

Автозамена

Ускорить процесс написания (набора) можно с помощью функции автозамены. Если вы предполагаете, что в материале раз 500 нужно будет употребить фразу, к примеру, «диэтиламид лизергиновой кислоты», то можно приказать компьютеру автоматически вставлять ее после условного буквосочетания — у нас пусть это будет *лсд*. В меню **Сервис/Параметры автозамены/Заменить** *диэтиламид лизергиновой кислоты* **на** *лсд*. Теперь всякий раз, когда будете писать *лсд*, компьютер исправит это на указанную фразу.

Автозаменять можно что угодно — по делу и забавы ради. Один знакомый журналист с помощью автозамены вымещал злость на редактора, который зарубил его материал. Word'у поручено было при наборе немедленно заменять фамилию обидчика на слово «козел». Пишешь *Сидоров*, а компьютер выводит *козел*. Право, лучшая психотерапия!

Горячие клавиши

Дайте мышам отдохнуть. Многие операции можно совершить и без них, замученных. Нажатием двух клавиш легко копируется, вырезается и вставляется текст, отменяются ошибочные действия.

Выучите, как Отче наш:

Ctrl + Z, т. е. одновременное нажатие клавиши **Ctrl** и клавиши с буквой **Z** (русское Я) — отменить ввод;

Ctrl + X (русское Ч) — вырезать;

Ctrl + C (русское С) — скопировать;

Ctrl + V (русское М) — вставить.

И самое-самое главное сочетание: **Ctrl + S** (русское Ы) — сохранить. Эти две клавиши не лишне нажимать после каждого абзаца или даже предложения, тем более что это не так долго, как отрываться от клавиатуры и тянуться мышкой к кнопке «сохранить». Поверьте, совсем скоро сохранять документ с помощью горячих клавиш войдет в хорошую привычку, и никакой «зависон» компьютера вам не будет страшен.

Другой вид сочетания клавиш — вставка символов. Правильные кавычки, тире, знаки «копирайт», плюс-минус одновременно — это все специальные символы, которые можно вставить вызовом окошка «символы» через меню **Вставка/Символ.** Но куда удобнее использовать сочетание клавиш:

Alt + 0151 (это значит удерживаем клавишу Alt и одновременно набираем на правом секторе клавиатуры цифры 0150) — длинное тире **—**;

Alt + 0150 — среднее тире –;

Alt + 0171 — открывающаяся кавычка «;

Alt + 0187 — закрывающаяся кавычка »;

Alt + 0169 — значок авторского права ©.

Правильные символы нынче даже модно использовать. Руководитель самой крупной в России дизайн-студии Артемий Лебедев (по первому образованию журналист) в статьях о веб-дизайне уделяет много внимания борьбе за чистоту текста. В частности, напоминает, чтобы люди не использовали знаки дюйма ″вместо правильных русских кавычек «» или „“ и ставили нужное длинное тире —, а не заменяли его дефисом.

Тезаурус

Из соседней комнаты прогремел вопрос: «Двуличный... Как по-другому сказать?» «Лицемерный», — ответила я через пару секунд. «Вот спасибо, умница», — обрадовался редактор. «Вот спасибо, дорогой Word»,— ухмыльнулась я.

Сервис/Язык/Тезаурус (или выделить слово и нажать **Shift + F7**) — совсем не глупый справочник синонимов/антонимов русского языка. По крайней мере, выйти из тавтологического ступора поможет.

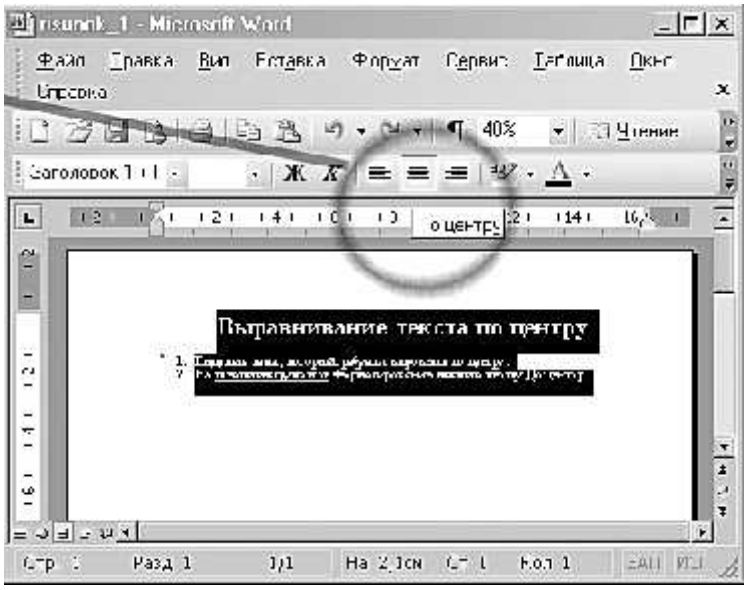


Рис. 1

Правописание

«Ты что, грамматику в Word'е учил?» — расхожее в наши дни выражение. Да, Word порой предлагает смешные «правильные» варианты написания слов или расстановки знаков препинания. Вместо «мультиканальный» — «мультик анальный», «стриптизерша» — это у него «стриптиз ерша», а о «могильнике» вместо мобильника даже N. R. M. когда-то спели. Иногда Word выкидывает такие перлы, что работа совсем срывается: однажды мне было предложено заменить Франциска Скорину на Франциска Скотину...

И все же настоятельно рекомендую проверять правописание с помощью Word'а: в меню **Сервис/Правописание** или нажатием клавиши **F7**. Во всяком случае, Word укажет на опечатки и грубые стилистические

огрехи. Только не обольщайтесь: даже если Word дает добро — это не причина думать, что в тексте нет ошибок. Равно как и наоборот. Word слушай, а свой разум имей.

Кстати, о редактировании в Word'е текстов на белорусском языке. Еще два года назад такой возможности у белорусов не было. А сейчас есть — Таварыства беларускай мовы позаботилось о разработке соответствующего редактора. Если вам нужно — обращайтесь в Таварыства, как это сделали уже более 12 тысяч пользователей (среди которых не только журналисты, но и школьные учителя, студенты). Диск запишут бесплатно, нужно только принести три матрицы, две из которых останутся в Таварыстве в качестве символического вклада в общее дело.

Очищаем формат

Может, хочется украсить текст всем, на что способен Word, — и картинки вставить, и курсивы-подчеркивания использовать, и цветные буквы, и маркеры, и еще тележку кренделей нацеплять? Но убавьте прыть. Если материал предназначен для публикации, нужно максимально упростить его форматирование. Ведь публикация подразумевает помещение текста в программу верстки, где ваши красивости не нужны — раз, отнимают время и хорошее настроение у верстальщика — два, и три, и четыре.

Рекомендую использовать **Формат/Стили и форматирование/Очистить формат**. Или на панели инструментов нажать на **Очистить формат** (см. рис. 2).

Особенно важно применять «очистку», если вы вставляете текст, скопированный из интернета.

Имя файла

Посылая текст в путь-дорогу (по электронной почте в редакцию) позаботьтесь, чтобы название файла было набрано латинскими буквами. То есть *новости.doc* лучше переименовать в *news.doc* или *novosti.doc*. А об использовании белорусских букв вообще забудьте. Названия *навіны.doc* или *для саўкі.doc* — крайняя форма компьютерного извращения.

Также неплохо заменять пробел в имени файла нижним подчеркиванием: вместо *news belarus.doc* пишем *news_belarus. doc*.

Все эти «танцы с бубном» необходимы, чтобы снизить риск порчи вашего файла. Некорректно названный файл может просто «не дойти» или «не открыться».

Помощь

И последний совет: не ленитесь обращаться к справке, когда возникают трудности — нажатие **F1** или в меню **Справка/Справка: Microsoft Office Word**. Там о редакторе Word написана почти научная диссертация, но максимально простым языком.

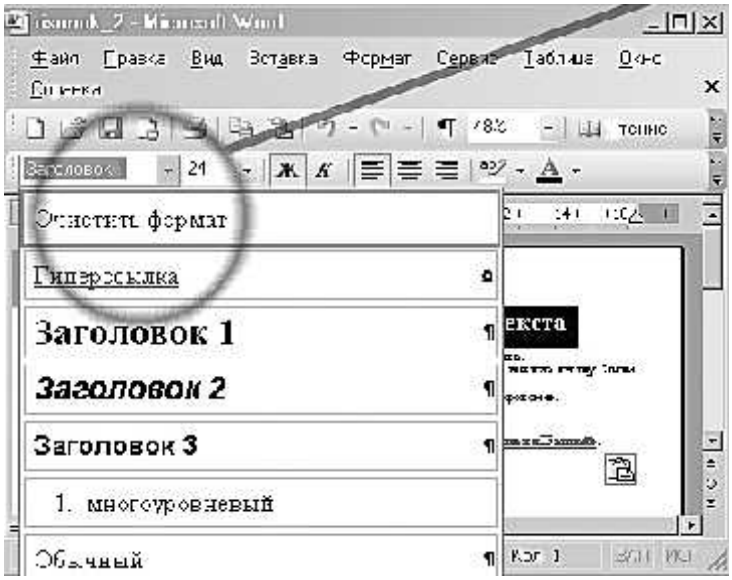


Рис. 2

В следующем номере «А» будем учиться правильно обрабатывать фотоснимки. С этим у многих тоже проблемы.

До следующего раза, мои любимые технические мутанты! Пошла готовить новую порцию зелья от компьютерной безграмотности.

Евгений Ерошенко, редактор газеты «Человек и Интернет»:
Всем журналистам, независимо от возраста, надо научиться пользоваться программой Microsoft Word. Это не шутка. Я вполне серьезно. Иногда от авторов приходят такие перлы, что сразу становится понятно: человек не знает, что Word предназначен для набора текста. Еще можно стерпеть, когда в файле используется два-три типа шрифтов, нумерованные списки, разноцветные врезки, таблицы и прочие «красивости», которые потом приходится убирать. Но когда в документ вставляются фотографии…
Соответственно, вторая софтинка, которую должен освоить журналист, — Adobe Photoshop. Необязательно быть мастером, но уметь первично обработать «картинку» — навык жизненно необходимый.
Пункт три: электронная почта, чтобы вышеупомянутый файл с текстом и фотографию переслать в редакцию.
Пункт четыре: как редактор я счастлив, когда автор умеет пользоваться архиватором.
В-пятых, зачастую ICQ предоставляет больше возможностей, чем мобильная связь или электронная почта.
Ну, и в-шестых: журналист должен уметь пользоваться ручкой и бумагой. Забавно, конечно, когда люди постарше сражаются со своим электронным почтовым ящиком, но еще более забавно, когда выпускник журфака не может написать текст, «потому что его негде набрать».

Дрэсіроўшчык

Генадзь ЕШЧАНКА

Цётка Зося люта выцяла гнуткім дубцом укормленага рыжага ката, які, разамлеўшы на сонцы, нахабна разлёгся на ганку. Рыжы ірвануў угору, перакуліўся, але бабулька паспела яшчэ зухавата, як некалі знакаміты Пеле па мячы, даць ачмурэлай жывёліне гумовікам балючага выспятка. Кот ачомаўся толькі на страсе хлява і ад неспадзеву злосна-жаласліва заскавытаў, як сабака. Жучок высунуў з будкі калматую галаву, ашчэрыў зубы і заверашчаў па-кацінаму.

— Ну, бадзягі чортавыя, зараз вы ў мяне нажарэцеся! — сыходзячы з прыступак, пісклява закрычала цётка, пагрозліва размахваючы дубцом. — Вам бы, свалаце, абы толькі бражку жлукціць!

Хвіліну-другую было чуваць толькі ката і сабаку, якія вытваралі немаведама што: Рыжы яхкатаў на даху, драпаючы кіпцюрамі замшэлы чарот, а Жучок, падтрымліваючы пакрыўджанага сябра, узбіўся на будку і раз-пораз заходзіўся арыямі марцовага ката.

Скрыпнулі дзверы лазні. Зося па-спартыўнаму прысела, быццам ёй знянацку прыпёрла, падхапіла зашморганую алюмініевую міску з рэшткамі бурштынавай вадкасці і прыцэльна шпурнула ў бок лазні. Добра, што сабака не ўмеў размаўляць, інакш гаспадыня пачула б пра сябе тое, што зазвычай кажуць на хаўтурах, бо яна без дай прычыны змарнавала бражку, якой Жучок збіраўся падсілкавацца. Міска ляснулася аб дзверы, якія знутры нехта порстка паспеў прычыніць.

— Вылазь, п'яная сволач, кажу табе. Не чакай, пакуль вазьму качаргу ды выцягну за транты! — затупала ботамі старая.

— Глядзі, у Ахрэмчыкаў і сёння канцэрт! — пачуўся з-за плота рогат суседа Бандарыка. — Мусіць, зноў стары раздзяліў цэбар на траіх.

Тым часам на падворку Ахрэмчыкаў і сапраўды распачыналася ці не гістарычная для амаль апусцелай палескай вёскі дзея. Скарыстаўшы стратэгічную хвіліну, калі ўвагу цёткі адцягнуў сусед, стары цішком выслізнуў з лазні і па-партызанску залёг за студняй. Да пары дзеда ратаваў зарослы травой лапік двара паміж старым калодзежам і плотам, які амаль тыдзень таму ён збіраўся падкасіць. Але замест таго мусіў паляваць на бражку, якую да ўчарашняга вечара дружная тройца так і не змагла адшукаць. Здалёк старога ў густой траве было не заўважыць, хіба толькі зверху, са страхі хлява, адкуль на дзедаву лысіну, што зманліва блішчэла на сонцы, касавурыўся кот.

Нарэшце Жучок утаймаваўся, пакінуў будку і напрасткі пашыбаваў да студні. Зоська ўжо азіралася ў пошуках якойсьці камянюкі, але на вочы ёй трапіла вядро, паўнюткае свежых «конскіх яблыкаў». Іх старая назбірала на поплаве, але скарыстаць на агародзе не паспела. Ахрэмчыха спрытна падхапіла запэцканую дужку і подбегам скіравала да студні. Жучок-наводчык ужо сядзеў ля гаспадара і старанна аблізваў шурпатым языком дзедаву лысіну. Гэта выклікала невыносны сверб, але нябога трываў і не варушыўся, бо носам адчуваў пах небяспекі.

— Ага-а, вось табе, сволач, на, еш, друсяроўшчык паганы! — верашчала старая, перакульваючы бабяхі на Ахрэмаву лысіну.

Абачлівы Жучок паспеў адскочыць.

За плотам рагатаў сусед. Па вуліцы подбегам, з крыкамі «Канцэрт! Усе на канцэрт!» шыбавала нешматлікая дзятва.

Старая зусім раз'юшылася і пачала лупцаваць «смярдзючага паганца» толькі што апрастаным вядром.

Дзед мусіў ратавацца. Ушчэнт знясілены ўчарашняй пагулянкай, узрушаны жорсткасцю пакарання і каварствам старой, ён навобмацак учапіўся

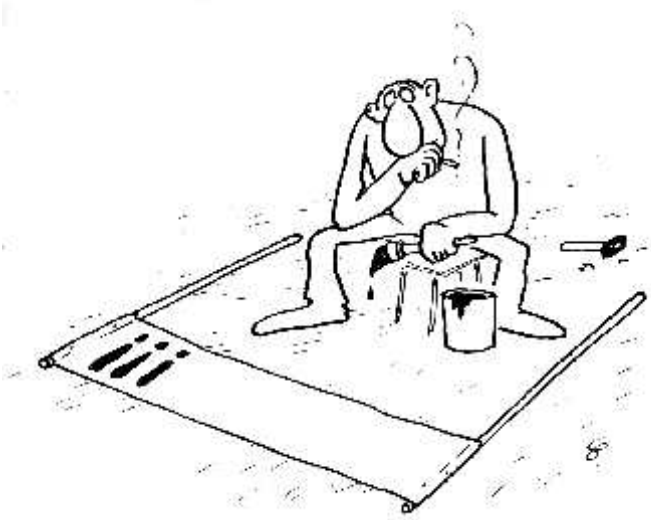
за драўляны край студні. Ахрэм з гарачкі прыняў яе за плот і думаў, што вось-вось уратуецца. З апошніх сіл стары ўскараскаўся на край і перакуліўся ў калодзеж. Следам за гаспадаром туды скочылі кот з сабакам. Ахрэм моцна перапудзіўся, калі ляцеў уніз. На шчасце, ён зваліўся на друз. Вада з калодзежа, дзякуючы меліярацыі, даўно сышла, таму па-сялянску практычная гаспадыня ўтварыла тут сметнік...

Пад рогат вяскоўцаў «друсяроўшчык» неяк выкараскаўся з палону, прадраў вочы і, хістаючыся, паклыпаў у бок пуні. Забрахаў сабака, раз-другі пакрыўджана мяўкнуў кот. Каларытная тройца пад няспынныя праклёны старой моўчкі пакінула двор...

Эх, відаць, нядобрым часам, не менш за гаспадара прагнулі ўчора паспытаць свежай бражкі кот з сабакам! Нарэшце надвячоркам ім пашанцавала: яны адшукалі цэбар у пуні, дзе старая напалову прыкапала яго, а зверху накідала рыззя і прыцярушыла падсохлай саломай. Ад вялікай радасці Ахрэм паспеў выжлукціць амаль чвэрць, але давялося перапыніцца. Усё-ткі першым цэбар вынюхаў Жучок! Дзед які ўжо раз мусіў дзяліцца пойлам са сваімі сябрамі...

Тут варта давесці, што ў такія жаданыя моманты прагнага наталення Ахрэм горка шкадаваў аб той даўняй ужо, але вельмі неабачліва пачатай дрэсіроўцы. А ўсё таму, што Ахрэма, як гэта часта з ім здаралася, моцна падвяла старэчая фантазія, або, па вызначэнні яго старой, «закруціліся дурныя мухі ў лысым чарапку».

А як жа добра ўсё пачыналася, калі на двары Ахрэмчыкаў амаль у адзін дзень з'явіліся шчанюк і кацяня! Якраз тады дзеда апанавала гэтая «фантазія»: ён, Ахрэм, будзе мець не звычайных брахалу і мяўкалу, як у іншых вяскоўцаў, а дрэсіраваных! Употайку ад старой, як толькі выпадала выслізнуць са двара, дзед ладзіў за гумном «дрэсіроўку». Нешта падобнае ён бачыў па тэлеку: каты там выраблялі розныя выкрунтасы, а сабакі не толькі брахалі па камандзе, а нават грошы ўмелі лічыць! Але стары, пачаўшы з немудрагелістых «сядзець-ляжаць», пацярпеў паразу: нават пасля доўгай і ўпартай муштры бедныя жывёліны дапялі толькі да таго, што хутка навучыліся агрызацца і помсліва кусаць ап'янелага дрэсіроўшчыка за тыя месцы, дзе паспявалі схапіць вострымі, як іголкі, маладымі зубамі. Ахрэму было нясцерпна балюча, але сялянская ўпёртасць пераважвала, і дрэсіроўкі не перапыняліся. Дзед ужо ўяўляў, як вяскоўцы збіраюцца на прадстаўленне. Але, чакайце — не такі ён дурань, каб весяліць усіх задарма! Нясіце, людцы, бражку, яшчэ лепш — самагонку, сала ды кілбасы, яйкі ды цыбулю, каб дрэсіроўшчык мог добра выпіць і пад'есці! Надакучыла яму гэтулькі гадоў паляваць на бражку ды вычухваць Зосіны кухталі!



Дрэсіроўка пасоўвалася марудна, і дзед ужо амаль гатовы быў саступіць. Але аднойчы Ахрэма зноў наведала пані-фантазія, ды якая!

Спачатку ён з асалодай падсілкаваўся бражкай, потым наліў у міску поўную кварту. Узяў кацяня і шчанюка за каркі, падцягнуў да міскі і абмакнуў пысамі ў бражку. Праз паўхвіліны будучыя «артысты» пачалі пускаць пухіры. Ахрэм прыўзняў іх над міскай. Жывёліны мусілі пакаштаваць мярзотнае пойла, каб толькі не захлынуцца. Дзед нутром адчуваў, што ні адна жывая істота на зямлі па сваёй ахвоце ад такой салодзенькай бражкі не адмовіцца. Дамо рады, маем час! Ахрэм ужо бачыў, як дрэсіраваныя кот з сабакам неўзабаве праславяць яго не толькі ў наваколлі, а на ўвесь свет...

Працяглыя і пакутлівыя практыкаванні даліся дзеду ў знакі, бо ён мусіў не толькі штодня пераводзіць на «вучняў» каштоўны прадукт, але і ўмела хавацца ад асатанелай каргі. Зоська злосна і падазрона зіркала на схуднелага і вымурзанага старога, і ён адчуваў, што непазбежная расплата набліжаецца. «Дрэсіроўшчык» ані не памыляўся: старая ўжо вынесла прысуд, але ад здзяйснення неадкладнага пакарання Ахрэмчыху стрымлівала толькі жаночая цікаўнасць. Смярдзела ад старога так, што нават мухі яго абміналі, бо яшчэ здалёк на ўсіх патыхала непаўторным «водарам» брагі і цыбулі. Але гаспадар, як прывід, сноўдаўся туд-сюд па двары амаль цвярозы! І Зоську гэта вельмі насцярожвала.

Праз некалькі тыдняў упартых практыкаванняў Ахрэм быў узнагароджаны: кацяня са шчанюком так рассмакавалі падсалоджаны напой, што самі, без каманды, лезлі пысамі ў міску і, наталіўшыся, з удзячнасцю абсмоктвалі пальцы свайго даб-

радзея. І нават перасталі яго кусаць! Штодня яны нецярпліва чакалі дрэсіроўшчыка за пуняй. Неўзабаве стары запанікаваў і патроху пачаў ужо шкадаваць аб сваёй неабачлівасці: аказваецца, лухта гэта, што з апоенымі жывёламі прасцей абыходзіцца, — маўляў, падпіўшы, яны, ачмурэлыя, здольныя на цуды! Дзе ён гэта пачуў і хто мог такое сказаць?! Аб марнасці і нават небяспечнасці далейшых дрэсіровак сведчыла і тое, што падрослыя «артысты» жлукцілі бражку міскамі. Гэтую навуку яны асвоілі дасканала. Вымушанае абмежаванне ўласнай перасмяглай глоткі зрабіла Ахрэма злосным і раздражнёным. Але адступаць было позна.

Сабака з катом выраслі на бражцы хутчэй, чым на малацэ. Яны настолькі пасябравалі, што навучыліся таму, да чаго б не дапяла ніякая старэчая фантазія: кот залівіста брахаў, а сабака гучна мяўкаў! Ды так адмыслова, што, калі жывёліны стаялі побач і «давалі канцэрт», немагчыма было адрозніць, у каго атрымліваецца лепш: у сабакі па-кацінаму або ў ката — па-сабачаму... Дзед ад страху заплюшчваў вочы і адчуваў, што паціху вар'яцее. Ён ужо не мог даць рады ні Жучку з Рыжым, ні старой. У адзін з рэдкіх момантаў кароткага прасвятлення Ахрэм раптам даўмеўся, што бяда амаль ступіла на парог, трэба шукаць нейкага паратунку. І тады стары ўтаропіўся задуменным позіркам на паддашак. Гэтай ноччу ён у хату не пайшоў...

Неўзабаве адбыўся дэбют. Тым ранкам старая вырашыла сілком выкалупаць «лысага пня», які колькі ўжо тыдняў, невядома чаму, хаваўся на паддашку. Зоська не магла даўмецца, што насамрэч Ахрэма моцна ўразілі непажаданыя наступствы дрэсіроўкі. Цяпёр ён не мог адолець нават звыклую норму: зрання, крыху глынуўшы бражкі, амаль без прымусу над сабой, дзед усё больш падліваў кату і сабаку. Часам яму здавалася, што ён ці то ўжо скончаны вар'ят, ці наогул хутка «лясне», бо выхаванцы зусім распераціся і паводзілі сябе надзвычай нахабна: самога Ахрэма маглі скарыстаць на закусь у любы момант! Мяжы паміж чалавекам і жывёлінамі ўжо амаль не існавала. Неўпрыкмет, застаючыся сам-насам, пакуль яшчэ ціхенька, дзядулька пачаў спярша брахаць, а потым і мяўкаць. Каб старая не заспела яго за такім нязвыклым заняткам, ён вырашыў да пары прытуліцца на паддашку...

Вечарам Ахрэм, як звычайна, крадком прабраўся на гарышча. Нанач ён асцярожна паліў «Прыму», Рыжы ўладкаваўся побач. Жучок раз-другі бразнуў ланцугом, пашкробся ў будцы і

сціх. Чарговая ноч прайшла спакойна. А зранку закруцілася, як віхор, хаця дагэтуль з вышыні ўсё выглядала для Ахрэма надзіва мірна.

На досвітку Ахрэмчыха выпаўзла на двор і заўважыла лесвіцу, якую дзед забыўся прыбраць. Упільнавала-ткі!

— Ага, чорт стары, вось дзе надумаўся залегчы, каб не рабіць, — пачала яна. — Зараз я табе схаваюся, мурза! Вось жа, кнырука, во смярдзючка! Бач ты, за-а-лёг... Ну, лайдак чортаў, скончылася маё цярпенне!

Крэкчучы, старая падцягнула лесвіцу бліжэй да дзверцаў паддашка, скінула боты, задрала спадніцу і рашуча пасунулася наверх. Ахрэм замітусіўся і ў роспачы, каб уцячы, хацеў ужо прадзіравіць мазгаўнёй спарахнелую ад часу дранку, але раптам пачуўся нечалавечы віск. Не паспела шчэ раз'юшаная Зоська разгледзець у прыцемках старога, што прытаіўся за комінам, як да яе са злосным брэхам кінуўся ўскудлачаны рыжы кот. Абаронца гаспадара пагрозліва вырачыў вочы, пругка скочыў уверх і з вуркатаннем учапіўся ў нейкую поўсць. Ад неспадзеўкі Ахрэмчыха выпусціла з рук скамечаны прыпол, дзіка заенчыла, пасунулася назад і разам з катом грымнулася з лесвіцы долу.

Калі яе забірала «хуткая», у будцы пераможна мяўкаў Жучок. Нахабны рыжы абаронца некуды знік. Стары ў адзіноце заставаўся на паддашку. Яму стала вусцішна, і ён нарэшце даў сабе волю: то на ўсе лады радасна гірчэў, а то пяшчотна заваблівaў котак. Увечары да Ахрэмавага падворка зноў падруліла «хуткая». Дужыя дзецюкі ў белых халатах крочылі да лесвіцы. Яны волакам сцягнулі Ахрэма з гарышча, моўчкі надавалі яму ў каршэнь і адвезлі нехлямяжнага дрэсіроўшчыка ў дурку.

...Некалькі дзён кот з сабакам дарэмна чакалі гаспадара на асірацелым селішчы. Згаладалыя, яны пачалі шнарыць па чужых падворках у пошуках бражкі. Такога нахабства мужыкі не стрывалі і арганізавалі на пранырaў аблаву. Жучок і Рыжы, адчуўшы небяспеку, назаўсёды пакінулі вёску.

Ахрэмчыха вярнулася з бальніцы на мыліцах. Неўзабаве ёй зрабілася невыносна сумна. Яна ізноў замяшала бражку і стала чакаць старога.

Magazine Issue Digest

A Newspaper's Story

Alina Suraviec

The "Novaja Gazieta Smorgoni" independent regional newspaper was closed down only a few months before its ninth anniversary. The Ministry of Information of the Republic of Belarus canceled the registration certificate of "NGS." Thus, the area with more than 60 thousand residents has been cleaned from the independent press by common efforts of central and regional authorities.

"It was a successful regional newspaper with quite a significant circulation, interesting contents, and professional design," — says its Editor-in-chief Alina Suraviec.

A range of official authorities — starting from the Fire Safety Inspection to the Supreme Economic Court — was engaged in the process of eliminating the "Novaja Gazieta Smorgoni" weekly. Now the authorities with their inherent refinement are doing away with the other independent newspapers in Belarus using the scheme tested in Smarhon.

A. Suraviec has told us how the editors struggled for the right to edit the newspaper and how the officials invented new ploys to close the edition. Thus, the newspaper was often evicted from the rented premises for insignificant and insufficient reasons. Therefore the newspaper editor purchased a small wooden house that became the newspaper's editorial office. Nevertheless, the journalists were thrown into the street from their own building three times more. Suraviec recollects that the Fire Safety Inspection officials claimed the furnace heating "faulty" and demanded to build the second flue. "We had to consult a specialist who concluded that everything was in conformity with standards. But not for the fire inspectors..." — says Suraviec.

"Also, there were found "the wrong" bars on the editorial office windows in December 2003. One can find a great number of the same bars in the city streets. However, "the faultiest" ones in the opinion of supervisory men were the bars on the windows at the "Novaja Gazieta Smorgoni" editorial office. Then the journalists were thrown into the street and the door got sealed up. We had to rent a private apartment and make up the newspaper nearly underground, deliver it to the city secretly and sell it virtually under the counter..."

Owing to the unilateral cancellation of the agreement with the State Post that is still a monopolist in the field of distributing the printed media, the editorials had to create immediately the delivery service of their own.

"It's a shame the employees of "Novaja Gazieta Smorgoni" are out of work now, — says A. Suraviec. There is a silent order in Smarhon to avoid taking the former "NGS" editorial team members to even the least popular positions." Thus, the journalists have turned out to be marked because of their democratic views and their work for the non-governmental press.

Social Archipelago "Belarus"

A journalist Alaksandr Koktysh talks with Valancin Akudovich, a philosopher and a famous figure in the Belarusian Renaissance of 1990-ies. The latter analyzes the events in Belarus that took place within the last decade. Mr. Akudovich highly evaluates the initial potential of the Belarusian Popular Front. However, he points out that the social and cultural situation in Belarus didn't possess the required power to keep up this movement in the initial scope." Against the background of political dribs and drabs that fuss about the Parnassus of political power, the famous BPF leader Zianon Pazniak is represented as a really outstanding personality who "hasn't had luck with the people." This may be the reason for someone to see Pazniak as the most likely President after Lukashenka. "In my opinion it's in vain — says Akudovich. — Pazniak will not be a success in Belarus as the whole "non-Belarusian" Belarus remains for him the hostile country to conquer with fire and sword. Therefore this hostile country will never choose its enemy to be the chief. Pazniak shouldn't try

to become an influential politician. He should remain the one who he is now, i. e. one of the most brilliant heroes of the National Myth."

Akudovich believes that only separate initiatives are left from the National Democratic movement now. However the actual resources of the national democratic idea are greater than they used to be in the early 90-ies. The problem is that another policy as well as some other forms of political work apart from mass meetings are required these days.

Iryna Halip:
"We Wish to Make Life in Belarus Better"

The "Time" magazine (USA) has presented "The Hero of Europe" Prize to Iryna Halip, a "Novaja Gazeta" reporter and a "BDG. Dielovaya Gazieta" journalist. The awarding ceremony took place in London on October 24, 2005.

In her interview Iryna Halip stated the following: "The events, which are happening in our country, the repressions that are getting more and more severe prove that first of all the Belarusian authorities are afraid of the internal opposition."

"In my native country my colleagues in the media field and I have lost our tribune, if I may say so. The greater part of independent newspapers is closed. Two thirds of the remaining periodicals are close to disappearance, — says Iryna Halip. — But we don't want to travel the world in search of a "good" country. We wish to improve life in this country. It is dangerous for any person to live and work in Belarus nowadays, even if he/she is not a politician, not a journalist, not an NGO activist. However, democratic journalists are in much greater danger than the other people. Sometimes it seems to me that journalists do

Sviatlana Kalinkina:
"Narodnaja Vola" Will Remain a Popular Edition"

The situation with non-governmental editions proves true that the state authorities have been systematically and openly "cleaning" the information field for many years ahead. The intensification of repression happens before important political campaigns, no matter whether these are Local, Parliamentary, or Presidential elections.

Sviatlana Kalinkina, the constantly prosecuted "Narodnaja Vola" independent newspaper's deputy Editor-in chief is convinced that the problems with her edition have been initiated by the state ideologists.

"The attack on the remaining independent mass media is on the start. Everything possible will be done to close down such newspapers before the Presidential election," — says S. Kalinkina.

There have been blocked the possibilities of printing and distributing "Narodnaja Vola" in Belarus. It is a complete blockade. Just imagine, what it means for a daily Belarusian newspaper not to be on sale at the news stalls or to be printed in the Russian city of Smolensk. We cannot inform people about the latest news. We are made to do it with a delay. It is not guaranteed that the newspaper will retain the access to the readers. Presently, the "Belposhta" news stands don't put our newspaper on sale though the sales agreements haven't been canceled yet.

In my opinion, the journalists and the media make the only strong opposition force in Belarus these days. The media get along with each other and act as a united front. Therefore the Belarusian media have been facing numerous attacks during the recent years, — adds S. Kalinkina. — I believe the only way out is a mass newspaper with huge circulation to be distributed free of charge in every Belarusian region."

The Press and the Opposition

Ludmila Graznova,
Vice-president of the United Civil Party

There exists the independent press and the political opposition in the country. The presence of these two powers in the conditions of Lukashenka's authoritarian regime is the actual achievement of the civil society and the Belarusian people. "Criticism or thoughts regarding the relations between them shouldn't be considered as a detriment to them. Criticism is a means of overcoming obstacles and misperception, — considers L. Graznova. — It is important that an independent edition is regularly and sufficiently financed by the readers, subscribers or from the funds aimed at the support of democracy building in the country. The media shouldn't be funded by politicians, political parties or NGOs. Another prerequisite for the objectivity of information is competition in the media market.

Unfortunately, no opposition newspaper is able to survive, relying on the readership in our country. Placing of advertisements that is an important part of the media-business in democratic states is suppressed in Belarus and this source forms a scanty part of income, obtained by our democratic editions. Taking into account the huge fines imposed on the most famous non-governmental periodicals, no independent printed media can boast of having regular and sufficient financing.

Newspaper editors can't offer their journalists decent salaries. The official fees are ridiculous not only in comparison with those paid to the journalists employed in the state-owned newspapers, but also in comparison with the wages of office workers.

As a result of repressions on the part of the state structures and the consequent reduction of funds available, the number of independent newspapers is getting smaller. The media field is converging, the competition between editions is breaking up, and the aim of getting the readers' preferences by means of unbiased journalist news coverage is receding into the background. If this or that event is covered by one newspaper only, it can interpret it as it sees the event without fear of being caught in lie.

The political opposition has direct access to the audience in the developed countries. However, there is no such tribune in Belarus at all. All electronic media are monopolized by the state. The independent radio is broadcast from abroad. The existing few newspapers and Web sites are the only support of the democratic opposition in the country. A competition between the oppositional politicians is immensely high for such a small media field. As a result of unbalanced demand and supply in the media market, parallel markets with the quasi-political product are being created these days. However, all civil society forces do reach a mutual agreement for the sake of democracy building in the country. This is another specific feature of the media's relationship with the political opposition in Belarus.

Access to Information Got Closed

Prof. Mikhail Pastukhou, D. L.,
Head of the Law Center for Media Protection at the Belarusian Association of Journalists

Article 10 of the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms (1950) states the following: "Everyone has the right to freedom of expression. This right shall include freedom to hold opinions and to receive and impart information and ideas without interference by public authority and regardless of frontiers."

The European approach in the field is reflected in the Belarusian Constitutional norm on the Belarusan citizens' right to get, keep and distribute information.

A number of other legal acts, including the current Press Law, declare and develop this approach. However, paradoxically, the Belarusan citizens can't implement this right in the overwhelming majority of cases.

The roots of this situation lie in the administrative-command system of governing the society that has remained since the Soviet

times. Then, the Soviet citizens couldn't have access to this or that information (especially to the archive materials) by law. The only way out was to get "a permit" from the Communist party and the governmental officials.

Nowadays, correspondents of Belarusian independent media can't obtain even general information from the state workers, e. g. the birth rate and the death rate in this or that district, the number of children in kindergartens and secondary schools etc.

The laws of practically all European states oblige governmental institutions and their workers to provide the citizens with any information they are interested in.

The Belarusian legislature has the similar norms as well. Thus, according to part 2, article 32 of the Belarusian Law "On the Press and Other Mass Communication Media" editorials can inquire the corresponding state authorities about their activity as well as about the functioning organizations, civil associations and their heads. The law previews imposing penalties on the state officials for their refusal to pass information to citizens.

Still, during the recent 10 years we have had a chance to witness a situation, when numerous state officials refused to give any information to journalists. Surprisingly, there have been no cases of penalizing the officials for their illegal actions so far. Therefore, the Belarusian citizens' right to get information remains a nice, but empty declaration these days.

It should be especially mentioned that special laws on the Freedom of Information have been acting in numerous European countries, including Norway (since 1970), Austria (since 1988), Italy (since 1990), The Netherlands (since 1991), Belgium (since 1994), as well as Hungary (since 1992), Lithuania (since 1996) and Moldova (since 2000).

For the first time in the world, the law on the Press Freedom was adopted in Sweden in 1776. The Press Law came into force there in 1812. A new basic law was approved in 1949.

The Swedish Law "On the Freedom of Speech", adopted in 1991, stipulates the Swedes' right to seek and obtain information including the data on the work of governmental authorities.

Parallels

(NON-) MARKET ASYMMETRY

Jonas LAURINAVICHUS,
Vilnius

Belarus and Lithuania have similar natural landscapes and climates. Moreover, the countries have a range of practically single-typed traditional sectors of national economies. However, the approaches to solving even identical problems differ a lot. "We are witnessing a competition of different economic systems," — states the author.

J. Laurinavichus dwells upon the state of economic relations between the countries in the gas field. Consequently, he mentions that "firstly, our countries are mutually interested in cooperation within the sectors of economy, which differ one from another and supplement each other."

Despite the evident similarity of algorithms, used for promoting products and services in the neighboring markets, Belarus and Lithuania have absolutely asymmetric approaches in managing the process. While Lithuania achieves positive results due to involving the private initiative, Belarus strives for the same results by means of enormous efforts on the part of the state machinery.